ISSN 2072-7607

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Научный журнал

Выпуск 4 (67)

Рязань 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 г. Реестровая запись СМИ **ПИ № ФС77-72456**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Я. М. Колкер, главный редактор, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Е. С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

С. Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (центр немецкого языка — партнер Гёте-Института, Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль),

В. Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. А. Ахренова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

В. Н. Бабаян, д-р филол. наук, доц. (Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, Ярославль),

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай),

А. Н. Гордей, д-р филол. наук, проф. (Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь),

Г.-Г. Дрёссигер, д-р филол. наук, проф. (Каунасский филиал Вильнюсского университета, Литва),

С. Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия; Российско-Армянский университет, Ереван, Армения),

А. А. Колесников, д-р пед. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

Т. Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный государственный медицинский университет, Архангельск),

С. А. Ламзин, д-р пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Е. Г. Логинова, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Л. Н. Лунькова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

Альберто Манко, д-р филол. наук, доц. (Университет L'Orientale, Неаполь, Италия),

Е. Л. Марьяновская, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Л. А. Милованова, д-р пед. наук, проф. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. Д. Петренко, д-р филол. наук, проф. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

И. М. Петрова, д-р филол. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск),

А. А. Решетова, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Т. С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский государственный технический университет, Пермь),

О. В. Соколова, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

В. В. Фещенко, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

Д. М. Храбскова, канд. филол. наук, доц. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

О. Г. Чупрына, д-р филол. наук, проф. (Московский городской педагогический университет; Московский педагогический государственный университет, Москва),

И. М. Шеина, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань).

Журнал выходит 4 раза в год.

С 01.12.2015 г. **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес и телефон редакции: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46;
тел.: (4912) 21-57-23, e.ustinova@365.rsu.edu.ru

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.
Подписной индекс издания № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России»

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», 2023

© «Иностранные языки в высшей школе», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I
Вопросы упорядочения смысловых единиц

Золян С. Т.
Что есть дискурс? Возвращаясь к «потаенному» Соссюру 6

Шеина И. М.
Прототипическая модель концепта как инструмент для исследования 12

Раздел II
Художественный текст как дискурс
в прагматическом и предпереводческом аспектах

Захаркив Е. В.
Семантика противительности и прагматика противопоставления
в современной русско- и англоязычной поэзии 18

Марьяновская Е. Л.
Выдвижение и верификация гипотез в процессе анализа художественного текста 25

Раздел III
Проблемы терминоведения
в свете перевода и комбина́торной семантики

Стрельцов А. А.
Использование и трудности перевода геральдических терминов
в драматическом произведении 32

Фань Чжии
Рекурсивный анализ китайских терминов подъязыка «электроэнергетика» 41

Раздел IV
Исследование массмедийных стратегий

Боровикова Н. В.
Функции прозвища и его соотнесенность с внеязыковой действительностью
(на материале французского языка) 49

Борюшова И. Ю.
Стратегия дискредитации в массмедиа: на материале англоязычных и русскоязычных статей 55

Корнеева В. А.
Категория аттрактивности в институциональном медийном дискурсе
(на материале журнала «Коммерсантъ Наука») 64

Шитикова А. В.
Прагматический аспект вариантной формы немецкой пословицы
в электронной коммуникации Германии, Австрии, Швейцарии 74

Раздел V
Памяти Якова Моисеевича Колкера

Устинова Е. С.
Перевод поэзии как ремесло: основы переводческого кредо Я. М. Колкера 84

In Memoriam 93

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами 96

TABLE OF CONTENTS

Part I
On systematizing meaningful units

Zolyan, Suren
What is discourse? Returning to the "hidden" Saussure 6

Sheina, Irina
A prototypical model of a concept as a tool for research 12

Part II
Literary text from the perspectives of pragmatics and pre-translation analysis

Zakharkiv, Ekaterina
Semantics and pragmatics of contrastive relationship in contemporary russo- and anglophone poetry 18

Maryanovskaya, Elena
Putting forward and verifying hypotheses while analyzing prose fiction 25

Part III
Terminological studies in the light of translation and combinatory semantics

Streltsov, Alexey
The usage of heraldic terms in a drama piece and difficulties of their translation 32

Fan Zhiyi
Recursive analysis of Chinese terms in the sublanguage "electric power industry" 41

Part IV
Studies of mass media strategies

Borovikova, Natalia
Functions of the nickname and its relation to the extralinguistic reality (based on the material of the French language) 49

Boryushova, Irina
Discrediting strategy in the mass media: based on articles in English and Russian 55

Korneeva, Vera
Category of attractiveness in institutional media discourse (based on the material of the magazine *Kommersant Nauka*) 64

Shitikova, Anzhelika
Pragmatic aspect of the variant form of the German proverb in electronic communications of Germany, Austria, Switzerland 74

Part V
To the loving memory of Yakov Kolker

Ustinova, Elena
Translating poetry as a craft: The essence of Yakov Kolker's creed as a translator 84

In Memoriam 93

Requirements to the papers submitted (in Russian) * 96

* Available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en/technical-requirements

Светлой памяти

Якова Моисеевича Колкера

посвящается

РАЗДЕЛ I

ВОПРОСЫ УПОРЯДОЧЕНИЯ СМЫСЛОВЫХ ЕДИНИЦ

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 6–11.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;4(67):6–11.

Научная статья
УДК 8:0
DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.001

Что есть дискурс? Возвращаясь к «потаенному» Соссюру *.

Сурен Тигранович Золян
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия;
surenzolyan@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается понятие дискурса в его соотношении с классической триадой Фердинанда де Соссюра «языковая деятельность — язык — речь» (langage — langue — parole). Это понятие появляется в 1943 году у Эрика Бюиссанса в полемике с Ф. де Соссюром. Им, а впоследствии и другими лингвистами, было показано, что триада Соссюра недостаточна, поскольку нет непосредственного перехода от языка-как-системы (langue) к языку-как-деятельности (langage) и от языка-как-системы (langue) к речи. Понятие дискурса было призвано служить связующей сферой между ними. Однако посмертная публикация черновых записей Соссюра показывает, что, во-первых, сам Соссюр осознавал неполноту подобной триады. Знакомая нам в ее хрестоматийной интерпретации триада langage — langue — parole в рукописях Соссюра предстает скорее как процесс поисков, а не окончательное решение. Во-вторых, редакторы последовательно элиминировали сам термин «дискурс». Этот термин использовался Соссюром в различных значениях, их смысловое ядро можно свести к такому: «элементы языка в их употреблении». Некоторые заметки Соссюра публикаторам были неизвестны, в том числе и так называемая «оранжерейная» рукопись. В этой рукописи есть цельная заметка о том, что дискурс — это дополнительный по отношению к языку как системе порядок организации смысловых единиц языка. Такое понимание дискурса Соссюром близко к представлениям современных исследователей.

Ключевые слова: языковая деятельность — язык — речь, дискурс, Ф. де Соссюр.

Для цитирования: Золян С. Т. Что есть дискурс? Возвращаясь к «потаенному» Соссюру // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 6–11. DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.001.

Original article

What is discourse? Returning to the “hidden” Saussure

Suren T. Zolyan
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia:
surenzolyan@gmail.com

Abstract. We address the conception of discourse in its connection with Ferdinand de Saussure’s classical triad langage — langue — parole. This concept appeared in 1943 in Eric Buissance’s polemics with F. de Saussure. He, and later tother linguists, have demonstrated that Saussure’s triad is insufficient, since there is no direct transition from language-as-system (langue) to language-as-activity (langage) and from language-as-system (langue) to speech. The concept of discourse was introduced as a connecting domain between them. However, the posthumous publication of Saussure’s drafts shows that, firstly, Saussure was aware of the incompleteness of such a triad. In his manuscripts, the triad langage-langue-parole, instead of its well-known in its textbook interpretation, appears more as a process of search than an ultimate solution. Secondly, the editors of the Course consistently

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете имени Иммануила Канта.

© Золян С. Т., 2023

eliminated the term discourse. This term was used by Saussure in various meanings, their semantic core can be reduced to the following: the elements of language in their use. Some of Saussure's notes were unfamiliar to the publishers, including the so-called Orangery Manuscript. In this manuscript there is a complete note that discourse is an additional order of organizing semantic units of language in relation to language as a system. Saussure's understanding of discourse is close to the conceptions of modern researchers.

Keywords: langage — langue — parole, discourse, F. de Saussure.

For citation: Zolyan S. T. What is discourse? Returning to the "hidden" Saussure. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 4(67):6–11. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.001.

1. Является ли речь манифестацией языковой системы? Соссюр в поисках решения

Фердинанд де Соссюр и дискурс — такая постановка проблема может вызвать недоумение. Дело в том, что понятие дискурса было введено в лингвистику Эриком Бюиссансом в 1943 году [Бюиссанс, 2016] как дополнение в триаде Соссюра «язык — речь — языковая деятельность (langue — parole — langage) [1]. Именно в этом ключе в различных направлениях развивалась лингвистика [2]. Как было неоднократно продемонстрировано уже после Бюиссанса, нет возможности непосредственного перехода от языка как системы к речи, что и приводит к необходимости введения некоторых промежуточных концептов (вслед за Бюиссансом это было предложено Эмилем Бенвенистом, Юрием Степановым, Мишелем Фуко; анализ этих концепций дан нами в [Золян, 2019]). Однако, как выясняется из обнаруженных только в конце XX века рукописей Соссюра, эту необходимость осознавал и сам лингвист.

Дело в том, что противопоставление Соссюром языковой деятельности, языка и речи дошло до нас в редакции его учеников, Шарля Балли и Альбера Сеше. При этом в оригинальной статье самого Сеше также вводится разграничение между *langue* и *langage,* но оно значительно отличается от Соссюровского: «Язык-*langue в* обычном смысле является промежуточным состоянием, объединяющим общие характеристики многих грамматических состояний, существующих в данное время и в данном месте. *Язык- langage* — это *язык в* действии; он находится в индивидуальном говорящем, который добровольно активирует его, чтобы выразить всеми ему доступными средствами мысль, которую он хочет передать, и эмоцию, которую он испытывает. *Язык-langage* — это постоянное оригинальное творение, применение абстрактных и общих процессов к конкретной цели, а именно перевод и интерпретация психических состояний в жесты, слова, организованные предложения» (курсив — автора цитаты; пер. наш. — *С. З.*) ([Sechehaye, 1908, p. 184]; цит. по: [Engler 2006, p. 56]).

Как видим, язык-langage в понимании Сеше — это скорее то, что в триаде Соссюра приняло вид речи (parole): «У речевой деятельности (langage) есть две стороны: индивидуальная и социальная, причем одну нельзя понять без другой» [Соссюр, 1977, с. 49]. Однако при этом следует учесть, что принимаемое за Соссюровское хрестоматийное понимание языка как системы, а речи — как ее манифестации, сам лингвист приписывал не себе, а *школе Боппа,* и полемизировал с ним, подчеркивая процесс динамического взаимодействия между langue и langage: «Недоразумение, которое первоначально преследовало школу Ф. Боппа, заключалось в том, что они наделяли языки телом, воображаемым существованием вне говорящих индивидов. Абстракция в пределах языка, даже при правильном применении, на практике имеет лишь ограниченное применение — это логический процесс, особенно абстракция, которой придано тело... Школа Боппа сказала бы, что язык-langage — это применение языка-langue. Теперь ясно, что имеет место постоянная взаимность и что лингвистическая система имеет свое единственное приложение и единственный источник в актах языка... в то время как язык (langage) является одновременно и приложением, и генератором языковой системы (langue)» (пер. наш. — *С. З.*) [Saussure, 2006, p. 85]).

---

[1] Обычно *langage* переводят как как *речевая деятельность*, что навевает ассоциации с речью (parole). Н. Слюсарева резонно предложила использовать выражение «языковая деятельность», чему мы и следуем в данном случае [Соссюр, 2001]. М. Ильин предложил переводить langue как *яз:* «Язык во всей своей целостности, или langage, имеет две стороны: parole — речь, события общения, как они происходят во времени (online), и langue — яз, абстрактную систему языка, которую используют общающиеся в любой момент речи (offline)» [Ильин, 2015, с. 167]. В английских переводах, во избежание путаницы, часто используют соссюровские термины без перевода.

[2] Мы не рассматриваем то направление, которое, видимо, ведет начало от статьи Зелига Хэрриса [Harris, 1952], где дискурс рассматривается как нечто, соотнесенное с текстом. Это допустимо, если только понимать под дискурсом, как это делал Хэррис, некоторый связный фрагмент текста. Однако при расширительном понимании, в отличие от наблюдаемого объекта (текста), дискурс принадлежит к абстракциям, почему и его сопоставление с текстом некорректно, а его место должно быть определено в рамках именно Соссюровской триады (подробнее о нашей концепции см.: [Золян, 2009 ; 2020a ; 2020b]).

Записи лекций показывают, что приводимая Сеше интерпретация также рассматривалась Соссюром, но как противопоставление социальной по характеру речи (parole) индивидуальному языку (langue): «Из этих двух сфер сфера <parole> является более социальной, а другая — более индивидуальной. Langue — это репертуар индивида; Все, что входит в Langue, т. е. в голову, индивидуально» (пер. наш. — *С. З.*; цит. по: [Engler, 2006, p. 57]). Но, размышляя над этим противопоставлением, Соссюр обнаруживает, что при переходе от индивидуального языка-langue возникает еще один концепт-конструкт, некий надиндивидуальный и внесоциальный ирреальный язык-langue. Язык (langue) как нематериальный, исключительно психический феномен требует социальной манифестации, но и в этой новой ипостаси он останется, пусть и другим, но языком-langue, а вовсе не речью: «[1283] Если из языковой деятельности (langage) вычесть все, что является Речью, то оставшуюся часть можно назвать собственно Языком (langue), который состоит исключительно из психических элементов; [1285] Но такой язык будет рассматриваться вне его социальности, будет ирреальным, ибо для его существования необходима масса говорящих, которая пользуется языком. Язык пребывает в коллективной душе. [1288] Но это по-прежнему не Речь. [1289] Теперь перед нами потенциально возможный язык, но вне исторической реальности» [Соссюр, 2001, с. 192].

Как видим, переход от языковой деятельности (langage) к речи (parole) предполагает не один, а два языка-langue. Поэтому в квазиуравнении Соссюра появляется нечто новое — это *второй язык,* который пребывает не в индивиде, а в коллективной душе [3]. Оба они состоят исключительно из психических элементов, но тем не менее они не есть та очищенная от индивидов и социума (коллективной души) абстракция, которую Соссюр приписывает *школе Боппа.* Помимо этих двух обладающих определенной психической реальностью языков (один локализуется в мозгу индивида, другой — в коллективной душе социума) возникает еще один — ирреальный, рассматриваемый безотносительно говорящих на нем индивида и социума. Он потенциально возможен, но находится вне исторической реальности. Видимо, именнно этот третий язык и стал той абстрагированной от носителей языка системой, рассматриваемой как *язык в себе и для себя* [4]. Языковая деятельность проецируется на две плоскости: социальную и индивидуальную. Переход от индивидуальных психических состояний к публичной социальной речи оказывается возможным посредством еще одного психического феномена — через язык, локализуемый Соссюром в *коллективной душе*. Все эти значительно различающиеся и не совсем понятные определения показывают, что знакомая нам в ее хрестоматийной интерпретации триада langage — langue — parole в рукописях Соссюра предстает скорее как процесс поисков, а не окончательное решение.

2. Дискурс как дополнительная семантическая система

Как мы постарались показать выше, переход от языка к речи значительно отличался от той хрестоматийной интерпретации, которую она приобрела впоследствии и которую сам Соссюр приписывал *школе Боппа.* В процессе этого перехода возникают также новые конструкты, дополнительные языки-langue. При этом часто параллельно с речью вводится также и понятие дискурса. Оно оказывается чем-то вроде актуализации потенций языка и в то же время моделью для манифестированной речи. Дискурс понимается как нечто отличное не только от языка-langage и языка-langue, но и от речи (parole). Однако редакторы посмертного издания «Курса» последовательно исключали само слово “discours” из опубликованной ими версии. Симон Букэ, специально посвятивший этому вопросу раздел *Discourse' as an object in Saussure's general linguistics*, выделил, помимо принятого значения *связная*, точнее*, осмысленная речь*, еще четыре основных значения, в которых Соссюр употребляет это слово [Bouquet, 2006, pp. 210–214]. Можно заметить, что эти новые специфические смыслы, с одной стороны, сводятся к актуализации языкового элемента: например, Соссюр разграничивает слово в дискурсе, которое стоит в определенной форме, и абстрактное слово в языке, которое есть множество его изменяемых форм [Ibid., p. 211]. Смысловое ядро этих употреблений можно свести к «*элементы языка в их употреблении».* С другой стороны, выделяется некоторое новое измерение, дополнительное по отношению

[3] Ср. с формулировкой, вошедшей в канонический «Курс»: «Язык для нас — это речевая деятельность минус речь» [Соссюр, 1977, с. 109–110].

[4] Современные исследователи полагают, что чеканная концовка «Курса» — «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в себе и для себя» [Соссюр 1974: 269] —была приписана Соссюру его публикаторами. В рукописях и записях лекций формулировка отсутствует, ср.: «Последнее предложение *Курса* не только апокрифично, но и совершенно противоречиво» (пер. наш. — *С. З.*) [Bouquet, 2004, p. 207]); о предыстории фразы см.: [Engler, 2004, p. 58 ; Stawarska, 2015, pp. 213–219].

к синтагматическим и парадигматическим отношениям — «все то, что мы можем привнести, но не привносим в дискурс» (“everything that we do not bring, but that we could bring, to discourse”) (пер. наш. — *С. З.*; цит. по: [Bouquet, 2006, p. 211]). Примечательно, что дискурс в этом случае связывается с языком (langue), а не с речью (parole).

Помимо проведенного Букэ анализа отдельных разрозненных обращений к дискурсу имеет смысл особо остановиться на цельном фрагменте, обнаруженном только в 1996 году в так называемой «оранжерейной» рукописи, предположительно датируемой 1910—1911 годами. Текст содержит не столько определения, сколько вопросы, которые, уже независимо от Соссюра, были поставлены впоследствии: «*Langue* создается только применительно к дискурсу, но что отделяет дискурс от языковой системы, и что позволяет нам сказать, что языковая система *вступает в действие как дискурс в* любой данный момент?» (курсив — автора цитаты; пер. наш. — *С. З.*) [Saussure, 2006, p. 197].

Из этих вопросов и предположительно данных ответов можно заключить, что язык как система запускается в действие и функционирует как дискурс. При этом дискурс — это не только форма актуализация языка, не сводимая к речи, но также и некоторая дополнительная по отношению к синтагматическим и ассоциативным (парадигматическим) связям, все еще непонятная, и не только Соссюру, но и нам система соотнесения понятий, разделенных в языке и соединяемых в дискурсе: «Что необходимо для того, чтобы донести мысль (идею), смысл которой некто хочет донести до нас, используя бесчисленные термины, имеющиеся в его распоряжении в языке (langue)? Это тот же вопрос, что и “Что такое дискурс?”, и на первый взгляд ответ прост: дискурс состоит, даже в основе своей и непонятным для нас образом, в утверждении связи между двумя понятиями, которые наделены языковой формой, тогда как язык порождает лишь изолированные понятия, которые должны быть связаны друг с другом, чтобы можно было выразить смысл мысли» (пер. наш. — *С. З.*) [Saussure, 2006, p. 197].

Здесь уместно упомянуть оригинальную типологию дискурсов, предложенную М. Ильиным: он разграничивает дискурсы-продукты (множество текстов), дискурсы-паттерны (правила конструирования и модельной интерпретации дискурсов) и дискурсы-конверторы — правила контекстуализации, преобразования и понимания дискурсов [Ильин, 2015, с. 168]. Дискурс-конвертор, в отличие от дискурса-программы и дискурса-продукта, не имеет аналога ни в языке-как-системе, ни в речи. То, о чем пишет Соссюр, можно представить именно как дискурс-конвертор, преобразующий изолированные концепты в осознанную мысль: «Различные понятия, такие как *бык, озеро, небо, сильный, красный, грустный, рубить, видеть,* в языковой системе существуют в готовом виде (т. е. облачены в лингвистическую форму). В какой момент или в силу какой операции, какого *взаимодействия*, которое развивается между ними, при каких условиях эти понятия составляют ДИСКУРС?» (курсив, написание прописными буквами — автора цитаты; пер. наш. — *С. З.*) [Saussure, 2006, p. 197].

Как бы откликаясь на программу, заданную Мишелем Фуко, Соссюр отвечает: нечто большее, чего нет ни в языке, ни в речи [5], — это отсутствующая в языке (langue) новая система сопряжения идей, или концептов: «Эта цепочка слов, как бы богата она ни была идеями, которые она вызывает, никогда не даст человеческому индивиду основание предположить, что другой индивид хотел что-то обозначить для него. Что нужно для того, чтобы мы поняли ту мысль, которую некто хочет обозначить, используя термины, доступные в языковой системе? Это тот же самый вопрос, что и вопрос о том, что такое *дискурс,* и на первый взгляд ответ прост: дискурс состоит, пусть даже в рудиментарном виде и неизвестными нам способами, в подтверждении связи между двумя понятиями, которые появляются облаченными в языковую форму, в то время как языковая система прежде всего состоит только из изолированных понятий, ожидающих того, чтобы быть связанными отношениями друг с другом, так, чтобы содержательная мысль могла быть выражена» (курсив — автора цитаты; пер. наш. — *С. З.*) [Saussure, 2006, p. 197].

Как видим, выход от системы к речи осуществляется через коммуникацию, передачу значений, и это, по Соссюру, оказывается равнозначным предварительному ответу на вопрос *«Что есть дискурс»*. Возможно, так может быть заполнена лакуна между структурой и событием/операцией, на что указывал Никлас Луман [6]. Другой интерпретацией может стать развитие системы смысловых связей до цельной

[5] Ср.: «Разумеется, дискурсы состоят из знаков; но то, что они делают, это *больше*, чем просто использование этих знаков для обозначения вещей. Именно это делает их несводимыми к языку (*langue*) и к речи. Именно это “больше” мы и должны раскрыть и описать» (курсив — автора цитаты; пер. наш. — *С. З.*) [Foucault, 1972, p. 49].

[6] Ср.: «Оно <разграничение формы и медиума> заменяет или, по крайней мере, дополняет соссюровское различение между “langue” [язык] и “parole” [речь]. Это различение можно обобщить в различение структуры и события. Тогда-то мы и поймем, что ему не хватает как раз того, что дает системная теория, а именно — выработки объяснения, как события производят структуры, а структуры направляют события. Различение медиум / форма как раз и заполняет это срединное царство. Оно равно предполагает способные к сцеплению элементарные события (paroles), как и необходимость структурированного языка — для проведения этого сцепления и его варьирования, сообразного моменту» [Луман, 2011, p. 216]; подробнее об этом см.: [Золян, 2021, с. 131].

и тотальной идеологической системы (то есть дискурса в смысле Мишеля Фуко), связываемой уже не с индивидуальным использованием языка, а с социальными дискурсивными практиками и формациями. Особо интересна параллель между тем различием, которое Соссюр проводит между словами в языковой системе и в дискурсе, и тем, что писал А. С. Пушкин в 1836 о различии между словами в *лексиконе* и теми же словами в *книгах*: «*Это уж не ново, это было уж сказано* — вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но все уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. *Мысль* отдельно никогда ничего нового не представляет; *мысли же* могут быть разнообразны до бесконечности...» (курсив — автора цитаты) [Пушкин, 1949, с. 100].

И Пушкин, и Соссюр, а затем и Фуко указывают на то, что новые сочетания и новые связи наделяют элементы системы новыми смыслами. Поэтому дискурс есть то дополнительное смысловое измерение, которое отсутствует в языке и речи и возникает в тексте.

Статья была задумана как публикация в честь 85-летия Якова Моисеевича Колкера в надежде, что будет возможность обсудить ее с ним и подумать над ее продолжением. Горько сознавать, что мы лишились общения с этим прекрасным человеком и ученым. Но диалог продолжается: Яков Моисеевич, Вы и сейчас помогаете нам думать и искать!

Список источников

1. Бюиссанс Э. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь — дискурс — язык // Политическая наука. — 2016. — № 3. — С. 209—216.
2. Золян С. Т. Язык и дискурс: что нового в «новой» дискурсивной парадигме? // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. — СПб. ; Ереван : Изд-во СПбГУЭФ : Изд-во «Лингва», 2009. — С. 13–23.
3. Золян С. Т. Дискурс: объект или конструкт? // Иностранные языки в высшей школе. — 2020а. — № 2 (53) — С. 7–17.
4. Золян С. Т. Дискурс, язык, языковая деятельность // МЕТОД : Московский ежегодник тр. из обществоведческих дисциплин. — М. : ИНИОН РАН, 2020б. — Вып. 10. — С. 212—242. — DOI: 10.31249/metod/2020.10.12.
5. Золян С. Т. Как примирить Лумана с Соссюром: принцип внутрисистемной дифференциации как основа неоструктуралистского подхода // Вопросы языкознания. — 2021. — № 1. — С. 121—141. — DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.121-141.
6. Ильин М. В. В начале было слово? Или дело? // МЕТОД : Московский ежегодник тр. из обществоведческих дисциплин. — М., 2015. — Вып. 5. — С. 165–173.
7. Луман Н. Общество общества. — М. : Логос, 2011. — 640 с.
8. Пушкин А. С. Об обязанностях человека: Сочинение Сильвио Пеллико // Полное собрание сочинений : в 16 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937—1959. — Т. 12. — 1949. — С. 99–100.
9. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с фр. А. А. Холодовича. — М. : Прогресс, 1977. — 696 с.
10. Соссюр Ф де. Заметки по общей лингвистике / пер. с фр. ; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н. А. Слюсаревой. — М. : Прогресс, 2001. — 280 с.
11. Bouquet S. Saussure’s unfinished semantics // The Cambridge companion to Saussure / C. Sanders (ed.). — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. — Pp. 205–218.
12. Engler R. The making of the Cours de linguistique generale // The Cambridge Companion to Saussure / C. Sanders (ed.). — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. — Pp. 47–58.
13. Foucault M. The archaeology of knowledge. — Routledge, 1972. — 254 p.
14. Harris Z. Discourse Analysis // Language. — 1952. — № 28 (1). — Pp. 1–30. — DOI: 10.2307/409987.
15. Saussure F. de. Writings in general linguistics / S. Bouquet, R. Engler (eds.). — Oxford : Oxford Univ. Press, 2006. — 336 p.
16. Sechehaye A. La stylistique et la linguistique threorique // Mélanges de linguistique offerts `a M. Ferdinand de Saussure. — Paris : Champion, 1908. — Pp. 155–187.
17. Stawarska B. Saussure’s Philosophy of Language as Phenomenology. Undoing the doctrine of the Course in general linguistics. — NY : Oxford Univ. Press, 2015. — 304 p.

References

1. Buyssens E. On the abstract and the concrete in linguistic facts: Speech — discourse — language. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. 2016, no. 3, pp. 209–216. (In Russian.)

2. Zolyan S. T. Language and discourse: what is new in the “new” discursive paradigm? *Yazyk v paradigmakh gumanitarnogo znaniya: XXI vek* [Language in the paradigms of humanitarian knowledge: XXI century]. St. Petersburg, Yerevan, Publ. House of SPbSUEF, Lingua Publ., 2009, pp. 13–23. (In Russian).

3. Zolyan S. Discourse: an object of research or a research construct? *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign languages in Tertiary Education]. 2020a, no. 2 (53), pp. 7—17. (In Russian).

4. Zolyan S. T. Discourse, Language (Langue), Language Activity (Langage). *METOD: Moskovskiy yezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies]. 2020b, vol. 10, pp. 212–242. DOI: 10.31249/metod/2020.10.12. (In Russian).

5. Zolyan S. T. How to reconcile Luhmann with Saussure: Principle of intrasystemic differentiation as a basis for neo-sctructuralist approach. *Voprosy Jazykoznanija* [Problems of Linguistics]. 2021, no. 1, pp. 121–141 . DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.121-141. (In Russian).

6. Ilyin M. V. In the beginning was the word? Or act? *METOD: Moskovskiy yezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies]. 2015, vol. 5, pp. 165–173. (In Russian).

7. Luhmann N. *Obshchestvo obshchestva* [The Society of Society]. Moscow, Logos Publ., 2011, 640 p. (Transl. into Russian).

8. Pushkin A. S. On the duties of man: An essay by Silvio Pellico. [Complete works: in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1937–1959, vol. 12, 1949, pp. 99–100.

9. Saussure F de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on Linguistics]. Transl. from French by A. A. Kholodovich. Moscow, Progress Publ., 1977, 696 p. (In Russian).

10. Saussure F de. *Notes on General Linguistics*. Transl. from French. Ed. and comment. by N. A. Slyusareva. Moscow, Progress Publ., 2001, 280 p. (In Russian).

11. Bouquet S. Saussure’s unfinished semantics. *The Cambridge companion to Saussure*. C. Sanders (ed.). Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2004, pp. 205–218.

12. Engler R. The making of the Cours de linguistique generale. *The Cambridge Companion to Saussure.* C. Sanders (ed.) Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2006, pp. 47–58.

13. Foucault M. *The archaeology of knowledge*. Routledge, 1972, 254 p.

14. Harris Z. Discourse Analysis. *Language.* 1952, no. 28 (1), pp. 1–30. DOI: 10.2307/409987.

15. Saussure F. de *Writings in general linguistics*. S. Bouquet, R. Engler (eds.). Oxford, Oxford Univ. Press, 2006, 336 p.

16. Sechehaye A. La stylistique et la linguistique threorique. *Mélanges de linguistique offerts `a M. Ferdinand de Saussure*. Paris, Champion, pp. 155–187.

17. Stawarska B. *Saussure’s Philosophy of Language as Phenomenology. Undoing the doctrine of the Course in general linguistics*. NY, Oxford Univ. Press, 2015, 304 p.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 12–17.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;4(67):12–17.

Научная статья
УДК 81’373
DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.002

Прототипическая модель концепта как инструмент для исследования *

Ирина Михайловна Шеина
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
i.sheina@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Данное исследование предлагает прототипическую модель концепта «колония» и категории «колония» как инструмент для определения статуса той или иной территории, так как в общественных науках часто возникают разногласия по данным вопросам. Методы исследования включают: анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ, прототипическое моделирование.

На первом этапе исследования выявлен набор признаков, определяющих содержание концепта «колония», на основе анализа словарных дефиниций и контекстов словоупотребления в Национальном корпусе русского языка. Далее признаки распределялись в ядерной, приядерной и периферийной зонах прототипической модели. На следующем этапе прототипическая модель применялась в качестве критерия для определения статуса трех территорий: Аляски и Алеутских островов, Форт-Росса как заокеанских территорий Российской империи, а также Китая XIX века. Анализ фрагментов дискурса, описывающих ситуацию на каждой из территорий, показал, что Аляска и Алеутские острова находятся в центре прототипической модели категории «колония», так как при их описании реализуются все признаки колонии, Форт-Росс расположен в зоне между центром и периферией, так как в дискурсе не проявляются некоторые второстепенные признаки, а Китай XIX века помещен на периферию категории, поскольку в его описании не реализуется один ядерный признак (часть целого). Такой подход позволяет подойти к оценке положения исследуемой страны или территории в тот или иной исторический период на основе объективных критериев.

Ключевые слова: концепт, колония, контекстуальный анализ, прототип, прототипическая модель, признак, ядро, периферия.

Для цитирования: Шеина И. М. Прототипическая модель концепта как инструмент для исследования // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 12–17. DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.002.

Original article

A prototypical model of a concept as a tool for research

Irina M. Sheina
Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
i.sheina@365.rsu.edu.ru

Abstract. This research suggests a prototypical model of the concept “colony” and the category “colony” as a tool to identify the status of this or that territory as in social sciences this issue often causes debate. Research methods include the dictionary definitions analysis, the conceptual analysis and prototypical modeling.

The features constituting the concept “colony” were identified on the basis of the dictionary definitions analysis and the contextual analysis. On the next stage of the research they were distributed in the three zones of the prototypical model: in the nucleus, the near-nucleus zone, and the periphery. Then the model was applied as a set of criteria to identify the status of three territories: Alaska and the Aleutian Island, Fort-Ross as overseas territories of the Russian Empire and China in the XIXth century. Analysis of pieces of discourse describing the situation on each of the territories shows that Alaska and the Aleutian Islands are in the nucleus of the model as they manifest all the features of a colony. Fort-Ross is located in the near-nucleus zone as some of the peripheral features of the concept are not revealed in discourse. China is in the peripheral zone as one of the nuclear features (“part of a whole”) is not manifested in discourse. From the author’s point of view the prototypical approach can help to determine the status of a country or territory in this or that historical period.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00043 «Борьба за колонии на Севере Тихого океана в XVIII — первой половине XIX вв.» в Институте всеобщей истории Российской академии наук.

© Шеина И. М., 2023

Keywords: concept, colony, contextual analysis, prototype, prototypical model, feature, nucleus, periphery.

For citation: Sheina I. M. A prototypical model of a concept as a tool for research. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 4(67):12–17. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.002.

Введение

В общественных науках термин «колония» остается предметом дискуссий и получает неоднозначные трактовки. И. И. Рогов, например, в статье «Колониальная империя: история и современность. Проблемы определения понятий» ставит вопрос: «Колонии — это исключительно плохо? Если плохо, то почему?» [Рогов, 2011, с. 162]. Зачастую дискуссии вызывает статус той или иной территории: насколько правомерно считать ее колонией. В. Л. Иноземцев в статье «Колонии и зависимые территории: приглашение в дискуссии» отмечает, что имевшее место изменение в значении слова колония «вызвало значительную путаницу» [Иноземцев, 2014, с. 155].

В данной статье предлагается попытка ответить на некоторые вопросы общественных и гуманитарных наук с помощью лингвистических методов. Цель исследования — выявление критериев применимости концепта к референту на основе прототипической модели концепта и прототипической модели соответствующей категории. Объект исследования — концепт «колония», объективируемый в дискурсивных практиках. Предмет исследования — прототипическая организация его признаков, используемая в качестве критериев определения центральности или периферийности референтов.

Основная часть

Методы исследования

Основным методом в данной части исследования стало создание прототипической модели концепта «колония» и категории «колония», в дальнейшем эти модели использовались как инструмент выделения центральных и периферийных членов данной категории.

Среди многочисленных интерпретаций концепта нами было принято определение Е. Б. Пенягиной, которая понимает этот термин как «многомерное ментальное образование, сформировавшееся… в сознании языкового коллектива, являющее собой совокупность знаний и представлений о фрагменте мира, предмете или явлении реальной действительности, обладающее ценностными характеристиками для конкретной языковой личности и коллективного сознания в целом, т. е. отражающее национальную и социокультурную специфику видения мира носителем языка» [Пенягина, 2022, с. 9].

В основу прототипических моделей были положены признаки концепта «колония» в его современном понимании, выявленные путем анализа словарных дефиниций и контекстуального анализа на основе Национального корпуса русского языка [Ожегов, Шведова, 1994 ; Ефремова, 2000]. Анализ словарных дефиниций был ступенчатым, то есть слова, вербализующие признаки в дефинициях слова «колония», подвергались семантическому анализу, или, как это называют И. А. Стернин и А. В. Рудакова, «семному развертыванию» [Стернин, Рудакова, 2017, с. 16], что позволило установить уточненный набор признаков концепта. Например, такие признаки, как «страна» и «территория» в результате «семного развертывания» приводят к базовым признакам «пространство» и «размер». Подробно эта процедура описана в статье, которая в настоящее время находится на рецензировании.

Прототипическая структура категории «колония»

Результатом применения вышеуказанных методов стал следующий набор признаков концепта «колония»: *время* (колония имеет начало и конец), *пространство* (местоположение и размер), *часть целого* (колония является частью империи), *изменение* (как положительное, так и отрицательное), *принадлежность* (колония принадлежит метрополии), *подчинение* (как форма управления), *насилие*, *оценка* (положительная и отрицательная).

Рассматривая концепт «колония» в совокупности признаков, зафиксированных как в словарях, так и в контекстах употребления, необходимо еще раз отметить, что в ходе дискуссий, предпринимаемых общественными науками, колониальный статус той или иной территории может подвергаться сомнению. Это подтверждает справедливость теории прототипов, утверждающей, что категории как группировки объектов на основе общего концепта включают в себя, как правило, неравнозначные единицы, каждая из которых может в разной степени отражать существенные признаки общего концепта.

Поскольку эти признаки различны по степени значимости для категории, возникает возможность распределить их по принципу «ядро — приядерная зона — периферия». Иерархия признаков по степени значимости для отнесения объекта к категории формируется на основе признаков того концепта, который служит основанием для объединения объектов в одну категорию [Болдырев, 2006, с. 6].

На основании словарных дефиниций и наиболее частотных контекстов в Национальном корпусе русского языка в качестве ядерных признаков концепта «колония» можно выделить следующие: *часть целого*, *принадлежность* и *подчинение*. Именно эти признаки определяют ту или иную территорию как колонию.

Такие признаки, как *время* (начало и конец), *пространство* (местоположение и размер), *изменение* (как положительное, так и отрицательное) также всегда будут присутствовать в содержании концептов, подпадающих под категорию «колония», но они не являются дифференцирующими, отличающими колонию от суверенного государства. Их можно расположить в приядерной зоне. Признаки *насилие* и *оценка* находятся на периферии, так как в определении статуса колонии они играют вспомогательную роль. Таким образом, предлагаемая модель основана на принципе распределения признаков.

Рассмотрим с точки зрения теории прототипов российские владения на Аляске и Алеутских островах, получившие название Русская Америка. Контексты для анализа отбирались как из Национального корпуса русского языка, так и из научных трудов по этой теме.

Ядерные признаки *часть целого*, *принадлежность* и *подчинение* обнаружены во множестве контекстов, например:

1) «…была открыта и присоединена к стране огромная и богатейшая часть северо-западного американского континента — полуостров Аляска (впоследствии проданный американцам) с целым рядом принадлежащих к ней Алеутских островов» (Б. Г. Островский «Великая Северная экспедиция» (1937)) [Национальный корпус русского языка].

2) «Пустынная северо-западная оконечность Американского материка (Аляска), принадлежавшая России по праву первой заимки, была тогда же уступлена Северо-Американским Соединенным Штатам за 7 млн долларов» (С. Ф. Платонов «Полный курс лекций по русской истории» (1898–1899)) [Национальный корпус русского языка].

3) «…в Русской Америке при отсутствии личной свободы работника господствовало внеэкономическое принуждение к труду» [Гринев, 2003, с. 98].

В структуре концепта «Русская Америка», несомненно, присутствуют признаки *место* и *время* (начало и конец):

4) «Традиционно под этим термином подразумеваются территории современного американского штата Аляска, включая Алеутские о-ва. В то же время можно отметить, что понятие “Русская Америка” несколько шире и включает в себя некогда принадлежавший России небольшой участок земли вокруг селения Росс (Форт-Росс) в Калифорнии к северу от зал. Сан-Франциско, а также Командорские о-ва, входящие ныне в состав Российской Федерации» [Гринев, 2000, с. 5].

5) «Российско-Американская Компания давно исчезла, Аляска (ее территория в два с половиной раза больше Франции!) в 1867 году за семь миллионов двести тысяч долларов (т. е. почти даром!) продана Россией Соединенным Штатам — и жизнь отсюда ушла» (В. М. Зензинов «Пережитое» (1953)) [Национальный корпус русского языка].

Признак *изменение* в положительном значении прослеживается в следующем контексте:

6) «Положение наших русских промышленников тяжелое и нечего удивляться, что Аляска быстро развивается и богатеет, а наша отдаленная Сибирь остается заснувшей» (На нашем Дальнем Востоке (11.04.1914) // «Новое время», 1914) [Национальный корпус русского языка].

Признак *оценка* (как положительная, так и отрицательная) содержится в следующем контексте:

7) «Это была русская Аляска — необжитая, богатая и опасная» (К. Г. Паустовский «Книга о жизни. Далекие годы» (1946)) [Национальный корпус русского языка].

Признак *насилие* также встречается в исследованных контекстах:

8) «Царские власти, прослышав о массовых насилиях и произволе промышленников в Новом Свете, пытались взять туземцев (потенциальных подданных и плательщиков ясака) под свою защиту» [Гринев, 2003, с. 105].

Таким образом, в трактовке колоний Российской империи на Аляске и Алеутских островах присутствуют все признаки, формирующие соответствующую прототипическую категорию, и можно констатировать, что данные объекты входят в число ее центральных членов.

Следует отдельно рассмотреть Форт-Росс как часть Русской Америки, поскольку в характеристиках этой колонии обнаружены некоторые отличия от Аляски и Алеутских островов.

При том что в контекстах отмечаются ядерные признаки (*часть целого* и *принадлежность*), приядерные (*время*, *пространство*, *изменение*), один из периферийных признаков — *насилие* — авторы комментируют скорее в отрицательном значении, один из ядерных признаков — *подчинение* — также реализуется частично. Приведем примеры:

9) «Индейцы отказывались идти на тяжелую сельскохозяйственную работу, за которую их вознаграждали дешевыми подарками» [Августин (Никитин), 2014, с. 10].

10) «Использование русскими принуждения при мобилизации рабочей силы не было прямым аналогом пригона индейцев в испанские миссии. Русские пригоняли индейцев на время, вне связи с христианизацией или какими-то иными формами насильственной аккультурации, и создавали некоторую видимость компенсации их труда, удовлетворявшую какое-то время индейцев» [Истомин, 2019, с. 332].

Следовательно, подпадая под категорию «колония», Форт-Росс не входит в число центральных членов категории, в отличие от Аляски и Алеутских островов. Вместе с тем он не является и периферийным, так как большая часть признаков реализуется, то есть этот объект расположен между центром и периферией.

Для того чтобы продемонстрировать пример периферийного члена категории, обратимся к ситуации в Китае XIX века.

Исследователи называют Китай «полуколонией»:

11) «Именно в 1860–1900-е гг. западные страны проводили наиболее активную экспансионистскую политику в Китае, в результате которой Китай фактически превратился в полуколониальную страну, зависимую от западных держав» [Чжань, 2011, с. 5].

В данном контексте реализуется один из ядерных признаков — *подчинение*. Другой ядерный признак, *принадлежность*, выявляется частично, поскольку лишь отдельные территории стали частью других империй:

12) «К концу XIX века районы северного, юго-западного, северо-восточного Китая, а также бассейн реки Янцзы, являлись территориями, на которых осуществлялось влияние Англии, Франции, Германии, царской России, а затем и Японии» [Ярошевич, 2016, с. 252].

Третий ядерный признак, *часть целого*, не реализуется в положении Китая, так как страна в целом формально не стала частью никакого другого государства.

Приядерные признаки *время*, *пространство*, *изменение* комментируются в контекстах.

Время и *пространство*:

13) «Империалистические государства перешли к разделу Китая на “сферы влияния”. Англия объявила зоной своих преимущественных интересов бассейн реки Янцзы и побережье Гуандуна, Франция — Юго-Западный Китай, Германия — полуостров Шаньдун, Япония — Южную Маньчжурию и Фуцзянь, Россия — Маньчжурию. В 1898 г. Англия получила в долгосрочную аренду большую часть территории современного Гонконга (Сянгана), Германия — порт Циндао, Россия — Порт-Артур на Ляодунском полуострове, Франция — участок побережья Гуандуна» [Чжань, 2011, с. 4].

Изменение сочетается с негативной оценкой (периферийный признак):

14) «Империя утратила свой статус могущественной державы» [Зварцев, 2022, с. 61].

15) «Национальная промышленность развивалась медленными темпами» [Зварцев, 2022, с. 64].

В многочисленных контекстах присутствует признак *насилие*:

16) «Постепенно формируется образ иностранцев — грабителей и угнетателей народа» [Ярошевич, 2016, с. 251].

17) «Восстание ихэтуаней, кроме всего прочего, является проявлением культурного конфликта между европейской и конфуцианской цивилизацией как естественная реакция этноса на культурную колонизацию» [Ярошевич, 2016, с. 253].

Таким образом, Китай XIX века попадает в периферийную зону прототипической категории «колония», учитывая, что в контекстах реализуются почти все признаки, за исключением одного из ядерных — *часть целого*.

Заключение

Рассмотрев концепт «колония» и определив набор признаков, формирующих соответствующую прототипическую категорию, можно прийти к следующим выводам.

В ходе определения статуса той или иной территории под углом зрения колониальной зависимости в качестве критериев может применяться прототипический набор признаков, выявленный в ходе

данного исследования. В соответствии с теорией прототипов анализируемый объект может размещаться в центре категории, если при его описании реализуются все признаки колонии (Аляска и Алеутские острова), в зоне между центром и периферией, если не проявляются какие-либо второстепенные признаки (Форт Росс), а также на периферии категории, если не реализуется хотя бы один ядерный признак (Китай XIX века). Такой подход позволяет более гибко подойти к оценке положения исследуемой страны или территории в тот или иной исторический период.

Список источников

1. Августин (Никитин), архим. Форт-Росс — «русская крепость» в Калифорнии // Христианское чтение. — 2014. — № 4. — С. 33–62.
2. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — № 2. — С. 5–22.
3. Гринев А. В. Российская колонизация Аляски: ее ход, характер и результаты : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. — СПб., 2000. — 39 с.
4. Гринев А. В. Характер взаимоотношений русских колонизаторов и аборигенов Аляски // Вопросы истории. — 2003. — № 8. — С. 96–111.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. — М. : Рус. яз., 2000. — 1209 с. — URL : https://www.efremova.info (дата обращения: 10.07.2023).
6. Зварцев И. А. Противостояние Китая с державами после «Опиумных войн». Новые конфликты // Вестник науки : междунар. науч. журн. — 2022. — Т. 4, № 8 (53). — С. 60–65.
7. Иноземцев В. Л. Колонии и зависимые территории: приглашение к дискуссии // Политическая концептология. — 2014. — № 3. — С. 154–165.
8. Истомин А. А. Этносоциальная стратификация в российской колонии Росс в Калифорнии (1812–1841) // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 321–334.
9. Национальный корпус русского языка. — URL : https://ruscorpora.ru/?ysclid= ll0ncb89e3962167608 (дата обращения: 11.07.2023).
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Азъ, 1994. — 907 с. — URL : https://www.ozhegov.info)/slovar/ (дата обращения: 10.07.2023).
11. Пенягина Е. Б. Содержание и структура концептов «аптека», «деньги», «здоровье». Лингвокогнитивный анализ : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19. — Пермь, 2022. — 22 с.
12. Рогов И. И. Колониальная империя: история и современность. Проблемы определения понятий // Terra Economicus. — 2011. — Т. 9, № 1-2. — С. 160–165.
13. Стернин И. А., Рудакова А. В. Словарные дефиниции и семантический анализ. — Воронеж : Истоки, 2017. — 34 с.
14. Чжань Яньнань. Экспансия западных держав в Китае во второй половине XIX в.: проблема и ее разработка в российской науке : автореф. дис … канд. ист. наук : 07.00.03. — СПб., 2011. — 21 с.
15. Ярошевич Н. Н. Китай в XIX веке: столкновение цивилизаций и проблема культурного конфликта // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / [отв. ред. О. М. Готлиб]. — Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2016. — С. 245–254.

References

1. Avgustin (Nikitin), archbishop. Fort-Ross as the Russian fortress in California. *Khristianskoye chteniye* [Christian Reading]. 2014, vol. 4, pp. 33–62. (In Russian).
2. Boldyrev N. N. Language categories as a format of knowledge. *Voprosy kognotivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2006, vol. 2, pp. 5–22. (In Russian).
3. Grinev A. V. *Rossiyskaya kolonizatsiya Alaski. Eye Khod, character i resultaty* [Russian colonization of Alaska. Its process, character and results]. Synopsis of doctoral thesis, 07.00.02. St. Petersburg, 2000, 39 p. (In Russian).
4. Grinev A. V. The nature of interrelationships between Russian colonists and the indigenous peoples of Alaska. *Voprosi istorii* [Issues of History]. 2003, vol. 8, pp. 96–111. (In Russian).
5. Yefremova T. F. *Noviyslovar' russkogoyazyka. Tolkovo-obrazovatel'niy: v 2 t.* [New Dictionary of the Russian Language: in 2 vols.]. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 2000, 1209 p. Available at: https://www.efremova.info (accessed 10.07.2023). (In Russian).
6. Zvartsev I. A. Struggle between China and the empires after the Opium wars. New conflicts. *Vestnik Nauki: mezhdunarodniy nauchniy zhurnal* [Research Bulletin: International Scientific Journal]. 2022, vol. 4, no. 8 (53), pp. 60–65. (In Russian).
7. Inozamtsev V. L. Colonies and dependent territories: invitation to discussion. *Politicheskaya kotseptologiya* [Political Conceptology]. 2014, vol. 3, pp. 154–165. (In Russian).

8. Istomin A. A. Ethnic and social stratification in the Russian colony Fort-Ross in California (1812–1841). *Nauchniy dialog* [National dialogue]. 2019, vol. 12, pp. 321–334. (In Russian).

9. National Corpus of the Russian Language. Available at: https://ruscorpora.ru/?ysclid=ll0ncb89e3962167608 (accessed: 11.07.2023). (In Russian).

10. Ohzegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyiy slovar' russkogo yazyka* [Russian Explanatory Dictionary]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, Az Publ., 1994, 907 p. Available at: https://www.ozhegov.info)/slovar/ (accessed 10.07.2023). (In Russian).

11. Penyagina E. B. *Soderzhaniye i struktura kontseptov "apteka", "den'gi", "zdorovye". Lingvokognitivniy analiz* [The content and structure of the concepts "pharmacy", "money", "health". Linguisitc and congnitive analysis]. Synopsis of doctoral thesis, 10.02.19. Perm, 2022, 22 p. (In Russian).

12. Rogov I. I. Colonial empire: history and modernity. Problem of defining the concepts. *Terra Economicus*. 2011, vol. 9, no. 1–2, pp. 160–165. (In Russian).

13. Sternin I. A., Rudakova A. V. *Slovarniye definitsii i semanticheskiy analiz* [Dictionary definitions and semantic analysis]. Voronezh, Istoki Publ., 2017, 34 p. (In Russian).

14. Chzhan' Yan'nan'. *Ekspansiya zapandnikh derzhav v Kitaye vo vtoroy polovine XIX v.: problema i eye razrabotki v rossiyskoy nauke* [Expansion of the Western Empires in China in the second half of the XIXth century: the problem and its studies in Russian Science]. Synopsis of doctoral thesis, 07.00.03. St. Petersburg, 2011, 21 p. (In Russian).

15. Yaroshevich N. N. China in the XIXth century: clash of civilizations and the problem of cultural conflict. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: dialog yazykov i kultur: Matrialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Papers of the International Scholarly conference "The Asian Pacific Region: Dialogue of Languages and Cultures"]. O. M. Gotlib (ed.). Irkutsk, Moscow State Linguistic University Publ., 2016, pp. 245–254. (In Russian).

Информация об авторе

Шеина Ирина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков и методики их преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина; почетный работник высшего образования Российской Федерации.

Information about the author

Sheina, Irina — candidate of philology, associate professor of the Department of Oriental Languages and Language Teaching Methodology at Ryazan State University named for S. A. Yesenin; honorary worker of Higher Education.

Статья поступила в редакцию 08.10.2023;
одобрена после рецензирования 27.10.2023;
принята к публикации 03.11.2023.

Submitted 08.10.2023;
approved after reviewing 27.10.2023;
accepted for publication 03.11.2023.

РАЗДЕЛ II

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ДИСКУРС В ПРАГМАТИЧЕСКОМ И ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 18–25.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;4(67):18–25.

Научная статья
УДК 81'42
DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.003

Семантика противительности и прагматика противопоставления в современной русско- и англоязычной поэзии *

Екатерина Васильевна Захаркив
Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия
zakate90@gmail.com

Аннотация. В данной статье исследуется специфика противопоставления, реализуемого в поэтическом дискурсе. В частности, рассмотрено осуществление логико-семантического сдвига, достигаемого посредством особого употребления метатекстовых дискурсивных слов-контрастивов. Эти единицы участвуют в характерных для поэтического дискурса стратегиях автокоммуникативного конфликта и метаязыковой рефлексии, а также отображают осмысление возможностей высказывания в его соотнесенности с действительностью. На примере употребления таких релевантных заявленной проблематике единиц, как *on the other hand, nonetheless, с другой стороны, тем не менее*, в статье была выявлена их способность формировать отличные от конвенционального употребления контрастивные модели. Так, анализируемые дискурсивные слова могут участвовать в реализации структурных, семантических, прагматических и логических отклонений.

Ключевые слова: противопоставление, дискурсивные слова, контрастивы, поэтический дискурс, прагматика языка.

Для цитирования: Захаркив Е. В. Семантика противительности и прагматика противопоставления в современной русско- и англоязычной поэзии // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 18–25. DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.003.

Original article

Semantics and pragmatics of contrastive relationship in contemporary russo- and anglophone poetry

Ekaterina V. Zakharkiv
Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
zakate90@gmail.com

Abstract. This article examines the specifics of oppositional construction realized in poetic discourse. In particular, it is considered the way the logical-semantic shift is achieved through the special use of metatextual discourse markers-contrastives, These units participate in the usual for poetic discourse strategies of communicative conflict and metalinguistic reflection, and also reflect the understanding of the possibilities of utterance in its correlation with reality. Using the example of such units relevant to the stated issues as *on the other hand, nevertheless, s drugoy storony, tem ne meneye* the article points out their ability to form contrastive models that differ from the conventional use. Thus, the analyzed discourse markers can participate in the implementation of structural, semantic, pragmatic and logical deviations.

Keywords: opposition, discourse markers, contrastives, poetic discourse, pragmatics of language.

For citation: Zakharkiv E. V. Semantics and pragmatics of contrastive relationship in contemporary russo- and anglophone poetry. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 4(67):18–25. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.003.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00040 «Параметризация лингвокреативности в дискурсе и языке» в Институте языкознания Российской академии наук.

© Захаркив Е. В., 2023

Введение

Новейшая поэзия характеризуется выдвижением прагматики на первый план в связи с новыми условиями коммуникации, чья специфика обусловлена современными медиа, влияющими как на код сообщения, так и на поэтические стратегии адресации и субъективации. Поэтический дискурс получает дополнительные языковые (и медиа-) средства для коммуникативного эксперимента, что включает в себя новые интерфейсы, диалогические модели, апеллирующие к онлайн-переписке, разговорные паттерны и дискурсивные единицы, используемые в онлайн-коммуникации. Под поэтическим дискурсом (далее — ПД) мы понимаем совокупность поэтических высказываний (текстов), которые определяются особой системой отношений между элементами. Эти отношения проявлены в нелинейной композиционной структуре, связанной с намеренным выбором автором слов и их расположением, что влияет на смыслообразование текста и формирует аномальные парадигматические, синтагматические и семантические отношения.

Кроме того, обращение к поэтической прагматике обусловлено меньшей изученностью этого аспекта (по сравнению с семантикой и синтактикой), а также вниманием поэтов к использованию языка как к объекту научного, в частности философского, знания. Интерес к функциональному аспекту речевой деятельности восходит к «Философским исследованиям» Л. Витгенштейна, где предлагается переосмысление самой сущности значения слова как «его употребления в языке» [Витгенштейн, 2018, с. 43].

Наше исследование посвящено анализу дискурсивных слов (далее — ДС), так как они позволяют исследовать прагматическое измерение поэтического высказывания, наряду с дейктиками, иллокутивными глаголами и показателями модальности. Анализ проведен на материале авторского поэтического корпуса — оригинальной двуязычной базы данных (двух электронных корпусов), включающей 1 664 текста современных русскоязычных поэтов (русскоязычный корпус) и 1 209 текстов современных англоязычных поэтов (англоязычный корпус) (1990–2010-х годов). Под ДС мы понимаем слова, словосочетания и устойчивые конструкции, участвующие в прагматической и структурной организации высказывания, обладающие интерактивной и метатекстовой функциями. В поэзии эти единицы структурируют дискурс в аспекте метатекстовой организации, формируют прагматическую позицию говорящего, который выступает в роли не только субъекта речи, но и (авто)адресата [1] высказывания, а также осуществляют референцию к внетекстовой действительности. В данной статье мы рассмотрим ДС-контрастивы (по классификации Б. Фрейзера [Fraser, 1999]), реализующие эндофорную референцию [2] и выражающие противительные отношения между элементами высказывания ДС.

Элементы противопоставительной конструкции симметричны, так как заданы общими ситуативными рамками. Однако отношения контрастивности в ПД в основном асимметричны, так как компоненты поэтической структуры не соотносятся с конвенциональными логико-семантическими значениями и принадлежат разным уровням дискурсивной иерархии. Анализируемые в данной работе единицы наиболее ярко отображают такие показательные особенности ПД, как рефлексия неоднозначности в отношении лингвистического выражения истинностных категорий, метаязыковой анализ, а также критику возможностей высказывания в его соотнесенности с действительностью. Укажем на такое частотно встречающееся в ПД явление, как *автокоммуникативный конфликт*, под которым мы понимаем коммуникативную стратегию, включающую столкновение противоположных оценок и мнений субъекта высказывания, что достигается при помощи множественных маркеров противительности (“<u>But</u> this is a false tart, the trap door insecurely latched, a tear in the velvet/curtain. <u>Yet</u> the tear was but a drop of glycerin sliding down her cheek. *Nonetheless* skin is not porcelain, *however* it spots” [Silliman, 2008, p. 13]), антонимических конструкций («*Нет*, хотя и *да*. *Да*, но и *нет*, потому что не может быть» [Драгомощенко, 2011, с. 213]), либо посредством имплицитного противопоставления («…в тесной квартире… / в военном городке, где, убирая кровать, / скатывают матрас — потому что клопы. / *Но* здесь, *в общем*, даже уютно» [Львовский, 2008, с. 126]). В результате автокоммуникативного конфликта демонстрируется невозможность однозначно положительной или отрицательной реакции на предполагаемый инициирующий контекст (в том числе

[1] (Авто)адресат — дериват от термина «автоадресация» — присущий поэтической коммуникации вид адресации, концепция которой восходит к модели поэтической «автокоммуникации», предложенной Ю. М. Лотманом [Лотман, 2000]. Помещение приставки «авто» в скобки акцентирует двунаправленность такой адресации (на внешнего и внутреннего адресата).

[2] Согласно М. Халлидею и Р. Хасан, эндофорная референция относится к текстовой организации [Halliday, Hasan, 1979, p. 37].

контекст внутренней речи), а также достигается эффект неоднозначности [3], противоречивости высказывания и выражение сомнения субъекта в адекватности собственного восприятия и в способе его артикуляции. Наконец, «сгущение» противительных маркеров отражает повышение степени выражения эмоционального отношения к описываемой действительности [4].

Проблема семантики противительности широко представлена в лингвистических исследованиях [Инькова 2001 ; Милованова 2010 ; Spenader, Lobanova, 2009, и др.]. Однако до сих пор анализ противопоставлений был в основном сосредоточен на материале конвенционального употребления противительных конструкций в обыденном языке. Мы проанализируем употребление ДС *с другой стороны*, *on the other hand, тем не менее, nonetheless* в новейшей поэзии и укажем на их способность формировать отличные от конвенционального функционирования контрастивные модели.

Основная часть

I. On the other hand

1. Thinking that I can't go on. Feeling lost.
   Ear to immensity's night, immense with her.
   On the other hand my soul turns rocks into paste.
   What does it matter my love can't guard its shame.
   The night is starry & she isn't with me still.
   [Bromige, 2017, p. 179]

Авторы статьи, посвященной исследованию контрастивного маркера *on the other hand* (*OTOH*), отмечают, что употребление *on the one hand* (OT1H) или *on the other hand* (OTOH) не взаимообусловлено: только 18 % примеров содержат как OT1H, так и OTOH, а в 3 % данных OT1H происходит без OTOH [Scholman, Rohde, Demberg, 2017]. При этом ДС OTOH часто заменяется другими единицами (чаще всего *but* и *at the same time*). Так, был сделан вывод о том, что для успешного восприятия текста необходимо, чтобы противопоставление включало оба элемента, однако в большинстве случаев отмечались варианты употребления со снятым маркером OT1H. В ПД также превалируют примеры только со вторым элементом (OTOH) (22 употребления из 27), при этом первый контрастирующий элемент часто не выводится из локальной структуры.

В данном примере (1) противопоставление предположительно относится к оппозиции внешних и внутренних способностей субъекта высказывания: при его бессилии и растерянности в отношении своих способностей и самоощущения он обнаруживает могущество собственной души, как будто существующей отдельно от него. Такая интерпретация возможна в случае соотнесения противопоставления, маркированного *OTOH*, с предшествующей фразой через одну строку ("Thinking that I can't go on. Feeling lost"), в то время как высказывание "Ear to immensity's night, immense with her" помещается в промежутке. Как было уже замечено, в конвенциональном употреблении конструкция OTOH подразумевает введение двух точек зрения: контраст-1 (OT1H) и контраст-2 (OTOH), сами ДС могут быть не выражены эксплицитно. Чтобы воспринять сообщение, содержащееся в контрасте-2, реципиент должен построить достаточно расширенную структуру дискурса, связав предложения OT1H и OTOH, если они не являются смежными. Промежуточное предложение может представлять собой тип добавочного высказывания — например, локальное противопоставление непосредственно предшествующему информационному фрагменту. Однако в примере из ПД промежуточное высказывание не вносит дополнительное логико-семантическое содержание по отношению к первому положению, но, скорее, развивает описание внутреннего состояния субъекта — 'безмерной ночи', погруженности 'слухом в тишину ночи'.

---

[3] Отметим, что художественному дискурсу в целом свойственна поливариантность понимания, что в большей степени можно отнести к ПД, для которого характерна амбивалентность непрямых смыслов, неконкретность формулировок и т. д. Так, смысл не задается автором, по мысли Р. Барта, но его вариативные проявления реализуются в процессе восприятия «восстановленного в правах» читателя [Барт, 1994]. Классификацию неоднозначности в ПД приводит Н. В. Перцов, соотнося каждый тип неоднозначности с порождающими ее языковыми единицами. Он выделяет лексическую, синтаксическую, морфологическую, граммемную и анафорическую неоднозначность [Перцов, 2015, с. 56].

[4] Ср. с понятием коммуникативного саботажа, введенного в лингвистику Т. М. Николаевой, подразумевающей по ним «коммуникативные установки, которые направлены на срыв идеально прозрачного обмена информацией в беседе» [Николаева, 1990, с. 226].

Такое непоследовательное противопоставление связано с общей тенденцией ПД к нелинейной композиции, а также с автокоммуникативной направленностью, при которой композиционно-структурная когезия обычно нарушена по причине недостаточно артикулированного содержания. ДС ОТОН выступает дисконнектором на локальном уровне, а на глобальном уровне можно обозначить данную единицу как неопределенный контрастив.

В следующем фрагменте также реализуется специфика употребления ОТОН в рамках ПД:

2. They forget. Do they forget? *On the other hand*
they never forget. The danger of forgetting is withheld. I see no danger in it.
[Carson, 2005, p. 122]

Противопоставление конструируется между высказываниями “They forget” и “they never forget”, при этом промежуточное высказывание вопросительно, что нарушает привычную вопросно-ответную последовательность. В примере (2) представлено рассуждение, в котором высказываются две противоположные точки зрения, что может быть обозначено как автокоммуникативный конфликт. Контрастивное ДС ОТОН участвует в констатации знания, сообщение которого прямо противопоставлено предыдущему, что выражено при помощи негации, осуществленной посредством контрастивного маркера и наречия *never*. Субъект высказывания выражает мнение, служащее доказательством положения “The danger of forgetting is withheld”, с помощью маркера эпистемической модальности: *I see* (“I see no danger in it”), следовательно, глобальная структура противопоставления строится на основании субъективного изменчивого мнения. Представленная последовательность — утвердительное, вопросительное и отрицательное предложения — апеллирует к эксперименту с условно-истинностной пропозицией, в рамках которого постулируется невозможность однозначного утверждения.

II. С другой стороны

3. …и звезды шепчутся
проколотыми насквозь языками…
такой выдался месяц —
летний
а *с другой стороны* —
толстый бледный нежный морской
рюкзачный ночлежный
совсем запутался
[Лазуткин, 2007, с. 87]

В данном фрагменте (3) представлена частичная ресемантизация ДС *с другой стороны* с потенциальным возвращением исходной семантики компонентам, входящим в состав единицы. Как мы можем заключить из контекста, в данном случае идет речь о *месяце* в значении видимой части диска луны. В пользу этого соображения говорит описание звезд в начале приведенного фрагмента. Однако в сочетании с глаголом *выдался*, который частотно употребляется в качестве предиката времени («день сегодня какой-то *выдался*»; «вечер *выдался*»), мы не можем заявлять об однозначной интерпретации *месяца* в данном фрагменте как луны, а *с другой стороны* — как физически «округлой», «выпуклой» части диска. Таким образом, предположим, что здесь выражается поэтическая неоднозначность, в том числе в отношении функции и роли ДС, а также обсуждаемого предмета. Само противопоставление, значение которого имплицировано в эпитетах, маркированных ДС, не прояснено. Свойства, выраженные эпитетами (с нарушением узуальной пунктуации) *толстый бледный нежный морской* могут быть противопоставлены признаку *летний* и являться субъективным контрастом, не поддающимся прямому толкованию, либо выступать описанием округлой части месяца.

III. Nonetheless

4. <u>But</u> this is a false tart, the trap door insecurely latched, a tear in the velvet curtain. <u>Yet</u> the tear was but a drop of glycerin sliding down her cheek. *Nonetheless* skin is not porcelain, however it spots.
[Silliman, 2008, p. 13]

5. But but… Yet the narrative of
shadow crosses the garden, cool and damp. *Nonetheless*, those two guys in
that parked Buick have just got to be narcs.
[Silliman, 2008, p. 13]

Согласно Б. Фрейзеру [Fraser, 1998] ДС *nonetheless* (*nevertheless*) можно определить по двум основным признакам: оно маркирует вывод, противоречащий ожиданиям, или косвенное противопоставление.

По мнению Д. Белла, ДС *nonetheless* имеет две основные особенности. Во-первых, оно сигнализирует о том, что в маркированном им сообщении признается истинность предшествующего высказывания с точки зрения его идейного содержания или валидность с точки зрения его иллокутивной силы [Bell, 2010]. Во-вторых, *nonetheless* указывает на то, что содержащее его сообщение отменяет ожидаемый эффект или вывод, вытекающий из предшествующего высказывания либо из объективно фонового знания / иллокутивного намерения. *Nonetheless* гораздо чаще встречается в письменном формате, чем в устном, и в основном в академических текстах, выполняя функцию связки и сигнализируя о локальном, а не глобальном противопоставлении [Ibid.]. Как мы видим в приведенных примерах, эти правила употребления единицы намеренно нарушаются в ПД: в (4) связь между предшествующим предложением с предложением, содержащим единицу *nonetheless*, выражается на уровне отношений объекта (части тела — щека) и органа (кожа) (*cheek-skin*); высказывание в (5) относится к описанию того, что видит субъект за пределами дома. При этом закрепленные в конвенциональном употреблении функции противоречия и противопоставления не реализуются. Заметим, что во фрагменте (4) каждое предложение начинается с единицы, конвенционально маркирующей противопоставление (*but*, *yet*, *nonetheless*), а в сложном предложении с единицей *nonetheless* вторая часть вводится противительным ДС (*however*).

В (5) также употребляется *yet* и удвоенный противительный союз *but but*. Такое обилие ДС и союзов противопоставления сигнализирует о свойственном ПД явлении — автокоммуникативном конфликте, а также о неоднозначности поэтического высказывания. Кроме того, такое нанизывание контрастивных маркеров, которое частотно встречается в ПД, может выступать в качестве повышения степени эмоционального отношения к действительности, особенно учитывая, что в самом тексте нет противоречия между клаузами. Как отмечает М. С. Милованова, «семантика противительности сформировалась в языке именно с этой конкретной целью — целью выражения неравнодушного отношения к объекту. Предметным (объективным) содержанием противительности является противопоставление, плюс осложненное обязательным субъективно-оценочным компонентом» [Милованова, 2010, с. 640]. При этом выражаемая оценка говорящего может быть как отрицательной, так и положительной [Там же, с. 641].

Задействованные во фрагменте (4) приемы — омофон *false tart* (к устойчивому сочетанию *false start*), омонимы *tear* — указывают на особое внимание поэтического субъекта к плану выражения и автореферентность дискурса, когда развитие речи мотивировано фонетическими совпадениями, полисемическими возможностями слова, а также свободно-ассоциативными связями образов. Так, ДС *nonetheless* здесь выступает не в логико-семантической функции локального противопоставления, а в качестве выражения противоречия как приема в числе прочих синонимичных функциональных единиц.

6. Continuity requires suppression. The swans
of the Gobi desert are an imaginative construct yet *nonetheless* real. If a poet could talk
we would not understand her.
[Silliman, 2008, p. 343]

Фрагмент (6) иллюстрирует особую реализацию противопоставительной конструкции, которая также отклоняется от конвенционального употребления ДС. Выше мы указали, что в конвенциональном употреблении *nonetheless* маркирует косвенное противопоставление, апеллирующее к составным периферийным смыслам предшествующего высказывания. Аномально высказывание с противопоставлением (посредством *nonetheless*) центральных смысловых компонентов, то есть с задействованием прямых антонимов, как в примере (6). Однако такое прямое противопоставление (*imaginative* — *real*) не интерпретируется в качестве контраста в рамках поэтического возможного мира. Кроме того, поскольку объекты описания — лебеди пустыни Гоби, ситуацию восприятия субъекта можно обозначить как мираж. Таким образом, мы не можем утверждать, что в примере (6) реализован логический парадокс, однако можем указать на специфические коннотации пограничности, отсутствия истинностной пресуппозиции, которые акцентируются в поэтическом тексте благодаря контрастивному маркеру. Предположительно такая стратегия способствует выстраиванию глобального противопоставления поэтического языка другим типам дискурса. Последующее высказывание “If a poet could talk we would not understand her” служит подтверждением этого тезиса.

В следующем примере с употреблением русскоязычного аналога ДС (*nonetheless — тем не менее*) представлена похожая (в лингво-логическом аспекте) ситуация, в которой более явственно можно проследить логический парадокс с достижением юмористического эффекта:

7. плавать-то не умели
   но *тем не менее* поплыли
   и знаете как-то неожиданно сложилось
   [Давыдов, 2011, с. 111]

В настоящей работе мы рассмотрели функционирование ДС-контрастивов, маркирующих комплексные и разноаспектные противительные отношения между элементами языковой структуры ПД. Аномальное употребление этих единиц подчеркивает установку на совмещение повышенного внимания поэтов к языковой конвенции (в нашем случае — стереотипным единицам) с ее нарушением.

Заключение

Мы рассмотрели функционирование ДС с семантикой противительности в рамках поэтического высказывания и выяснили, что данные единицы способны вводить нелинейное противопоставление и выступать дискурсивными дисконнекторами, маркировать окказиональные, алогичные с точки зрения обыденного языка противопоставления, участвовать в реализации логического парадокса, а также в выражении противоречия как художественного приема (автокоммуникативного конфликта) в ряду многих других противительных единиц. При этом специфическое функционирование ДС-контрастивов также связано с модальностью возможных поэтических миров, представляющих собой особое денотативное пространство [Ревзина, 1999], чьи специфические характеристики определяют логико-семантическое содержание высказывания. Таким образом, противоречие, выраженное аномально с точки зрения обыденного употребления, в действительности поэтического мира коррелирует с его модальностью и в ее рамках представляется нормативным. Наконец, отметим важную для нашего исследования роль метаязыковой функции, которая формирует контекстуальный эксперимент со значением прагматических единиц с целью дестереотипизации языковых клише и деавтоматизации восприятия.

Список источников

1. Витгенштейн В. Философские исследования. — М. : АСТ, 2018. — 352 с.
2. Давыдов Д. Марш людоедов. — М. : Новое лит. обозрение, 2011. — 157 с.
3. Драгомощенко А. Тавтология. — М. : Новое лит. обозрение, 2011. — 456 с.
4. Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование). — М., 2001. — 434 с.
5. Лазуткин Д. Четыре стихотворения // То самое электричество: по следам XIII Российского Фестиваля верлибра. — М. : АРГО — РИСК, 2007. — С. 85–89.
6. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. — СПб. : Искусство — СПБ, 2000. — С. 159–165.
7. Львовский С. Camera rostrum: Стихотворения и переводы. — М. : Новое лит. обозрение, 2008. — 164 с.
8. Милованова М. С. Семантика противительности и категория оценки // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2010. — № 4 (2). — С. 639–642.
9. Николаева Т. М. О принципе некооперации и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1990. — С. 225–235.
10. Падучева Е. В. Референциальные аспекты семантики предложения // Известия АН СССР. — 1984. — № 4. — С. 291–303.
11. Ревзина О. Г. Поэтический мир М. Цветаевой в произведениях 30-х годов (цикл «Куст» и поэма «Автобус») // Творчество и коммуникативный процесс. — 1999. — Вып. 6. — URL : http://www.danefae.org/lib/ogrevzina/avtobus.htm (дата обращения: 07.05.2023).
12. Соколова О. В. От авангарда к неоавангарду. Язык, субъективность, культурные переносы. — М. : Культурная революция, 2019. — 294 с.
13. Фещенко В. В. Эмиль Бенвенист — теоретик поэтического дискурса // Критика и семиотика. — 2018. — № 2. — С. 226–237.
14. Bell D. Nevertheless, still and yet: Concessive cancellative discourse markers // Journal of Pragmatics. — 2010. — № 42 (7). — Pp. 1912–1927.

15. Bromige D. If wants to be the same as is. — Vancouver : New star books, 2017. — 596 p.
16. Carson A. Decreation. — NY : Alfred A. Knopf, 2005. — 252 p.
17. Fraser B. Pragmatic Markers // Pragmatics. — 1996. — № 6. — Pp. 167–190.
18. Fraser B. What Are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. — 1999. — Vol. 31. — Pp. 931–952.
19. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. — L. : Longman, 1976. — 374 p.
20. Silliman R. The Alphabet. — University Alabama Press, 2008. — 952 p.
21. Scholman M. C. J., Rohde H., Demberg V. "On the one hand" as a cue to anticipate upcoming discourse structure // Journal of Memory and Language. — 2017. — № 97. — Pp. 47–60.
22. Spenader J., Lobanova G. Reliable Discourse Markers for Contrast // Proceedings of the Eight International Workshop on Computational Semantics. — 2009, Jan., 7. — Pp. 210–221.

References

1. Wittgenstein V. *Filosofskiye issledovaniya* [Philosophical investigations]. Moscow, AST Publ., 2018, 352 p. (In Russian).
2. Davydov D. *Marsh lyudoedov* [March of the cannibals]. Moscow, Novoye lit. obozreniye Publ., 2011, 157 p. (In Russian).
3. Dragomoshchenko A. *Tavtologiya* [Tautology]. Moscow, Novoye lit. obozreniye Publ., 2011, 456 p. (In Russian).
4. Inkova-Manzotti O. Yu. *Konnektory protivopostavleniya vo frantsuzskom I russkom yazykakh (sopostavitel'noye issledovaniye)* [Connectors of opposition in French and Russian languages (comparative study)]. Moscow, 2001, 434 p. (In Russian).
5. Lazutkin D. Four poems. *To samoye elektrichestvo: po sledam XIII Rossiyskogo Festivalya verlibra* [That same electricity: in the footsteps of the XIII Russian Free Libre Festival]. Moscow, ARGO — RISK Publ., 2007, Pp. 85–89. (In Russian).
6. Lotman Yu. M. Autocommunication: "I" and "Other" as addressees (On two models of communication in the cultural system. *Semoisfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2000, pp. 159–165. (In Russian).
7. Lvovsky S. *Camera rostrum: Stihotvoreniya I perevody* [Camera rostrum: Poems and translations]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2008, 164 p. (In Russian).
8. Milovanova M. S. Semantics of adversarialness and category of evaluation. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]. 2010, no. 4 (2), pp. 639–642. (In Russian).
9. Nikolaeva T. M. On the principle of non-cooperation and/or on the categories of sociolinguistic influence. *Logicheskiy analis yazyka: protivorechivost' I anomal'nost' teksta* [Logical analysis of language: Inconsistency and anomalousness of the text]. Resp. ed. N. D. Arutyunova. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 225–235. (In Russian).
10. Paducheva E. V. Referential aspects of sentence semantics. *Izvestiya AN SSSR* [News of the USSR Academy of Sciences]. 1984, no. 4, pp. 291–303. (In Russian).
11. Revzina O. G. The poetic world of M. Tsvetaeva in the works of the 30s (the "Bush" cycle and the poem "Bus"). *Tvorchestvo I Kommunikativny protsess* [Creativity and Communication Process]. 1999, vol. 6. Available at: http://www.danefae.org/lib/ogrevzina/avtobus.htm (accessed 07.05.2023). (In Russian).
12. Sokolova O. V. *Ot avangarda k neoavangardu. Yazyk, sub'yektivnost', kul'turnye transfery* [From avant-garde to neo-avant-garde. Language, subjectivity, cultural transfers]. Moscow, Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., 2019, 294 p. (In Russian).
13. Feshchenko V. V. Emile Benveniste — theorist of poetic discourse. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics]. 2018, no. 2, pp. 226–237. (In Russian).
14. Bell D. Nevertheless, still and yet: Concessive cancellative discourse markers. *Journal of Pragmatics*. 2010, no. 42 (7), pp. 1912–1927.
15. Bromige D. *If wants to be the same as is.* Vancouver, New star books, 2017, 596 p.
16. Carson A. *Decreation*. NY, Alfred A. Knopf, 2005, 252 p.
17. Fraser B. Pragmatic Markers. *Pragmatics*. 1996, no. 6, pp. 167–190.
18. Fraser B. What Are Discourse Markers? *Journal of Pragmatics*. 1999, vol. 31, pp. 931–952.
19. Halliday M. A. K., Hasan R. *Cohesion in English*. L., Longman, 1976, 374 p.
20. Scholman M. C. J., Rohde H., Demberg V. "On the one hand" as a cue to anticipate upcoming discourse structure. *Journal of Memory and Language*. 2017, no. 97, pp. 47–60.
21. Silliman R. *The Alphabet.* University Alabama Press, 2008, 952 p.
22. Spenader J., Lobanova G. Reliable Discourse Markers for Contrast. *Proceedings of the Eight International Workshop on Computational Semantics*. 2009, Jan., 7, pp. 210–221.

Информация об авторе

Захаркив Екатерина Васильевна — выпускник аспирантуры Института языкознания Российской академии наук, соискатель степени кандидата филологических наук.

Information about the author

Zakharkiv, Ekaterina — graduate of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, candidate for the degree of candidate of philological sciences.

Статья поступила в редакцию 13.10.2023;
одобрена после рецензирования 03.11.2023;
принята к публикации 10.11.2023.

Submitted 13.10.2023;
approved after reviewing 03.11.2023;
accepted for publication 10.11.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 25–31.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;4(67):25–31.

Научная статья
УДК 42’25+378
DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.004

Выдвижение и верификация гипотез в процессе анализа художественного текста

Елена Леонидовна Марьяновская
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
e.maryanovskaya@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Анализ художественного текста всегда предполагает интерпретацию текста как высказывания, включающую последовательное толкование каждого коммуникативно-значимого контекста, где каждое слово имеет свое место и играет коммуникативную роль. При этом доминируют лингвистическая и филологическая трактовки использования языковых единиц, и текст представляется как кумуляция взаимозависимых смыслов, реализующихся в художественных образах. Цель статьи — показать, что первый шаг к такой интерпретации — непрерывный диалог с автором, который ведется в форме выдвижения гипотез и поиска их подтверждения или опровержения. Автор предлагает типологию заданий и сопровождающие их переводческие комментарии, на примере которых доказывает, что эту компетенцию можно и нужно формировать, так как выдвижение и верификация гипотез является важной составляющей предпереводческого анализа, приближающей процесс сотворчества и восстанавливающей процесс порождения высказывания.

Ключевые слова: выдвижение и верификация гипотез, вопросы, ответы, анализ художественного текста, типология заданий.

Для цитирования: Марьяновская Е. Л. Выдвижение и верификация гипотез в процессе анализа художественного текста // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 25–31. DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.004.

Original article

Putting forward and verifying hypotheses while analyzing prose fiction

Elena L. Maryanovskaya
Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
e.maryanovskaya@365.rsu.edu.ru

© Марьяновская Е. Л., 2023

Abstract. Text analysis always presupposes interpretation within which the pragmatic value of a word in a phrase, in a sentence, or in a communicative block should be explored. That means each formal and meaningful component is investigated as part of the communicative whole. While analyzing prose fiction a translator envisages linguistic and philological interpretations of linguistic signs, thus, approaching a text as cumulation of meanings realized in images. The article aims to prove that the implicit but constant dialogue with the author ensures the first step of this analysis. It presupposes putting forward and verifying hypotheses based on the material given by the writer in the text. The author of the article suggests types of the assignments to emphasize that this skill may be formed and practiced. It is of paramount importance for the effective pre-translation analysis because this skill helps to approach the process of reconstructing the ways the original text was created.

Keywords: putting forward and verifying hypothesis, questions, answers, text analysis, types of assignments.

For citation: Maryanovskaya E. L. Putting forward and verifying hypotheses while analyzing prose fiction. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 4(67):25–31. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.004.

Это как бы еще не слово,
Но уже не междометие.
Междуречье.

С. В. Василенко

Оппозиция «искусство — ремесло» сопровождает практически все дискуссии о художественном переводе. При этом данная оппозиция многопланова и многослойна, так как ремесло в данном случае направлено на интерпретацию произведения искусства и на передачу всех его коммуникативных характеристик средствами другого языка, но так, чтобы полученный продукт обрел черты произведения искусства в другой культуре и прошел проверку камертоном-оригиналом.

Предпереводческий анализ, будучи единством как минимум трех вех [Марьяновская, 2015, с. 27], позволяет выявить и уточнить характеристики коммуникативной ситуации, установить систему художественных образов и лингвистических средств, участвующих в создании текста перевода. Как пишет в своей монографии «Поэзия и проза художественного перевода» Я. М. Колкер, происходит «врастание» переводчика в новую и каждый раз уникальную систему передачи опыта, фактического и эмоционального [Колкер, 2014, с. 61].

Этому можно и нужно учить. Прежде всего, начиная с развития интуиции и догадки, основанных на существующем объеме лингвистического и экстралингвистического опыта, и заканчивая формированием и совершенствованием компетенции выдвижения и верификации гипотез, показывая, что только в контексте всего произведения «слово, словосочетание, предложение обретают свою текстуальную семантику» [Золян, 2013, с. 16–17].

Предлагаемый анализ художественного текста имеет своей целью предположить, как происходит понимание и создание текста одновременно. Это еще не перевод, до него еще далеко, это пока постепенный процесс «врастания» в тугую оболочку слова, словосочетания, фразы, синтаксической конструкции, — того строительного материала, который позволяет увидеть процесс создания текста и приращения смысла на каждом новом витке анализа. Задания по обучению такому анализу состоят из обоснования его необходимости, обусловливающего формулировку цели, трудностей, с которыми придется столкнуться, и совета, что нужно сделать, чтобы эти трудности преодолеть.

Приведем рабочую типологию заданий с подробными переводческими комментариями.

Первый тип заданий. Учитывая, что читающий начинает процесс чтения с целого ряда предположений, так называемых пресуппозиций, необходимо научить студента строить цепочку последовательно и правильно. Для этого ему нужно будет сформулировать вопросы, ответы на которые укажут, в каком направлении происходит предвосхищение дальнейшего содержания текста. Первое предложение, открывающее рассказ, может служить материалом для выполнения первого задания. Весь абзац необходим, поскольку важно не только построение гипотез, но и их последующая верификация.

Read the beginning of a story. Choose the questions that the author intended to give answers to and justify your choice.

1. Deborah Tennyson waited in her nursery on Sunday morning for a signal from her father that would mean she could enter her parents' bedroom. The signal came late, for her parents had been up the night before with a business friend from Minneapolis and they both had had a good deal to drink, but when Deborah was given the signal she ran clumsily down the dark hall, screaming with pleasure. Her father took her in his arms and kissed her good morning, and then she went on to where her mother lay in bed. "Hello, my sweet, my love," her mother said. "Did Ruby give you your breakfast? Did you have a good breakfast?" (J. Cheever. *The Sutton Place Story*)

1) Who is the narrator?
2) Who is the story about?
3) Who old is she?
4) Does the author want to stress the age of the girl?
5) When does the action take place?
6) Where does the action take place?
7) What is the usual ritual for Deborah?
8) What are the relations among the members of the family?
9) What class of society do the Tennysons belong to (common people, middle-class people, upper middle-class)?
10) What are the expectations of Deborah Tennyson?

Ключ-комментарий: 4, 8, 10 — «–», так как информации в тексте (в анализируемом первом предложении) недостаточно, 1, 2, 3, 5, 6, 7, 9 — «+».

Ответы на эти вопросы могут быть вычитаны из первого предложения рассказа, а продолжение текста содержит подтверждения выдвинутых гипотез. С самого начала очевидно, что повествование ведется от третьего лица, сторонним наблюдателем. Поскольку имя и даже фамилия персонажа открывают рассказ, то, скорее всего, девочка и будет его главным героем. Несмотря на столь официальное представление, Дебора — маленькая девочка, о чем свидетельствует тот факт, что она ждет в детской. Воскресным утром девочка ждет сигнала от родителей, что можно зайти к ним в спальню. Обычно такого разрешения ждут маленькие дети. Для Деборы все происходящее своего рода ритуал, о чем свидетельствует само слово “a signal” с неопределенным артиклем и сочетание would+infinitive, которое обозначает повторяющееся действие в прошлом, то, что происходило обычно. Следующее предложение докажет, что это предположение верно, поскольку девочка, услышав сигнал, радостно бежит в спальню родителей, кроме того, бежит она неуклюже, что еще раз подтверждает гипотезу о том, что героиня рассказа — маленькая девочка. Родители девочки достаточно обеспеченные люди, так как в доме есть детская и спальня родителей, значит, можно предположить, что есть еще хотя бы одна или две комнаты. Дальнейшее развертывание повествования показывает правоту этого предположения, так как сочетание “she ran clumsily down the dark hall” говорит и том, что в квартире или доме, скорее всего, два этажа. Снова заметим, что характеристика того, как спускалась Дебора, может подсказать ее возраст: ей еще сложно преодолевать такие препятствия. И эта деталь для внимательного читателя дополнит созданное с самого начала противопоставление столь официального, взрослого представления и создаваемого далее образа маленькой девочки трех-четырех лет. Впоследствии к этому писатель заставит вернуться, поскольку организует дальнейшее повествование так, что среди взрослых по возрасту персонажей только Дебора, маленькая девочка, будет действительно совершать взрослые поступки.

И еще две вехи, которые должны «запустить» колесо опыта, что позволит построить новые гипотезы: Sutton Place — небольшой квартал в Манхэттене, где живут очень обеспеченные «белые воротнички», а сочетание места действия с существительным story подсказывает возможную интерпретацию названия «Случай в Саттон-Плейс». Так, писатель с самого начала подсказывает внимательному читателю, что в богатом районе тоже может случиться происшествие, которое заставит персонажей, увлекшихся материальными ценностями, вспомнить, что есть еще и человеческие, которые оказываются самым дорогим и хрупким «имуществом».

2. They told him, “Stand on the corner with two of the biggest oranges in your hand and when an automobile goes by, smile and wave the oranges at them. Five cents each if they want one,” his uncle Jake said, “three for ten cents, thirty-five cents a dozen. Smile big,” he said. “You can smile, can’t you, Luke? You got it in you to smile once in a while, ain’t you?” (W. Saroyan. *The Oranges*)

1) Who is the narrator?
2) Where does the action take place?
3) Does the story start from the beginning or from the middle?
4) Who are the “they”?
5) What is the perspective from which the story is being told?
6) How old is the character?
7) What is it they tell him to do?
8) Why does he have to obey?
9) Is he asked to do it for the first time?
10) Is the character a child or a grown-up?
11) Is he willing to do what he is asked?

Ключ-комментарий: 1, 3, 5, 7, 9, 10, 11 — «+», 2, 4, 6, 8 — «–».

Начало рассказа *The Oranges* очень характерно для манеры письма У. Сарояна, который вовлекает читателя в повествование, используя импликацию предшествования [Кухаренко, 1988, с. 98]. Такое «начало с середины» чаще всего организуется при помощи инициального употребления личных местоимений, которые, являясь по функции заместителями существительных, сигнализируют о том, что до фактического начала существовал предшествующий тексту опыт. За счет импликации предшествования, и предлагаемый для анализа фрагмент не исключение, увеличивается содержательная емкость текста. Читатель пока не может предположить, кто же такие *they*, но именно за счет «начала с середины» может определить, что фокус повествования будет сужен до точки зрения одного персонажа, того самого мальчика, которому предлагают продавать апельсины и улыбаться. Вывод о приблизительном возрасте главного героя Люка позволяет сделать сочетание “his uncle Jake”, — только ребенок будет воспринимать этого персонажа таким образом. В начале рассказа есть еще одно подтверждение, что основным фокализатором в рассказе будет именно Люк, и все происходящее читатель будет видеть его глазами. Зачин “They told him, ‘Stand on the corner…’” может легко трансформироваться в косвенную речь, так как У. Сароян намеренно нарушает правила грамматической сочетаемости: прямая речь может вводиться только глаголом say. Используя глагол tell, писатель подсказывает, что так воспринимать информацию мог только слушающий ее мальчик: “They told him to stand on the corner with two of the biggest oranges…”. Правильное определение пространственной перспективы крайне важно для дальнейшего проникновения в замысел автора. Только при правильном определении фокализатора читателю станет понятна вся глубина развернутых в рассказе обобщений, существующих над временем и пространством, и в то же время привязанных к частному, конкретному эпизоду. А неожиданный, абсолютно Сарояновский парадокс — яркие, казалось бы, излучающие позитив апельсины, вызывающие вселенскую грусть, — пронзит своим трагизмом.

Второй тип заданий. Процессу выдвижения и верификации гипотез, постановке вопросов обучать необходимо. Если отсутствует умение найти подтверждение выдвинутой гипотезе, сменить ее или уточнить, восприятие становится пассивным и упрощенным, без должной обобщенности и критического анализа. Наконец, прогнозирование способствует созданию у обучающихся установки эмоционального настроя и готовности к чтению.

Для того чтобы развить компетенцию выдвижения и верификации гипотез, одним из заданий можно предложить следующее:

Read the title and the opening sentence(s) of a story. Choose the passage that suggests the further development of the plot most precisely. Rely on the information given in the first sentence(s). Explain your choice.

I am of a roving disposition; but I travel not to see imposing monuments, which indeed somewhat bore me, nor beautiful scenery, of which I soon tire; I travel to see men. (W. S. Maugham. *In a Strange Land*)

1) …But I avoid the common run of men. I would like to cross the road to meet a president or a king; I am not content to know the writer in the pages of his book and the painter in his picture; but I would never journey a hundred leagues to see a missionary of whom I have heard a strange story, and I would never spend a fortnight in a vile hotel in order to improve my acquaintance with a billiard-marker. I should be inclined to say that I am not surprised to meet any sort of person were it not that there is one sort which never fails to give me a little shock of amused astonishment.

2) …And I avoid the great. I would not cross the road to meet a president or a king; I am content to know the writer in the pages of his book and the painter in his picture; but I would never journey a hundred leagues to see a missionary of whom I have heard a strange story, and I would never spend a fortnight in a vile hotel in order to improve my acquaintance with a billiard-marker. I should be inclined to say that I am not surprised to meet any sort of person were it not that there is one sort which never fails to give me a little shock of amused astonishment.

3) …And I avoid the great. I would not cross the road to meet a president or a king; I am content to know the writer in the pages of his book and the painter in his picture; but I have journeyed a hundred leagues to see a missionary of whom I have heard a strange story, and I have spent a fortnight in a vile hotel in order to improve my acquaintance with a billiard-marker. I should be inclined to say that I am not surprised to meet any sort of person, were it not that there is one sort which never fails to give me a little shock of amused astonishment.

Ключ-комментарий: 3.

Только в третьем варианте продолжения текста подтверждаются все гипотезы, которые позволяет сформулировать первое предложение рассказа. Заявляя о своей любви путешествовать, рассказчик с самого начала говорит о том, что его цель при этом — не величественные монументы и красивые пейзажи,

а знакомство с людьми. Уточнение, поясняющее, что автор устает от всего великого и красивого, является подсказкой внимательному читателю: великие и знаменитые люди рассказчику, скорее всего, тоже неинтересны. Эта гипотеза подтверждается в двух последующих предложениях текста. Словосочетание “of a roving disposition”, которое появляется сразу же в сильной позиции и поддерживается названием рассказа, так же служит в данном предложении своеобразным «лингвистическим сигналом» (linguistic token) и является ключом к дальнейшим предположениям. Автор не просто любит путешествовать, он кочевник, бродяга по своей натуре, что означает — условия его не волнуют, главное, чтобы было интересно. Эти компоненты глагола “rove” усиливаются еще одним ключевым словом, которое заключено в заголовке рассказа. Причем прилагательное “strange”, скорее всего, реализует сразу несколько своих значений: ‘странный’, ‘чужой’, ‘удивительный’, ‘необыкновенный’. Все это может относиться и к людям, именно поэтому автор готов на многое, чтобы познакомиться с неординарными личностями. Третье предложение первого абзаца подтверждает выдвинутую гипотезу.

Когезия и когерентность — неотъемлемые категории любого текста. Поэтому умение видеть, а что еще важнее, восстановить как формальные, так и содержательные связи, цементирующие художественный дискурс, необходимо для читателя, будущего переводчика. Благодаря этому умению можно предположить, как будет развертываться высказывание от уровня абзаца до коммуникативного блока и далее до всего текста. Последующие два типа заданий будут посвящены формированию именно этого умения.

Третий тип заданий. *Read the opening passages of a story and arrange them in the logical order. Observe the means of cohesion and coherence. Explain your choice.*

1. That lousy crut of a brakeman. He would get him some day. He would know him again. That was a fine way to act.

“Come here, kid,” he said. “I got something for you.”

2. Nick stood up. He was all right. He looked up the track at the lights of the caboose going out of sight around a curve. There was water on both sides of the track, then tamarack swamp.

3. He felt of his knee. The pants were torn and the skin was barked. His hands were scraped and there were sand and cinders driven up under his nails. He went over to the edge of the track, down the little slope to the water and washed his hands. He washed them carefully in the cold water, getting the dirt out from the nails. He squatted down and bathed his knee. (E. Hemingway. *The Battler*)

Ключ-комментарий: 2, 3, 1.

Эти три абзаца открывают рассказ Э. Хемингуэя *The Battler*, который входит в сборник *In Our time*. Ник Адамс является центральным персонажем этого сборника, и хоть появляется он не во всех рассказах, тем не менее именно его взросление, его путь по дороге жизни и приобретение опыта являются стержнем сборника. Поэтому, несмотря на то, что, скорее всего, этот рассказ не будет исключением и начнется с середины, в подтверждение собственно авторского восприятия жизни как непрерывного пути по дороге от незнания к приобретению опыта имя героя должно находиться в сильной позиции. Следовательно, абзац 2 и будет началом рассказа. Сказуемое, следующее за именем мальчика, сигнализирует о том, что он поднялся, встал на ноги, скорее всего, после падения. Второе предложение подтверждает эту гипотезу. Третье предложение подсказывает, откуда упал Ник: это уезжающий за поворот товарный поезд. Мальчик либо спрыгнул с поезда на ходу, либо его столкнули. Поскольку поезд двигался на полной скорости, такой прыжок не мог быть безболезненным. Последствия прыжка описываются в абзаце 3, причем Э. Хемингуэй, очень точно подбирая фактические детали, апеллирует к чувственному, физиологическому опыту читателя. Каждый в такой ситуации сначала стряхнет грязь и обмоет рану и только потом будет рефлексировать/анализировать произошедшее. Поэтому абзац 1 завершает предложенный для анализа отрывок. Это, в сущности, внутренний монолог Ника, который зол на кондуктора и на себя самого. Об этом свидетельствует подбор лексики, которая также подсказывает, что, скорее всего, мальчика столкнул с поезда именно кондуктор.

Четвертый тип заданий. *Read the opening passages of a story and supply the means of cohesion and coherence among the passages. Explain your choice.*

Monday is no different from any other weekday in Jefferson ***(now***\---*then)*. The streets are paved ***(now***\---*these days)*, ***(and******---)*** the telephone ***(and******---)*** electric companies are cutting down more and more of the shade trees — the water oaks, the maples and locusts, and elms — to make room for iron poles bearing clusters of bloated and ghostly and bloodless grapes, (***and****but**though*) we have a city laundry which makes the rounds on Monday morning, gathering the bundles of clothes into bright-coloured, specially made motor-cars: the soiled wearing of a whole week ***(now***\---*then*) flees apparition-like behind alert and irritable electric horns, with

a long diminishing noise of rubber and asphalt like tearing silk, ***(and even****\and only\and never)* the Negro women who still take in white people's washing after old custom, fetch and deliver it in automobiles.

(But*\---\and)* fifteen years ago, on Monday morning the quiet, dusty, shady streets would be full of Negro women with, balanced on their steady, turbaned heads, bundles of clothes tied up in sheets, almost as large as cotton bales, carried so without touch of hand between the kitchen door of the white house and the blackened wash-pot beside a cabin door in Negro Hollow.

(And\---\although) Nancy would set her bundle on the top of her head, then upon the bundle in turn she would set the black straw sailor hat which she wore winter and summer. She was tall, with a high, sad face sunken a little where her teeth were missing. (***Sometimes****\always\often*) we would go a part of the way down the lane and across the pasture with her, to watch the balanced bundle and the hat that never bobbed nor wavered, even when she walked down into the ditch and up the other side and stooped through the fence. She would go down on her hands and knees and crawl through the gap, her head rigid, uptilted, the bundle steady as a rock or a balloon, and rise to her feet again and go on.

(*Sometimes**\never\always*) the husbands of the washing women would fetch and deliver the clothes, but Jesus never did that for Nancy, even before Father told him to stay from our house, even when Dilsey was sick and Nancy would come cook for us.

(And then*\---\after that\ however)* about half the time we'd have to go down the lane to Nancy's cabin and tell her to come on and cook breakfast. We would stop at the ditch, because Father told us to not have anything to do with Jesus — he was a short black man, with a razor scar down his face — and we would throw rocks at Nancy's house until she came to the door, leaning her head around it without any clothes on. (W. Faulkner. *That Evening Sun*)

Ключ-комментарий: правильные союзы и союзные слова выделены жирным шрифтом.

Основная стратегия, которую использует автор в начале рассказа и которая определяет формальные и содержательные средства связи, — контраст. У. Фолкнер сопоставляет образ жизни маленького южного города Джефферсон в момент начала повествования и пятнадцать лет назад. Поэтому ключевое слово в первом абзаце текста now ('сейчас'). Повторяя его несколько раз, рассказчик как бы еще и еще раз уточняет, что сейчас все по-другому. Поэтому второй абзац вводится союзом but ('а', 'но'), который является основным союзом при создании контраста. Все, о чем автор пишет в этой части текста, разительно отличается от современного состояния дел в городке Джефферсон: и по ритму жизни, и по образу жизни, и по присутствию в жизни города тех, кого тогда еще можно было называть "Negro women". Третий абзац является развитием и уточнением предыдущего: автор продолжает вспоминать, как жили в городке Джефферсон пятнадцать лет назад, и из всех чернокожих женщин выделяет одну по имени Нэнси, которая, скорее всего, будет иметь к рассказчику непосредственное отношение. Кроме того, возвращение в прошлое сигнализирует о том, что в рассказе будет двойная точка зрения: автора — взрослого человека и автора — ребенка, что, безусловно, повлияет на подбор лексики и образную систему.

После упоминания о Нэнси рассказчик говорит о мужьях чернокожих женщин, которые иногда помогали им выполнять свою работу, и уточняет информацию о муже Нэнси, добавляя детали к ее образу. В последнем абзаце отрывка рассказчик продолжает линию воспоминаний, связывая их естественным союзным сочетанием and then ('и тогда', 'а потом').

Подобная экспликация постоянного диалога читателя-переводчика с автором в процессе анализа художественного текста позволяете научить проникать в текстуальный смысл слова, в выразительные возможности языка, устанавливать смысловую эквивалентность различных способов сохранения замысла, тона и голоса автора в иной культуре и на ином языке, тем самым способствуя более успешному последующему переводу. Так, процесс выдвижения и верификации гипотез оказывается вплетенным в процесс понимания как один из его компонентов, высветляющим единство формы и содержания. Это первый шаг на пути к сотворчеству, первый шаг к восстановлению процесса порождения текста.

Это еще не перевод, но уже не просто анализ, а начало перевоплощения…

Список источников

1. Золян С. Т. Текстоцентричная семантика и теория перевода // Иностранные языки в высшей школе. — 2013. — Вып. 2 (25). — С. 11–18.
2. Колкер Я. М. Поэзия и проза художественного перевода. — М. : Гуманитарий, 2014. — 497 с.
3. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. — М. : Просвещение, 1988. — 192 с.
4. Марьяновская Е. Л. Предпереводческий анализ как инструмент обучения художественному переводу. — СПб. : Алеф-Пресс, 2015. — 116 с.

References

1. Zolyan S. T. Text-Centered Semantics and Theory of Translation. *Inostrannyie yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2013, iss. 2 (25), pp. 11–18. (In Russian).
2. Kolker Ya. M. Poeziya i Prosa Khudozhestvennogo Perevoda [Poetry and Prose of Literary Translation]. Moscow, Humanist Publ., 2014, 497 p. (In Russian).
3. Kukharenko V. A. *Interpretatsiya teksta* [Text Interpretation]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1988, 192 p. (In Russian).
4. Maryanovskaya E. L. Predperevodcheskiy analis teksta kak Instrument obucheniya khudozhestvennomy perevody [Pretranslation Analysis as a Means to Teach Translation of Fiction]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2015, 116 p. (In Russian).

Информация об авторе

Марьяновская Елена Леонидовна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, директор научно-образовательного подразделения «Институт Конфуция» Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the author

Maryanovskaya, Elena — candidate of pedagogy, associate professor, head of the department of Linguistics and Intercultural Communication, director of Confucius Institute at Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023;
одобрена после рецензирования 17.11.2023;
принята к публикации 17.11.2023.

Submitted 10.11.2023;
approved after reviewing 17.11.2023;
accepted for publication 17.11.2023.

РАЗДЕЛ III

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ В СВЕТЕ ПЕРЕВОДА И КОМБИНА́ТОРНОЙ СЕМАНТИКИ

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 32–41.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;4(67):32–41.

Научная статья
УДК 821.111:81’255.2
DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.005

Использование и трудности перевода геральдических терминов в драматическом произведении

Алексей Александрович Стрельцов
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
al-astr@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности функционирования и передачи геральдических терминов в художественной литературе. Материалом послужили шесть фрагментов из пяти пьес У. Шекспира на английском языке и их переводы на русский язык. Показано, как разные переводчики смогли преодолеть встретившиеся переводческие трудности. С одной стороны, они не были знакомы со спецификой блазонирования (геральдического описания), а в словарях зачастую отсутствуют отдельные термины или узкоспециальные значения слов, что нередко приводит к неточностям и ошибкам в описании отдельных элементов герба и геральдических фигур. С другой стороны, отдельные переводчики не старались учесть специфику переводимых терминов. Установлено, что, помимо словарных соответствий, в том числе вместо контекстуальных, они чаще всего использовали пермутацию и опущение.

Ключевые слова: воображаемая геральдика, герб, перевод терминов, драматический текст, художественный перевод, Шекспир.

Для цитирования: Стрельцов А. А. Использование и трудности перевода геральдических терминов в драматическом произведении // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 32–41. DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.005.

Original article

The usage of heraldic terms in a drama piece and difficulties of their translation

Aleksey A. Streltsov
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
al-astr@yandex.ru

Abstract. The article deals with the peculiarities of usage and translation of heraldic terms in fiction. We have picked out for analysis six extracts from five plays by William Shakespeare and their translations into Russian. Many translators might not have a thorough understanding of heraldry, i.e. the description of a coat of arms; and dictionaries often fail to provide precise terms or specific meanings, thus causing inaccuracies and errors concerning the blazoning of heraldic achievements. Some translators didn’t even try to take into consideration the subtleties of the terms and deal with them accordingly. We have shown the means the translators resorted to in overcoming the difficulties, and noted the most frequent translation methods — permutation and omission, as well as equivalent translation, sometimes instead of contextual replacement.

Keywords: imaginary heraldry, emblem, translation of terms, dramatical piece, literary translation, Shakespeare.

For citation: Streltsov A. A. The usage of heraldic terms in a drama piece and difficulties of their translation. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 4(67):32–41. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.005.

© Стрельцов А. А., 2023

Введение

Уильям Шекспир признан национальной гордостью Англии [Британцы …], создателем литературного языка своей нации [Карпова, 2017 ; Шкилев, Камалетдинова, 2017 ; Дарьина, Ларина, 2020 ; Kuzmina, Karapetyan, 2022], а его пьесы стали общественным достоянием человечества: спектакли по ним ставили и ставят в театрах всего мира, многие из них были экранизированы.

Творчество великого драматурга изучали многие исследователи, в том числе в аспекте их перевода как в целом [Бухтояров, 2004 ; Чеснокова, 2016, 2020 ; Макаров, 2017 ; Ильина, 2021 ; Никишина, 2022 ; Turmas, 2020], так и в плане передачи на русский язык тех или иных языковых единиц [Селиверстова, Смирнова, Османова, 2016 ; Калашников, 2018 ; Сидорова, Лазухина, 2018 ; Скроцкая, 2018 ; Чалова, 2020 ; Болозовская, 2021 ; Лысянская, 2021 ; Smith, 2018]. В настоящей работе мы рассматриваем лексические единицы специального языка — геральдического, под которым понимаем описательный код, применяемый для записи и описания изображения на гербах. Следует отметить, что, хотя геральдические знаки являлись предметом изучения в ряде публикаций (см: [Склизкова, 2000 ; Староскольская, 2019 ; Склизкова, 2019 ; Воркачев, 2021]), никто прежде не обращался к такому источнику, как художественная литература [1], и, соответственно, к лингвопереводческому, а не семиотическому или социокультурному аспекту данного вопроса. Предметом нашего исследования являются особенности функционирования элементов данного кода в оригинале и в переводе драматического текста.

Материалом исследования послужили пьесы Уильяма Шекспира *Henry VI, Hamlet, Midsummer Night's Dream, The Taming of the Shrew, The merry wives of Windsor* и их переводы на русский язык. В текстах пьес есть несколько мест, в которых употребляется слов «герб», но мы остановились на шести фрагментах, в которых представлена геральдическая терминология, служащая для описания определенной ситуации.

Соответственно, мы не рассматривали подробно случаи единичного употребления терминов, например, *hatchment* (*Hamlet*, Act 4, Scene 5) 'траурный/погребальный герб' (герб покойного на черной доске/полотнище), который переводили на русский язык генерализацией 'герб'.

Целью нашей работы является установление возможности точной передачи геральдических терминов в пьесах У. Шекспира, а основной задачей — определение трансформаций, использованных при переводе указанных терминов на русский язык.

Основная часть

1. Henry VI [2]

CLIFFORD. …Might I but know thee by thy household badge.
WARWICK. Now, by my father's badge, old Nevil's crest,
The rampant bear chain'd to the ragged staff…
(Part II, Act V, Scene 1)

Первый термин *badge* означает 'герб' (геральдический), и в тексте пьесы он образует словосочетание со словом *household*. Таким образом, правильно было бы перевести его как 'родовой' или 'фамильный' герб, но переводчики А. Соколовский, О. Чюмина и Е. Бирукова опустили определение: «тебя узнаю по гербу»; Н. Кетчер использовал перестановку и частичный перевод: «по гербу твоего дома», а П. Каншин сохранил порядок слов, но проигнорировал контекст, обратившись к основному значению слова: «по твоему родовому знаку». Передача словосочетания *father's badge* в ответной реплике также различается: О. Чюмина сохранила порядок слов: «отца гербом», П. Каншин и Н. Кетчер сделали перестановку: «гербомъ моего отца», тогда как А. Соколовский использовал грамматическую замену: «гербомъ отцовъ моихъ». Е. Бирукова опустила это словосочетание, возможно, по причине избыточности: на этой же строке упоминается *old Nevil's crest*, которое она передала, изменив порядок слов: «Невилов гербом старинным». Перевод О. Чюминой и П. Каншина отличается только порядком слов: «гербомъ Невилей древнимъ» и «древнимъ гербомъ Невилей» соответственно. А. Соколовский и Н. Кетчер использовали основное значение слова *crest* — 'гребень', и допустили ошибку: «гребень (шлема) стараго Невиля».

[1] Единственное известное нам исключение — исследование Д. С. Рыжовой [Рыжова, 2018], но автор рассматривает период становления геральдики на материале рыцарского романа, а не драмы.

[2] Тексты У. Шекспира цит. по: [Shakespeare] ; Переводы П. Каншина, Н. Кетчера, А. Соколовского, О. Чуминой цит. по: [Шекспир, а]; Е. Бируковой — по: [Шекспир, б].

Возможная причина — упоминание собеседниками собственных шлемов — *burgonet*, хотя это является анахронизмом: в XV веке, когда происходит действие пьесы, шлема такого рода — бургиньот — еще не было, он появится уже в следующем веке, существовал только его предшественник — армет.

На следующей строчке указано, что именно изображено на старинном гербе Невилей: *The rampant bear chain'd to the ragged staff*. Наиболее точно описание негеральдической (так называются любые изображения людей, животных, строений и т. п., хотя они и широко применяются в геральдике) фигуры находим у Е. Бируковой: «Медведем, что стоит на задних лапах». В переводах О. Чюминой и П. Каншина опущено причастие: «медвѣдь на заднихъ лапахъ», у Н. Кетчера — «стоящий медведь», а А. Соколовский ограничился упоминанием животного.

Указано, что медведь *chained* 'прикованный'; этот термин редко употребляется в геральдике, но нетерминологическое словосочетание *rugged stuff* передано по-разному: «к суковатому стволу» (Е. Бирукова), «къ суковатому пню» (Н. Кетчер), «къ дубинѣ суковатой» (О. Чюмина), «къ щетинистому пню» (А. Соколовский), «къ суковатой палкѣ» (П. Каншин). Трудно предположить, что медведя можно приковать к палке, пусть даже толстой, как и то, что пень может быть покрыт щетиной; с другой стороны, в гербах, хоть и крайне редко, встречаются пни, даже с сучьями. Животное может быть приковано к стволу, но, по правилам геральдики, необходимо указать вид дерева. Нам известно только одно символическое изображение такого рода: крокодил, соединенный цепью с пальмой на римской монете как показатель зависимости Египта от империи, впоследствии перенесенное на герб города Нима (Франция).

2. Midsummer night's dream [3]

В комедии *Midsummer night's dream* одна из героинь пылко и образно описывает подруге их дружбу, используя в том числе такое сравнение:

Two of the first, like coats in heraldry,
Due but to one and crowned with one crest…
(Act 3, Scene 2).

В геральдике допускается объединение гербов, например, супружеских, или когда к государству присоединяются другие владения. Так, французский герб с лилиями был соединен с английским после побед Генриха V в знак того, что он был объявлен наследником французской короны (о чем упоминалось в первой части пьесы Шекспира «Генрих VI»). В этом случае щит герба разделен на две или четыре части, а на соединение указывает общий шлем. Наиболее точно это передал М. Лозинский: «Как рассеченный щит в одном гербе, / Увенчанный одним и тем же шлемом».

Остальные переводы в той или иной степени содержат неточности и даже ошибки. Прозаические переводы Н. Кетчера и П. Каншина очень близки: «какъ два геральдическіе щита однимъ шлемомъ увѣнчанные» / «увѣнчанные однимъ шлемомъ» и «одному только принадлежащіе» / «принадлежащіе одному только человѣку». А. Соколовский изменил порядок слов: «Подъ общій шлемъ подводятся владѣльцемъ / Такъ два щита, соединясь въ гербѣ», допустив распространенную ошибку: два щита, «соединясь в гербе», становятся одним щитом с двумя или более полями. В других переводах читаем следующее: «Подобны двум щитам в гербе одном, / Соединенным под одним клейнодом» (М. Тумповская) (в геральдике клейнод — украшение на шлеме); «как бы два поля, что в одном гербе / Увенчаны нашлемником единым» (Т. Щепкина-Куперник) (нашлемник (часто — перья, иногда фигуры) — необязательное украшение поверх шлема, частный случай клейнода); «Как в гербе, / Хотя и есть два поля — оба поля, / Принадлежа единому щиту, / Увенчаны нашлемником единым» (Н. Сатин) (допускается та же ошибка, что и выше, хотя правильно указано, что после объединения в одном щите (а не гербе — щит является главной частью герба) появляется два поля); «Два въ рыцарскомъ гербѣ щита, одною / Короною увѣнчанные оба» (А. Григорьев) (буквально передано слово *crowned*, происходит частеречная замена).

Как и в предыдущем примере, затруднение вызывает наличие синонимов: и *coat of arms*, и *crest*, и *badge* означают почти одно и то же и могут переводиться на русский язык как 'герб' (по крайней мере, так указано в словарях синонимов, см.: [Mirriam-Webster ; Synonyms ; Reverso], хотя геральдисты [Parker] разводят эти термины). В текстах пьес не упоминается еще один синоним — *device*, который является «ложным другом» для переводчиц. Мы уже отмечали ранее [Стрельцов, 2023], что Е. Бекетова, автор самого известного перевода романа В. Скотта «Айвенго», ошибочно перевела это слов как «девиз». Такую же ошибку допустила переводчик роман Д. Брауна «Код Да Винчи» Н. Рейн, указав, что некоторое изображение является «официальным девизом братства. Его гербом» [Браун] (в оригинале: *the brotherhood's official device. Their coat of arms* [Brown]).

[3] Переводы А. Григорьева, П. Каншина, Н. Кетчера, Н. Сатина, А. Соколовского, М. Тумповской, Т. Щепкиной-Куперник цит. по: [Шекспир, а].

3. The taming of the shrew [4]

В комедии *The taming of the shrew* героиня ограничивается краткой формой термина — *arms*. Она грозит жениху, что, подняв на нее руку, тот лишится дворянства и герба:

So may you lose your arms.
If you strike me, you are no gentleman;
And if no gentleman, why then no arms.
(Act 2, Scene 1)

В разных переводах читаем: «Тогда герба лишишься/лишитесь» или «с гербом простись/простишься». Неизвестный переводчик посчитал, что, ударив героиню (а она первая отвесила ему оплеуху), жених потеряет «свою дворянскую грамату» (орфография сохранена. — *А. С.*).

Упоминание герба позволяет жениху сменить тему: *A herald, Kate? O, put me in thy books!* В последнем случае имеет место сокращенная форма термина-словосочетания *herald's book* 'гербовник', первая часть которого опущена за избыточностью, поскольку из контекста понятно, о какой книге идет речь; только неизвестный переводчик вместо необходимой конкретизации использует основное значение слова. У неизвестного переводчика жених иронично называет героиню «геральдиком» и просит ее «внести/вписать» его «в свой гербовник», а в переводах А. Островского и Ю. Корнеева [Шекспир, 2000] — «записать герб», что неверно. Впрочем, М. Кузмин опускает вопрос-утверждение, а некоторые избегают даже в шутку упоминать название профессии и прибегают к описательному переводу: «какія удивительныя познанія въ геральдикѣ» (Н. Кетчер), «Сильна же ты въ геральдикѣ» (А. Соколовский) и «ты геральдики знаток?» (П. Мелкова); неизвестный переводчик, П. Каншин, А. Курошева, Ю. Корнеев и П. Мелкова сохранили вопросительную форму предложения, а остальные заменили на утвердительную или восклицательную, причем А. Островский и П. Гнедич объединили предложения.

Следующая фраза представляет собой, возможно, неумышленную игру слов: слова *crest* и *coxcomb* имеют значение 'гребешок (петуха)' / 'петушиный гребень'. Перевести так оба слова невозможно, тем более что в контексте подразумевается геральдический смысл ответной реплики героини, язвительно интересующейся, не петушиный ли гребень изображен на гербе собеседника. Одно из значений слово crest — 'гребень' или 'навершие шлема', но — как части доспеха. Петушиный гребень на шлеме рыцаря смотрелся бы забавно, но в данном случае речь шла об элементах герба, поэтому в большинстве своем переводчики допустили ошибку, указав, что петуший гребень — «в/на шлеме». Избежать ее смогли: неизвестный переводчик: «Какой вашъ гербъ?»; А. Соколовский: «Дарю тебѣ я въ гербъ пѣтушій гребень», и П. Гнедич: «У вас колпак шута с петушьим гребнем!» В последнем случае слово «герб» отсутствует, возможно, по причине избыточности, потому что перед этим жених попросил: «составь мне герб!» Также переводчик опускает слово *crest* и приводит сразу два значения слова *coxcomb*, одно из которых — 'шутовской колпак' — является устаревшим.

4. The merry wives of Windsor [5]

…may give the dozen white luces in their coat.
SHALLOW. It is an old coat.
SIR HUGH EVANS. The dozen white louses do become an old coat well; it agrees well, passant; it is a familiar beast to man, and signifies love.
SHALLOW. The luce is the fresh fish; the salt fish is an old coat.
(Act 1, Scene 1)

Еще в одной комедии неправильно понятые геральдические термины *coat* и *luces* придали комизм диалогу: термин *coat* — сокращенная форма от *coat of arms* 'герб' — был точно переведен только А. Соколовским и М. Морозовым; поскольку некоторые персонажи пьесы посчитали, что речь идет об одежде, большинство переводчиков передали его как «рыцарская мантия» (выше по тексту упоминалось, что ее обладатель — дворянин). Слово *luce* было переведено М. Кузминым, П. Каншиным и А. Соколовским словарным соответствием 'щука' (второе значение — 'геральдическая лилия'); поскольку в оригинале имеет место игра слов — *luce* созвучно *louse* 'вошь' — возникла необходимость прибегнуть к замене, и в переводах Н. Кетчера, Т. Щепкиной-Куперник и М. Морозова вместо «щук» — «ерши» (ершей —

[4] Переводы П. Гнедича, П. Каншина, М. Кузьмина, А. Островского, А. Соколовского, а также неизвестного переводчика цит. по: [Шекспир, а]; А. Курошевой, П. Мелковой — по: [Шекспир, б].

[5] Переводы П. Вейнберга, П. Каншина, Н. Кетчера, М. Кузьмина, М. Морозова, А. Соколовского, Т. Щепкиной-Куперник цит. по: [Шекспир, а].

вшей), а у П. Вейнберга — «ковши». В действительности же имелось в виду, что у некоего дворянина не старая мантия, а старинный герб, на котором не *двенадцать белых щук*, а *двенадцать серебряных* (это слово используется в геральдике для обозначения белого цвета) *лилий*. Их количество может удивить (обычно в гербе одна или три лилии — кроме гербовых щитов французских королей и некоторых принцев крови), но совсем непонятно упоминание термина *passant* — 'идущий' (о животных): ни рыбы, ни тем более лилии это делать не могут. Для рыб характерно изображение «в пояс» — «плывущий» (и оно настолько естественно, что в описании герба не оговаривается) или «в столб» (и тогда, в зависимости от направления головы, рыба может быть «всплывающей» или «ныряющей»).

5. Hamlet [6]

Отдельно стоит рассмотреть геральдические термины, которые использованы в качестве колоронимов в самой известной пьесе У. Шекспира: обилие русскоязычных переводов трагедии «Гамлет» имело следствием большое количество разных, подчас неожиданных переводческих решений.

1) Описание бороды призрака — «тени отца» Гамлета: *A sable silver'd* (Act 1, Scene 2). М. Лозинский и Д. В. Аверкиев переводят как «чернь с серебром»; большинство переводчиков передали цвет бороды как «(черная) с проседью», «черна, но серебриста» / «серебристо-черен». Некоторые переводчики допустили ошибки: у М. Морозова и А. Чернова — «серебристый соболь» (использовано основное значение слова *sable*); В. Поплавский передал цвет как «серебристый мех» (?) (в геральдике используются два меха — беличий и более статусный горностаевый, но не соболиный, хотя это животное также относится к семейству куньих); А. Цветков предложил компромиссный вариант: «соболья с проседью», соединив буквальный перевод с наиболее частотным.

2) …he whose sable arms
Black as his purpose, did the night resemble.
…now this dread and black complexion smear'd
With heraldry more dismal;
head to foot
Now is he total gules; horridly trick'd
With blood…
(Act 2, Scene 2)

Геральдические термины в данном отрывке использованы сугубо метафорически: слово *arms* не является сокращенной формой термина *coat of arms* — так в тексте поэтически названы доспехи; *sable* и *gules* — названия тинктур — используются как колоронимы, обозначающие черный и красный цвета: в первом случае использован синонимический повтор *sable… Black*, а во втором содержится указание на то, что доспехи покрыты кровью; слово *heraldry* подчеркивает намеренное употребление геральдических терминов в несвойственном контексте.

Так, слово *sable* переводили как «черный» (Н. Кетчер, Н. Россова, М. Загуляева, К. Р., М. Морозова, Б. Пастернак [Шекспир, 1941], А. Радлова, И. Тюрикова [Шекспир, 2014]), «чернота» (В. Поплавский), «чернее ночи», «воронёный» (А. Каншин, Н. Маклакова, Ю. Лифшиц [Шекспир, 2017]), «темный» (Д. В Аверкиев), «мрачный» (А. Месковский, А. Данилевский), «как сажа» (А. Цветков [Шекспир, 2010]) или же опускали, используя цветообозначение «черный» для описания как доспехов, так и замыслов.

Здесь необходимо сделать отступление. Слово *sable* не так часто, но используется в качестве замены слова «черный». Так, в романе В. Скотта «Айвенго» у барона Фрон де Бефа и Черного Рыцаря были *sable armour*. В романе Дж.-Р.-Р. Толкиена «Две башни» упоминаются *sable shields* и то, что воины были *clad in sable, dark as the night*. Данное определение может относиться не только к доспехам: в рассказах Э.-А. По упоминаются *the sable draperies* и *the sable divinity*, в романе Г.-Дж. Уэллса «Машина времени» — *the sable sky*, а в романе Д. Брауна «Ангелы и демоны» — *deep sable eyes*.

Слово *gules* переводили как «багрян(ый)» (Н. Кетчер, Н. Маклакова), «багров(ый)» (Д. В. Аверкиев, А. Кронеберг, А. Соколовский, М. Морозов, И. Тюрикова [Шекспир, 2014]), «побагровел» (К. Р.), «красен» (Н. Карабчевский), «алый» (А. Радлова), «видъ алой краски» (А. Данилевский), «пурпурная краска» (Ю. Лифшиц [Шекспир, 2017]), «кровавая краска» (А. Чернов), «червлен» (М. Вронченко), «малиновый» (Б. Пастернак [Шекспир, 1941]), или же указывали, что доспех был «покрыт/залит/обагрен кровью»; очень образно передал его В. Поплавский — «цвет воспаленной глотки».

[6] Переводы Д. В. Аверкиева, М. Вронченко, А. Данилевского, М. Загуляевой, К. Р., А. Каншина, Н. Карабчевского, Н. Кетчера, А. Кроненберга, Н. Маклакова, А. Месковского, М. Морозова, А. Радловой, Н. Россовой, А. Соколовского цит. по: [Шекспир, а]; М. Лозинского, В. Поплавского, А. Чернова — по: [Шекспир, б].

Термин *heraldry* в большинстве переводов был опущен, Н. Маклаков использовал словарное соответствие «геральдика», М. Морозова — дополнение «геральдический цвет», в переводе М. Лозинского использован термин «финифть», что является неточной заменой (данным термином обозначают металлы — золото и серебро), В. Поплавский передал его как «эмблема», А. Данилевский дал вольный перевод «варварскими гербами», соединив прием смыслового развития с неоправданным дополнением.

Имели место и другие случаи метафорического употребления терминов-словосочетаний, не представляющие особой трудности и вследствие этого не получившие подробного разбора в настоящей статье: *herald's coat* (*Henry VI*, Part II, Act 4, Scene 10) — костюм (в разных переводах: «одежда», «плащ», «мантия», «колет», «убор») герольда — с пышным облачением герольда сравнивается кровь на мече; *flower-de-luces* (полукалька с французского fleur-de-lis) *in your arms* (*Henry VI*, Part I, Act 1, Scene 1) — «геральдические лилии в вашем гербе» (намек на французские владения, которых английский король может лишиться). В переводах П. Каншина, Н. Кетчера и Е. Бируковой отмечается, что «с герба сорвали лилии и полщита отрублено» / «английский щит наполовину срублен» (Е. Бирукова); А. Соколовский отмечает утрату «полщита» из-за того, что он «лишится ветки (?) лилий» (очевидно, переводчик руководствовался ботаническим, а не геральдическим представлением о цветке), а О. Чюмина — потерю «половины поля», поскольку «Въ гербе своем страна лишилась лилий».

Заключение

Следует отметить, что большинство переводчиков не смогли избежать ошибок при переводе геральдических терминов, что свидетельствует о недостаточных познаниях в данной области. Часто они использовали основное значение слова, не прибегая к ситуативной замене, обусловленной контекстом, а также опускали некоторые слова, в том числе по причине избыточности, и меняли их порядок во фразе. Между тем точный перевод геральдических терминов в художественном, в частности драматическом, тексте возможен, что показал, хотя и не во всех случаях, М. Лозинский.

Список источников

1. Болозовская А. Р. Шекспировская метафора в оригинале и переводе // Общие и частные вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурного взаимодействия : сб. науч. ст. по материалам XXXI Междунар. науч.-практ. конф. — Чебоксары, 2021. — С. 364–373.

2. Браун Д. Код да Винчи / пер. Н. В. Рейн. — URL : https://litmir.club/br/?b=47079 (дата обращения: 28.11.2023).

3. Британцы признали Шекспира главной гордостью нации. — URL : https://life.ru/p/75000?ysclid=lmt7fh01re33674019 (дата обращения: 18.10.2023).

4. Бухтояров С. И. Семиолингвистические аспекты переводов пьес Шекспира на русский и немецкий языки : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20. — Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2004. — 185 с.

5. Воркачев С. Г. Блазонирование в национальной геральдике испаноязычных государств Латинской Америки // Вестник Пятигорского университета. — 2021. — №4. — С. 215–220. — DOI: 10.53531/25420747_2021_4_215.

6. Дарьина В. В., Ларина С. Г. Влияние творчества Шекспира на развитие английского языка и современную литературу // Молодежное проектирование — 2020 : сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч. фестиваля. — Орехово-Зуево, 2020. — С. 132–136.

7. Ильина Н. К. Последние исправления в переводе комедии У. Шекспира «Усмирение своенравной» // Вестник Костромского государственного университета. — 2021. — Т. 27, № 4. — С. 120–124. — DOI: 10.34216/1998-0817-2021-27-4-120-124.

8. Калашников А. В. Характеристические имена мастеровых в переводах на русский язык комедии «Сон в летнюю ночь» // XXVII Шекспировские чтения — 2018 (27th Shakespeare Readings — 2018) : сб. аннотаций докл. — М., 2018. — С. 32–33.

9. Карпова А. А. Влияние У. Шекспира на развитие английского языка // Актуальные вопросы современности глазами молодых исследователей : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. — Омск, 2017. — С. 101–106.

10. Лысянская А. Поэтика английского фольклора в пьесе Шекспира «Сон в летнюю ночь» // Студент — Исследователь — Учитель : материалы XXII Межвуз. студенческой науч. конф. — СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2021. — С. 1462–1466.

11. Макаров В. С. «Бесплодные усилия любви» в русских переводах: опыт сравнительного анализа // Горизонты гуманитарного знания. — 2017. — № 6. — С. 85–102. — DOI: 10.17805/ggz.2017.6.6. — URL : https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/642 (дата обращения: 28.10.2023).

12. Никишина А. Р. Трудности перевода произведений Уильяма Шекспира с языка оригинала на русский язык // Лучшая исследовательская работа — 2022 : сб. ст. II Междунар. науч.-исслед. конкурса. — Петрозаводск, 2022. — С. 118—121.

13. Рыжова Д. С. Геральдика в романах Кретьена де Труа // Средние века. — 2018. — Т. 79. — №1. — С. 36–58.

14. Селиверстова М. А., Смирнова Г. В., Османова Ф. К. Черты эпохи Возрождения в характерах героев комедии Шекспира «Укрощение строптивой» // В мире науки и инноваций: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. : в 8 ч. — Пермь, 2016. — Ч. 8. — С. 179–183.

15. Сидорова О. Г., Лазухина Л. В. Анализ перевода на русский язык междометий пьесы У. Шекспира «Отелло» // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. —2018. — № 3. — С. 27–28.

16. Склизкова Е. В. Геральдика в аристократических кругах Британии и России : автореф. дис. … канд. культурологии : 24.00.04. — М., 2004. — 23 с.

17. Склизкова Е. В. Лингвистичность геральдического знака: структурно-прагматический аспект // Славянские чтения : сб. материалов Междунар. науч. конф. — М., 2019. — С. 99–118.

18. Скроцкая В. А. Особенности передачи лексических и стилистических средств в художественном переводе (на материале пьесы У. Шекспира «Ричард II») // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 9, Исследования молодых ученых. — 2018. — № 16. — С. 46–49.

19. Староскольская Д. С. Бейдж — изобразительный девиз британской знати // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXII Междунар. науч. конф. — М., 2019. — С. 386–388.

20. Стрельцов А. А. Трудности перевода геральдических терминов в художественном произведении // Переводческий дискурс : междисциплинарный подход : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. — Симферополь, 2023. — С. 326–331.

21. Чалова Л. В. Синтаксические особенности разговорного типа речи (на материале исторической хроники Шекспира «Генрих VI») // Актуальные вопросы инновационного развития Арктического региона РФ : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. — Архангельск, 2020. — С. 352–358.

22. Чеснокова Т. Г. Комедия У. Шекспира «Укрощение строптивой»: к проблеме источников и интерпретации текста // Языковые процессы в эпоху глобализации : материалы Междунар. науч. семинара. — М., 2016. — С. 271–276.

23. Чеснокова Т. Г. «Усмирение своенравной» А. Н. Островского: проблемы рецепции и принципы перевода шекспировской комедии // Studia Litterarum. — 2020. — Т. 5, № 4. — С. 1–37. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-4-10-37.

24. Шекспир В. Полное собрание сочинений. — URL : http://az.lib.ru/s/shekspir_w/ (дата обращения: 18.10.2023), а.

25. Шекспир В. — URL : http://lib.ru/SHAKESPEARE/ (дата обращения: 18.10.2023), б.

26. Шекспир У. Гамлет, принц датский / пер. Б. Л. Пастернака. — М. : Гослитиздат, 1941. — URL : https://www.100bestpoems.ru/files/Shakespeare_Hamlet.pdf?ysclid=lmxu8bm7op958288692 (дата обращения: 18.10.2023).

27. Шекспир. У. Гамлет / пер. А. Цветкова. — М. : Новое изд-во, 2010. — URL : https://www.dropbox.com/s/sfxle7np7cqkitb/Hamlet.pdf?dl=0&fbclid=IwAR3Dh-vE_1ivfh1nZXvi8vcOJH-b2U6T_q_nG54GAyb-Wa_1E7qAMEkrA5o (дата обращения: 18.10.2023).

28. Шекспир У. Гамлет, принц датский / пер. Ю. Лифшица. — СПб. : Водолей, 2017. — URL : http://lit.lib.ru/l/lifshic_j_i/text_hamlet.shtml (дата обращения: 18.10.2023).

29. Шекспир У. Трагедия о Гамлете, принце Дании / пер. И. Тюриковой. — М., 2014. — URL : https://stihi.ru/2016/01/03/3562 (дата обращения: 18.10.2023).

30. Шекспир У. Укрощение строптивой // Избранное / пер. Ю. Корнеева. — Самара : ABC, 2000. — Т. 1. — С. 138–139.

31. Шкилев Р. Е., Камалетдинова Е. Р. Влияние творчества Уильяма Шекспира на современный английский язык // Научный форум: филология, искусствоведение и культурология : сб. ст. по материалам VI Междунар. заочн. науч.-практ. конф. — М., 2017. — С. 27–33.

32. Brown D. The Da Vinci Code. — URL : https://davincicode.bib.bz/ (дата обращения: 28.11.2023).

33. Kuzmina V., Karapetyan A. Shakespeare's influence on the English language // Современное языковое образование: инновации, проблемы, решения : материалы XIII науч.-практ. конф. — М., 2022. — С. 524–530.

34. Smith G. Symbolic meanings in the names of MIDSUMMER NIGHTS DREAM // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. — Витебск, 2018. — С. 260–266.

35. Turmas A. E. The use of the adaptation technique in the translation of fiction texts (the case of the translation of William Shakespeare's "ITALIAN" play "ROMEO AND JULIET" into Russian) // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : материалы IX Всерос. студенческой науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. А. Г. Василенко. — Новосибирск, 2020. — С. 261–263.

36. Merriam-Webster dictionary. — URL : https://www.merriam-webster.com/thesaurus/badge (дата обращения: 18.11.2023).

37. Parker J. A glossary of terms, used in heraldry. — URL : https://www.heraldsnet.org/saitou/parker/Jpglossa.htm (дата обращения: 18.11.2023).

38. Reverso. — URL : https://synonyms.reverso.net/синонимы/en/badge (дата обращения: 18.11.2023).

39. Shakespeare W. — URL : http://www.literaturepage.com/authors/William-Shakespeare.html (дата обращения: 18.11.2023).

40. Synonyms. — URL : https://www.synonyms.com/synonym/badge (дата обращения: 18.11.2023).

References

1. Bolozovskaia A. R. Shakespeare's metaphor in the original and in translation. *Obshchie i chastnye voprosy filologii i perevodovedeniia v kontekste mezhkul'turnogo vzaimodeistviia: sb. nauch. st. po materialam XXXI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Collected scientific articles of the XXXIth International conference "General and special issues of philology and translation studies within cross-cultural interaction"]. Cheboksary, 2021, pp. 364–373. (In Russian).

2. Braun D. *Kod da Vinchi* [The Da Vinci Code]. Transl. N. V. Rein. Available at: https://litmir.club/br/?b=47079 (accessed 28.11 2023). (In Russian).

3. The British recognized Shakespeare as the main pride of the nation. Available at: https://life.ru/p/75000?ysclid=lmt7fh01re33674019 (accessed 18.10. 2023). (In Russian).

4. Bukhtoiarov S. I. *Semiolingvisticheskiye aspekty perevodov p'yes Shekspira na russkiy i nemetskiy yazyki* [Semiolinguistic aspects of translations of Shakespeare's plays into Russian and German]. Thesis … cand. philol. sciences, 10.02.20. Tyumen, 2004, 185 p. (In Russian).

5. Vorkachev S. G. Blazoning in the national heraldry of Latin America Spanish-speaking countries. *Vestnik Piatigorskogo universiteta* [Pyatigorsk state university bulletin]. 2021, no. 4, pp. 215–220. DOI: 10.53531/25420747_2021_4_215. (In Russian).

6. Dar'ina V. V., Larina S. G. The influence of Shakespeare's creativity on the development of the English language and modern literature. *Molodezhnoye proektirovaniye — 2020: sb. nauch. st. po itogam Mezhdunar. nauch. festivalia* [Collected scientific articles on the results of the International Scientific Festival of Youth Design — 2020]. Orekhovo-Zuevo, 2020, pp. 132–136. (In Russian).

7. Il'ina N. K. The last corrections in the translation of the comedy "The taming of the shrew" by William Shakespeare. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University]. 2021, vol. 27, no. 4, pp. 120–124. DOI: 10.34216/1998-0817-2021-27-4-120-124. (In Russian).

8. Kalashnikov A. V. Characteristic names of craftsmen in translations into Russian of the comedy "A midsummer night's dream". *XXVII Shekspirovskie chteniia — 2018 (27th Shakespeare Readings 2018): sb. annotatsii dokl.* [Collected abstracts of reports of the XXVIIth Shakespeare Readings — 2018]. Moscow, 2018, pp. 32–33. (In Russian).

9. Karpova A. A. The influence of W. Shakespeare on the development of the English language. *Aktual'nye voprosy sovremennosti glazami molodykh issledovatelei: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf* [Papers of the IInd International scientific and practical conference "Topical issues of modernity through the eyes of young researchers"]. Omsk, 2017, pp. 101–106. (In Russian).

10. Lysianskaia A. Poetics of English folklore in Shakespeare's play "A midsummer night's dream". *Student — Issledovatel' — Uchitel': materialy XXII Mezhvuzovskoi studencheskoi nauch. konf.* [Papers of the 22nd Interuniversity student scientific conference "Student — Researcher — Teacher"]. St. Petersburg, Russian state pedagogical university named after A. I. Gertsen Publ., 2021, pp. 1462–1466. (In Russian).

11. Makarov V. S. "Love's labours lost" in Russian translations: experience of comparative analysis. *Gorizonty gumanitarnogo znaniia* [Horizons of humanitarian education]. 2017, no. 6, pp. 85–102. Available at: https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/642 (accessed 28.10.2023). DOI: 10.17805/ggz.2017.6.6. (In Russian).

12. 1Nikishina A. R. Difficulties of translating the works of William Shakespeare from the original language into Russian. *Luchshaia issledovatel'skaia rabota — 2022: sb. st. II Mezhdunar. nauch.-issled. konkursa* [Collected articles of the II International Research Competition "The best research paper — 2022"]. Petrozavodsk, 2022, pp. 118–121. (In Russian).

13. Ryzhova D. S. Heraldry in the romances by Cretien de Trois. *Srednie veka* [Studies on medieval and early modern history]. 2018, vol. 79, no.1, pp. 36–58. (In Russian).

14. Seliverstova M. A., Smirnova G. V., Osmanova F. K. Features of the Renaissance in the characters of the heroes of Shakespeare's comedy "The Taming of the Shrew". *V mire nauki i innovatsii: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 8 chastiakh* [Collected articles of the international scientific and practical conference "In the world of science and innovation": in 8 vols.]. Perm, 2016, vol. 8, pp. 179–183. (In Russian).

15. Sidorova O. G., Lazukhina L. V. Analysis of the translation into Russian of the interjections of W. Shakespeare's play "Othello". *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki* [Actual problems of Germanistics, Romanistics and Russian studies]. Ekaterinburg, 2018, no 3, pp. 27–28. (In Russian).

16. Sklizkova E. V. *Geral'dika v aristokraticheskikh krugakh Britanii i Rossii* [Heraldry in aristocratic circles of Britain and Russia]. Thesis … cand. cultural studies, 24.00.04. Moscow, 2004, 23 p. (In Russian).

17. Sklizkova E. V. Linguistics of the heraldic sign: structural and pragmatic aspect. *Slavianskie chteniia* [Slavic readings]. Moscow, 2019, pp. 99–118. (In Russian).

18. Skrotskaia V. A. Features of the transfer of lexical and stylistic means in artistic translation (based on the material of the play by W. Shakespeare "Richard II"). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9, Issledovaniia molodykh uchenykh* [Vestnik of the Volgograd state university. Ser. 9, "Research of young scientists"]. Volgograd, 2018, no. 16, pp. 46–49. (In Russian).

19. Staroskol'skaia D. S. Badge — the pictorial motto of the British nobility. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii*: *materialy XXXII Mezhdunar. nauch. konf.* [Papers of the XXXIIth International scientific conference "Supplementary historical disciplines in contemporary scientific knowledge"]. Moscow, 2019, pp. 386–388. (In Russian).

20. Streltsov A. A. Translation difficulties of the terms of heraldry in fiction. *Perevodcheskij diskurs: mezhdisciplinarnyj podhod: materialy VII Mezhdunar.j nauch.-prakt. konf.* [Papers of the VII International scientific and practical conference "Translation discourse: interdisciplinary approach"]. Simpheropol, 2023, pp. 326–331. (In Russian).

21. Chesnokova T. G. Shakespeare's comedy "The taming of the shrew": on the problem of sources and interpretation of the text. *Iazykovye protsessy v epokhu globalizatsii: materialy Mezhdunar. nauch. seminara* [Papers of the international scientific seminar "Language processes in the era of globalization"]. Moscow, 2016, pp. 271–276. (In Russian).

22. Chalova L. V. Syntactic features of the spoken type of speech (based on the historical chronicle of Shakespeare "Henry VI"). *Aktual'nye voprosy innovatsionnogo razvitiia Arkticheskogo regiona RF: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Collected papers of the All-Russian scientific and practical conference "Topical issues of innovative development of the Arctic region of the Russian Federation"]. Arkhangelsk, 2020, pp. 352–358. (In Russian).

23. Chesnokova T. G. "The taming of the shrew" by A. N. Ostrovsky: some aspects of reception and the principles of translation of Shakespeare' comedy. *Studia Litterarum*. 2020, vol. 5, no. 4, pp. 1–37. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-4-10-37. (In Russian).

24. Shekspir V. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full composition of writings]. Available at: http://az.lib.ru/s/shekspir_w/ (accessed 18.10.2023), a. (In Russian).

25. *Shekspir V.* [Shakespeare W.]. Available at: http://lib.ru/SHAKESPEARE/ (accessed 18.10.2023), b. (In Russian).

26. Shakespeare W. *Gamlet, prints datskiy* [Hamlet, Prince of Denmark]. Transl. by B. L. Pasternak. Moscow, Goslitizdat Publ., 1941. Available at: https://www.100bestpoems.ru/files/Shakespeare_Hamlet.pdf?ysclid=lmxu8bm7op958288692 (accessed 18.10.2023). (In Russian).

27. Shakespeare W. *Gamlet* [Hamlet]. Transl. by A. Tsvetkov. Moscow, Novoye izd-vo Publ., 2010. Available at: https://www.dropbox.com/s/sfxle7np7cqkitb/Hamlet.pdf?dl=0&fbclid=IwAR3Dh-vE_1ivfh1nZXvi8vcOJH-b2U6T_q_nG54GAyb-Wa_1E7qAMEkrA5o (accessed 18.10.2023). (In Russian).

28. Shakespeare W. *Gamlet, prints datskiy* [Hamlet, Prince of Denmark]. Transl. by Yu. Lifshits. St. Petersburg, Vodoley Publ., 2017. Available at: http://lit.lib.ru/l/lifshic_j_i/text_hamlet.shtml (accessed 18.10.2023). (In Russian).

29. Shakespeare W. *Tragediya o Gamlete, printse Danii* [The Tragedy Of Hamlet, Prince Of Denmark]. Transl. by I. Tyurikova. Moscow, 2014. Available at: https://stihi.ru/2016/01/03/3562 (accessed 18.10.2023). (In Russian).

30. Shakespeare W. The taming of the shrew. *Izbrannoye* [Selected works]. Transl. by Yu. Korneyev. Samara, ABC Publ., 2000, vol. 1, pp. 138–139. (In Russian).

31. Shkilev R. E., Kamaletdinova E. R. The influence of William Shakespeare's creativity on the modern English language. *Nauchnyi forum: filologiia, iskusstvovedenie i kul'turologiia: sb. st. po materialam VI Mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf.* [Collected papers of the VI International correspondence scientific and practical conference "Philology, art history and cultural studies"]. Moscow, 2017, pp. 27–33.

32. Brown D. The Da Vinci Code. Available at: https://davincicode.bib.bz/ (accessed 28.10.2023).

33. Kuzmina V., Karapetyan A. Shakespeare's influence on the English language. *Sovremennoe iazykovoe obrazovanie: innovatsii, problemy, resheniia: materialy XIII nauch.-prakt. konf.* [Papers of the XIII scientific and practical conference "Modern language education: innovations, problems, solutions"]. Moscow, 2022, pp. 524–530.

34. Smith G. Symbolic meanings in the names of "Midsummer nights dream". *Regional'naia onomastika: problemy i perspektivy issledovaniia: sb. nauch. st.* [A collection of scientific articles "Regional onomastics: problems and prospects of research"]. Vitebsk, 2018, pp. 260–266.

35. Turmas A. E. The use of the adaptation technique in the translation of fiction texts (the case of the translation of William Shakespeare's "Italian" play "Romeo and Juliet" into Russian). A. G. Vasilenko (ed.)

Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovatsii: materialy IX Vseros. studencheskoi nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem [Papers of the IXth All-Russian Student scientific and practical conference with international participation "Youth of the XXI century: education, science, innovation"]. Novosibirsk, 2020, pp. 261–263.

36. Parker J. A glossary of terms, used in heraldry. Available at: https://www.heraldsnet.org/saitou/parker/Jpglossa.htm (accessed 18.11. 2023).

37. Merriam-Webster dictionary. Available at: https://www.merriam-webster.com/thesaurus/badge (accessed 18.11. 2023).

38. Reverso. Available at: https://synonyms.reverso.net/синонимы/en/badge (accessed 18.11. 2023).

39. Shakespeare W. Available at: http://www.literaturepage.com/authors/William-Shakespeare.html (accessed 18.11.2023).

40. Synonyms. Available at: https://www.synonyms.com/synonym/badge (accessed 18.11. 2023).

Информация об авторе

Стрельцов Алексей Александрович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и ИТЛ Института филологии, журналистики и МКК Южного федерального университета.

Information about the author

Streltsov, Alexis — M.Ed., candidate of pedagogy, associate professor, chair of translation and IT in Linguistics, Institute of philology, journalism and Cross-Cultural Communication of the Southern Federal University.

Статья поступила в редакцию 29.10.2023;
одобрена после рецензирования 16.11.2023;
принята к публикации 18.11.2023.

Submitted 29.10.2023;
approved after reviewing 16.11.2023;
accepted for publication 18.11.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 41–48.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;4(67):41–48.

Научная статья
УДК 811.581'373.46:621.31
DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.006

Рекурсивный анализ китайских терминов подъязыка «электроэнергетика»

Фань Чжии
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
fanzy@ncpe.com.cn

Аннотация. Термины впервые рассматриваются через призму комбина́торной семантики, в рамках которой термин представлен как номинативная единица, состоящая из модификатора и актуализатора. Для анализа терминов используется методика рекурсивного анализа. На примере китайского научного подъязыка электроэнергетики предлагается систематизация терминов в зависимости от количества знаков, входящих в состав терминологической единицы. Выделены основные модели терминообразования в китайском языке. Предложен алгоритм отнесения конкретного термина к определенному типу номинативной единицы.

Ключевые слова: термин, китайский язык, электроэнергетика, номинативная единица.

Для цитирования: Фань Чжии. Рекурсивный анализ китайских терминов подъязыка «электроэнергетика» // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 41–48. DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.006.

© Фань Чжии, 2023

Original article

Recursive analysis of Chinese terms in the sublanguage “electric power industry”

Fan Zhiyi
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
fanzy@ncpe.com.cn

Abstract. The article is the first work which investigates terms on the basis of the combinatory semantics theory approach, where a term is considered to be a nominative unit with modificator and actualizator as its main components. The author analyzes electric power industry terms using the method of recursive analysis. The article provides a classification of the Chinese terms based on the number of characters in the term unit. As a result, the author outlines the basic models of term formation in the Chinese language and suggests an algorithm for attribution of a specific term to a certain type of nominative unit.

Keywords: term, Chinese language, electric power industry, nominative unit.

For citation: Fan Zhiyi. Recursive analysis of Chinese terms in the sublanguage “electric power industry”. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 4(67):41–48. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.006.

Введение

Вслед за технократизацией всех сфер жизни человека и, как следствие, непрерывным пополнением терминологической лексики возрастает необходимость в ее изучении, систематизации и упорядочивании. Как отмечает А. В. Суперанская, «терминологическая лексика — это особый слой специально культивируемой лексики, способствующей развитию науки и культуры народа. Поэтому он нуждается в систематическом пересмотре и упорядочении не только внутри отдельных национальных языков, но и в интернациональном плане» [Суперанская, Подольская, Васильева, 2012, с. 229].

В настоящее время Китай уделяет огромное внимание научно-техническому развитию, что обусловливает активные исследования научно-технической терминологии. Китай является заместителем председателя Международного информационного центра терминологии (*Infoterm*), Международной сети терминов (*TermNet*), членом правления Международной ассоциации терминоведения и распространения знаний (*GTW*) и др. С 1985 года выходит журнал «Китайская научно-техническая терминология» (中国科技术语 *Chinese Science and Technology Terms Journal*). В 2001 году в Китае была завершена работа по созданию «Базы данных государственного стандарта терминов КНР» (中国术语国家标准数据库); в том же году открыт бесплатный сервис «Информационная сеть терминов КНР» (中国术语信息网).

Вопросы терминологии служат предметом изучения таких китайских ученых, как Чжан Чунсинь, Фэн Чживэй, Чжэн Шупу, Гао Минкай, Лю Чжэнтань и др. Среди российских исследователей китайской терминологии можно назвать В. В. Иванова, И. Д. Кленина, О. П. Фролову, А. А. Григорьеву, О. Р. Очирова, И. О. Лебедеву и др.

Основная часть

В настоящее время, как отмечает А. А. Стрельцов, насчитывается более 3 тыс. определений термина, что свидетельствует об отсутствии единой точки зрения на его сущность: «До настоящего времени все попытки ученых сформулировать единое научно обоснованное определение термина терпят неудачу, так как содержание самого понятия не выяснено до конца» [Киселева, 2014, с. 306].

Так, под термином понимается «слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое или заимствованное для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова, 1966]; специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях [Суперанская, 1989], и др.

Термин в большинстве случаев является результатом вторичной номинации, поскольку образуется на основе единицы естественного языка (по определению В. М. Лейчика, «естественно-языкового субстрата» [Лейчик, 2007, с. 30]). Основное отличие терминов от общеупотребительной лексики заключается в обозначении объектов специальной области (специализированности термина), функционировании в рамках конкретного подъязыка. Войдя в ту или иную терминологию, слово как бы обособляется от общеупотребительных слов, меняет характер своего содержания в сторону его большей специализации. Например, *склянка* как общеупотребительное слово обозначает небольшой стеклянный сосуд с горлышком, просто банку и т. д. В терминологии морского дела это же слово используется в значении ‘удар колокола, обозначающий получасовой промежуток времени’ [Косовский, 1974, с. 127–128].

Термин как знак, обозначающий стереотип модели мира, обладает определенной спецификой. Благодаря функции максимально полной передачи информации из специализированной научной или технической области термины в ряде случаев точнее отображают действительность, чем единицы общеупотребительного языка, что, в частности, относится к роли индивидов. Например, в таких сочетаниях, как «варить кашу», «варить компот» указывается продукт, хотя более точно было бы говорить «варить крупу для приготовления каши», «варить фрукты для приготовления компота». Сравним с примерами терминов из области горного дела, которые приводит Е. И. Голованова: «варить чугун (при производстве железа), варить железо (при получении уклада или стали), варить медь (при ее очистке)» [Голованова, 2016, с. 23].

В рамках комбина́торной семантики знаки по общему предельно абстрактному значению объединяются в подмножества языковой системы – части языка, обозначающие индивидов тайгены и обозначающие признаки индивидов ёгены [Гордей, 1998, с. 35]. Наименование объекта (к примеру, оборудования) всегда является тайгеном, а наименование процесса — ёгеном. Это характерно и для китайского языка. Например: 器 qì ‘аппарат’ (тайген), 门 mén ‘клапан’ (тайген); 升shēng ‘подниматься’ (ёген), 旋xuàn ‘вращаться’ (ёген). Один знак может совмещать в себе семантику тайгена и семантику ёгена, например: 计 jì ‘мерить’ (ёген), ‘прибор для измерения’ (тайген); 泵 bèng ‘качать’ (жидкость или газ) (ёген), ‘насос’ (оборудование для выкачивания жидкости или газа) (тайген).

Важным понятием в комбина́торной семантике является *номинативная единица* — «устойчивая последовательность знаков, в которой один знак (модификатор) определяет другой (актуализатор)» [Гордей, 1998, с. 33]. Например: 温度 wēndù ‘температура’ = 温 wēn ‘тепло’ (модификатор) + 度 dù ‘градус’ (актуализатор) [1]; 双速风机 shuāngsù fēngjī ‘двухскоростной вентилятор’ = 双速 shuāngsù ‘двухскоростной’ (модификатор) + 风机 fēngjī ‘вентилятор’ (актуализатор); 沸腾炉 fèiténglú ‘котел с кипящей топкой’ = ‘с кипящей топкой’ (модификатор) + ‘котел’ (актуализатор).

Номинативные единицы, называющие предметы — субъекты и объекты, являются тайгенами, а номинативные единицы, называющие качества предметов и процессы (акции), в которых они участвуют, являются ёгенами (ёгены, называющие признак предмета, относятся к постоянным ёгенам, а называющие процесс — к переменным). «В китайских тайгенах модификатор занимает левую маргинальную позицию, актуализатор — правую, в китайских ёгенах обратная зависимость: модификатор занимает правую маргинальную позицию, актуализатор — левую» [Гордей, 1998, с. 36–37]. Иными словами, номинативная единица, обозначающая индивида, имеет формулу: модификатор [М] + актуализатор [А] (长度 chángdù ‘длина’, где М长 ‘длинный’ + А度 ‘градус’); номинативная единица, обозначающая свойство либо процесс, имеет формулу: А + М (粗糙cūcāo ‘шероховатый’, где А粗 ‘толстый’ + М糙 ‘необработанный’; 过滤 ‘фильтровать’, где А过 ‘проходить через’ + М滤 ‘процеживать’).

Стоит особо отметить, что «тайгены и ёгены не следует смешивать с позиционными тайгенами или ёгенами как результатами реализаций одних номинативных единиц в структурах других» [Гордей, 1998, с. 37]. Например: 温度计 wēndùjì ‘термометр’, где роль актуализатора играет системный синкретический знак 计 jì ‘измерять/измеритель’, проявляющий свойства ёгена или тайгена лишь позиционно: в роли актуализатора — позиционный тайген, в роли модификатора — позиционный ёген. Как видим, данный термин в китайском и русском языках имеет сходную словообразовательную структуру: «измеритель тепла» [2].

Двухкомпонентность номинативной единицы может быть явной и скрытой. В случае явной двухкомпонентности эксплицированы и актуализатор, и модификатор, например, «большая дорога». Явная двухкомпонентность характерна для развернутых частей языка с минимальной семантической конденсацией. Ориентирующие термины, как правило, представляют собой номинативные единицы с явной двухкомпонентностью *(электромагнитные волны, кабельный лоток)* или название объекта и differentia specifica (по терминологии В. М. Лейчика) [Лейчик, 2007, с. 43].

Под рекурсивным анализом мы понимаем выделение в языковой единице (фонетической, лексической либо синтаксической) вложенных однотипных структур [3]. Метод рекурсивного анализа номинативной единицы состоит в поуровневом двухкомпонентном членении термина (рис.):

---

[1] Семантика этой номинативной единицы в китайском языке представлена в явном виде: иероглиф 温 wēn ‘тепло’ (модификатор) состоит из трех пиктограмм: 水 shuǐ ‘вода’, 日 rì ‘солнце’, 皿 mǐn ‘посуда’, то есть ‘вода в посуде под воздействием солнца нагревается и становится теплой’.

[2] «Метр через франц. mètre — то же из лат. metrum от греч. μέτρον ‘мера’. Последнее родственно *ме́ра*» (курсив — автора цитаты) [Фасмер, 1986, с. 611].

[3] Подробнее о методе рекурсивного анализа см.: [Карасёва, 2014, с. 38–47].

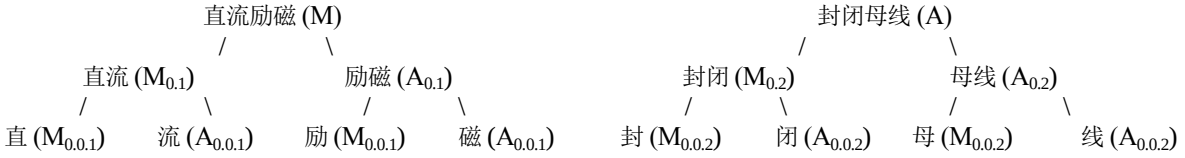


Рис. Схема рекурсивного анализа термина 直流励磁封闭母线 zhíliú lìcí fēngbì mǔxiàn ‘закрытый шинопровод возбуждения постоянного тока’

Разновидности рекурсии включают номинативную и предикативную. ***Номинативная рекурсия*** в области терминологической лексики характерна для номинативных единиц, построенных по модели:

– тайген (позиционный ёген) + тайген: 金具 ‘металлический зажим’, букв. ‘металл’ + ‘инструмент’;
– постоянный ёген + тайген: 强度 ‘прочность’, букв. ‘крепкий’ + ‘степень’;
– переменный ёген + переменный ёген: 下降 ‘снижаться’, букв. ‘вниз’ + ‘опускаться’.

Предикативная рекурсия охватывает номинативные единицы, построенные по следующим моделям:

– переменный ёген + тайген: 升速 ‘повышение скорости’, букв. ‘повышать’ + ‘скорость’;
– тайген + переменный ёген: 轴封 ‘уплотнение вала’, букв. ‘вал’ + ‘блокировать’.

Классификация китайских терминов опирается на 600 китайских электроэнергетических терминов, отобранных при помощи генератора случайных чисел из «Русско-китайского словаря электроэнергетических терминов» [Фань Чжии, 2019]. Основанием выделения парадигмы китайских электроэнергетических терминов служит количество знаков, входящих в состав терминологической единицы. Мы проанализировали термины методом рекурсивного анализа (предполагающего поуровневое разложение номинативной единицы на два компонента) и выявили наиболее продуктивные модели терминообразования.

Унарные термины представляют собой микроскопические номинативные единицы, поскольку чаще всего выступают не самостоятельно, а в составе более сложных лексических единиц:

– 机 jī ‘машина’ (тайген), 炉 lú ‘котел’ (тайген), 轴 zhóu ‘вал’ (тайген);
– 灭 miè ‘гасить’ (ёген), 除 chú ‘удалять’ (ёген), 积 jī ‘накапливать’ (ёген).

Унарные термины можно разложить на актуализатор и модификатор, осуществив анализ компонентов иероглифа. Например, знак 炉 lú ‘котел’ состоит из детерминатива 火 huǒ ‘огонь’, играющего роль актуализатора, и фонетика-идеографа 户 hù ‘двор’ в роли модификатора. Иными словами, выделение актуализатора и модификатора в китайском языке возможно уже на уровне микроскопической номинативной единицы.

Унарные термины могут употребляться самостоятельно, но значительно чаще входят в состав более сложных терминологических единиц. В ряде случаев унарные термины-тайгены в словарях выделяются как «словообразовательные элементы», например: 机 jī — словообразовательный элемент, входит в состав существительных, обозначающих машины, аппараты, механизмы и т. п. [Красник, 2002, с. 199], и др.

Бинарные термины в китайском языке представляют чрезвычайно широко распространенное явление. Согласно статистике, двусложные слова составляют около 75 % от общего числа лексических единиц китайского языка [Сунь Кэвэнь, 2009, с. 18].

В соответствии с положениями комбина́торной семантики, «в китайских тайгенах в позиции модификатора тайгены и ёгены реализуются как ёгены, в позиции актуализатора — как тайгены» [Гордей, 1998, с. 37]. В китайских терминах-тайгенах актуализатор занимает правую маргинальную позицию:

主轴 zhǔzhóu ‘главный вал’ = ‘главный’ (M) + ‘вал’ (A). В роли модификатора ёген 主 zhǔ ‘главный’ реализуется как ёген, тайген 轴 zhóu ‘вал’ — как тайген.

风机 fēngjī ‘вентилятор’ = ‘ветряная’ (M) + ‘машина’ (A). В роли модификатора тайген 风 fēng ‘ветряной’ реализуется как ёген, тайген 机 jī ‘машина’ реализуется как тайген.

В терминах-ёгенах актуализатор занимает левую маргинальную позицию, при этом «в позиции актуализатора тайгены и ёгены всегда реализуются как ёгены, в позиции модификатора — как ёгены или тайгены» [Гордей, 1998, с. 37]:

灭火 mièhuǒ ‘гашение’ = ‘гасить’ (A) + ‘огонь’ (M). Ёген 灭 miè ‘гасить’ реализуется как ёген, тайген 火 huǒ ‘огонь’ — как тайген.

吊挂 diàoguà = ‘висеть’ + ‘висеть’. Ёген 吊 diào реализуется как ёген, ёген 挂 guà — как ёген.

Номинативной единицей в полном смысле этого слова является именно бинарный термин, поскольку двухкомпонентность в нем представлена в явном виде. Сочетание унарных микроединиц и бинарных номинативных единиц служит базой для построения терминов, обладающих более сложной структурой. В нашей терминологии это макроскопические (многоуровневые) номинативные единицы, состоящие из модификатора и актуализатора, которые с помощью рекурсивного анализа можно разложить на собственные модификатор и актуализатор.

Тернарные термины [4] состоят из бинарного модификатора и унарного актуализатора. Модификатор тернарной номинативной единицы можно разложить на собственные модификатор (M_0) и актуализатор (A_0).

Если роль бинарного модификатора играет тайген, A_0 занимает в нем правую позицию (номинативная рекурсия): M (M_0 + A_0) + A:

M + A
/ \
M_0 + A_0

蛇形管 shéxíngguǎn ‘змеевик’ = M (M_0 змеиная + A_0 форма) + A (труба);

蛇形管 ‘змеевик’
/ \
M (蛇形) + A (管 ‘труба’)
/ \
M_0 (蛇 ‘змеиная’) + A_0 (形 ‘форма’)

Если в роли бинарного модификатора находится ёген, $A_{0.1}$ занимает в нем левую позицию (предикативная рекурсия): M (A_0 + M_0) +A:

M + A
/ \
A_0 + M_0

沸腾炉 fèiténglú ‘котел с кипящей топкой’ = M (A_0 ‘кипеть’ + M_0 ‘подниматься вверх’) + A (‘котел’);

沸腾炉 ‘котел с кипящей топкой’
/ \
M (沸腾 ‘кипение’) + A (炉 ‘котел’)
/ \
A_0 (沸 ‘кипеть’) + M_0 (腾 ‘подниматься вверх’)

Часто встречается ситуация, при которой в состав M входит сочетание ёген + тайген. В этом случае мы имеем дело с предикативной рекурсией: роль A_0 играет ёген, обозначающий акцию, а роль M_0 — тайген, обозначающий объект:

减温器 jiǎnwēnqì ‘охладитель’: M (A_0 ‘уменьшать’ + M_0 ‘температура’) + A (‘аппарат’), букв. ‘аппарат для уменьшения температуры’;

减温器 ‘охладитель’
/ \
M (减温 ‘охлаждение’) + A (器 ‘аппарат’)
/ \
A_0 (减 ‘уменьшать’) + M_0 (温 ‘температура’)

Номинативные единицы, образованные по данной модели, могут составлять ряд однотипных терминологических единиц с различным M_0, например:

– 除氧器 chúyǎngqì ‘деэаэратор’ (букв. ‘удаляющий *кислород* аппарат’);
– 除碳器 chútànqì ‘декарбонизатор’ (букв. ‘удаляющий *водород* аппарат’).

Подобные термины построены по следующей формуле: M (A_0 + X_{M_0}) + A.

Аналогичное правило свойственно терминологическим единицам, в которых роль бинарного модификатора (M (M_0 + A_0)) играет сочетание унарных тайгенов:

– 二极管 èrjíguǎn ‘диод’ (букв. ‘*два* электрода трубка’);
– 三极管 sānjíguǎn ‘триод’ (букв. ‘*три* электрода трубка’);
– 五极管 wǔjíguǎn ‘пентод’ (букв. ‘*пять* электродов трубка’).

[4] Далее мы сосредоточим наше внимание на анализе терминов-тайгенов, поскольку термины-ёгены, состоящие из трех и более знаков, в анализируемом нами корпусе текстов обнаружены не были.

Подобные номинативные единицы отличаются тайгеном ($M_{0.1}$), входящим в состав модификатора (M): M (X_{M_0} + A_0) + A.

Для ***кватернарных терминов*** характерны следующие модели:

1) Комбинация двух биномов, построенная по модели M ($M_{0.1}$ + $A_{0.1}$) + A ($M_{0.2}$ + $A_{0.2}$):

M + A
/ \ / \
$M_{0.1}$ + $A_{0.1}$ $M_{0.2}$ + $A_{0.2}$

双速风机 shuāngsù fēngjī ‘двухскоростной вентилятор’ = M ‘двухскоростной’ ($M_{0.1}$ ‘двойная’ + $A_{0.1}$ ‘скорость’) + A ‘вентилятор’ ($M_{0.2}$ ‘ветряная’ + $A_{0.2}$ ‘машина’):

双速风机 ‘двухскоростной вентилятор’
/ \
M (双速 ‘двухскоростной’) + A (风机 ‘вентилятор’)
/ \ / \
$M_{0.1}$ (双 ‘двойная’) + $A_{0.1}$ (速 ‘скорость’) $M_{0.2}$ (风 ‘ветряная’) + $A_{0.2}$ (机 ‘машина’)

2) Намного реже встречается комбинация тернарного модификатора и унарного актуализатора M ($M_{0.1}$ ($A_{0.001}$ + $M_{0.001}$) + $A_{0.2}$) + A:

M + A
/ \
$M_{0.1}$ + $A_{0.2}$
/ \
$A_{0.0.1}$ + $M_{0.0.1}$

省煤器管 shěngméiqì guǎn ‘труба экономайзера’ = M ‘экономайзер’ ($M_{0.1}$ ($A_{0.001}$ ‘экономить’ + $M_{0.001}$ ‘уголь’) + $A_{0.2}$ ‘аппарат’) + A ‘труба’. Термин «экономайзер» буквально обозначает ‘труба аппарата экономии угля’:

省煤器管 ‘труба экономайзера’
/ \
M (省煤器 ‘экономайзер’) + A (管 ‘труба’)
/ \
$M_{0.1}$ (省煤 ‘экономить уголь’) + $A_{0.2}$ (器 ‘аппарат’)
/ \
$A_{0.01}$ (省 ‘экономить’) + $M_{0.01}$ (煤 ‘уголь’)

Полиарные термины представляют собой макроскопические терминологические единицы, состоящие из пяти и более знаков.

Термин из *пяти* знаков может быть построен по следующей модели:

1) Комбинация бинарного модификатора и тернарного актуализатора:
M ($M_{0.1}$ + $A_{0.1}$) + A ($M_{0.2}$ ($M_{0.0.2}$ + $A_{0.0.2}$) + $A_{0.2}$):

M + A
/ \ / \
$M_{0.1}$ + $A_{0.1}$ $M_{0.2}$ + $A_{0.2}$
/ \
$M_{0.0.2}$ + $A_{0.0.2}$

蒸汽发生器 zhēngqì fāshēngqì ‘парогенератор’= M ‘пар’ ($M_{0.1}$ ‘водяной’ + $A_{0.1}$ ‘пар’) + A ‘генератор’ ($A_{0.0.2}$ ‘испускать’ + $M_{0.0.2}$ ‘рождаться’) + $A_{0.2}$ ‘прибор’):

蒸汽发生器 ‘парогенератор’
/ \
M (蒸汽 ‘пар’) + A (发生器 ‘генератор’)
/ \ / \
$M_{0.1}$ (蒸 ‘водяной’) + $A_{0.1}$ (汽 ‘пар’) $M_{0.2}$ (发生 ‘возникать’) + $A_{0.2}$ (器 ‘прибор’)
/ \
$A_{0.0.2}$ (发 ‘испускать’) + $M_{0.0.2}$ (生 ‘рождаться’)

2) Комбинация тернарного модификатора и бинарного актуализатора:
M ($M_{0.1}$ ($M_{0.0.1}$ + $A_{0.0.1}$) + $A_{0.1}$) + A ($M_{0.2}$ + $A_{0.2}$):

M + A
/ \ / \
$M_{0.1}$ + $A_{0.1}$ $M_{0.2}$ + $A_{0.2}$
/ \
$M_{0.0.1}$ + $A_{0.0.1}$

同步器手轮 tóngbù qì shǒu lún ‘маховичок синхронизатора’ = ‘синхронизатор’ ((‘одинаковый’ + ‘шаг’) + ‘аппарат’) + ‘маховичок’ (‘рука’ + ‘колесо’)):

同步器手轮 ‘маховичок синхронизатора’
/ \
M (同步器 ‘синхронизатор’) + A (手轮 ‘маховичок’)
/ \ / \
$M_{0.1}$ (同步 ‘синхронный’) + $A_{0.1}$ (器 ‘аппарат’) $M_{0.2}$ (手 ‘ручной’) + $A_{0.2}$ (轮 ‘колесо’)
/ \
$M_{0.0.1}$ (同 ‘одинаковый’) + $A_{0.0.1}$ (步 ‘шаг’)

В результате анализа 600 электроэнергетических терминов мы выявили наиболее продуктивные модели терминообразования в китайском языке:

1) из трех знаков — 19,7 %;
2) из пяти знаков — 19,5 %;
3) из четырех знаков — 17,7 %;
4) из двух знаков — 14,8 %;
5) из одного знака — 1,67 %.

Как мы видим, усложнение структуры термина в китайском языке происходит посредством постепенного дополнения актуализатора модификаторами за счет левостороннего наращивания модификаторов: 负荷 fùhè ‘нагрузка’ → 热负荷 rè fùhè ‘тепловая нагрузка’ → 炉膛容积热负荷 lútáng róngjī rè fùhè ‘тепловая нагрузка топочного объема’.

Нами разработан алгоритм отнесения конкретного термина к определенному типу номинативной единицы: если модификатор представлен формулой A + M и обозначает отношения «акция + объект», термин относится к предикативному типу номинативной единицы (磨煤机 mòméijī ‘мельница’ = M (A_0 ‘молоть’ + M_0 ‘уголь’) + A (‘машина’), букв. ‘машина для размола угля’). Во всех остальных случаях термин является номинативной единицей номинативного типа.

Заключение

При составлении парадигмы китайских электроэнергетических терминов мы предлагаем рассматривать термин как номинативную единицу, состоящую из двух компонентов: модификатора (определяющего компонента) и актуализатора (определяемого компонента), причем актуализатор и модификатор выделяются на уровне семантической структуры как отдельного иероглифа, так и лексемы из n-арного количества иероглифов, а также сочетания лексем. Процесс наращивания семантики осуществляется от простого к сложному, что достигается посредством постепенного дополнения актуализатора модификаторами, а унарные и бинарные номинативные единицы составляют основу для построения более сложных терминологических единиц.

Список источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М. : Сов. энцикл., 1966. — 608 с.
2. Голованова Е. И. Семантическое терминообразование и модели образной номинации в уральской горнозаводской терминологии XVIII–XIX веков // Научный диалог. — 2016. — № 5 (53). — С. 22–33.
3. Гордей А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. — Минск : Белгосуниверситет, 1998. — 156 с.
4. Карасёва К. В. Принципы декодирования китайских логограмм и реконструкция их семантики. — Минск : РИВШ, 2014. — 202 с.
5. Киселева Н. И. Основные подходы к рассмотрению научного понятия и характеристике термина // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2014. — № 2 (58). — С. 306–312.
6. Косовский Б. И. Общее языкознание. Учение о слове и словарном составе языка. — Минск : Вышэйш. школа, 1974. — 272 с.
7. Красник В. В. Термины и определения в электроэнергетике. — М. : Энергосервис, 2002. — 105 с.
8. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. — 3-е изд. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. — 256 с.
9. Сунь Кэвэнь. Типология словообразования китайского и русского языков. — Минск : РИВШ, 2009. — 112 с.
10. Суперанская А. В. Теория и методика ономастических исследований. — М. : Прогресс, 1989. — 440 с.

11. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. — М. : ЛИБРОКОМ, 2012. — 248 с.

12. Фань Чжии. Русско-китайский словарь электроэнергетических терминов : [свыше 700 слов и 2 400 словосочетаний] / [редкол. : А. Н. Гордей [и др.]]. — Минск : РИВШ, 2019. — 109 с.

13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — 2-е изд. — М. : Прогресс, 1986–1987. — Т. 2. — 1986. — 671 с.

References

1. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1966, 608 p. (In Russian).

2. Golovanova Ye. I. Semantic term formation and models of figurative nomination in the Ural mining terminology of the 18th–19th centuries. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue]. 2016, no. 5 (53), pp. 22–33. (In Russian).

3. Hardzei A. *Printsipy ischisleniya semantiki predmetnykh oblastei* [The Principles of Evaluating the Semantics of Subject Domains]. Minsk, Belarusian State University Publ., 1998, 156 p. (In Russian).

4. Karaseva K. V. *Printsipy dekodirovaniya kitayskikh logogramm i rekonstruktsiya ikh semantiki* [Principles of decoding Chinese logograms and reconstruction of their semantics]. Minsk, Republican Institute of High School Publ., 2014, 202 p. (In Russian).

5. Kiseleva N. I. Basic approaches to the consideration of scientific concepts and characteristics of the term. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Oryol State University]. Oryol, Oryol State University Publ., 2014, no. 2 (58), pp. 306–312. (In Russian).

6. Kosovskiy B. I. *Obshcheye yazykoznaniye. Ucheniye o slove i slovarnom sostave yazyka* [General linguistics. The doctrine of the word and the vocabulary composition of the language]. Minsk, High School Publ., 1974, 272 p. (In Russian).

7. Krasnik V. V. *Terminy i opredeleniya v elektroenergetike* [Terms and definitions in the electric power industry]. Moscow, Energoservice Publ., 2002, 105 p. (In Russian).

8. Leichik V. M. *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. Ed. 3rd. Moscow, LKI Publ., 2007, 256 p. (In Russian).

9. Sun Kewen. *Tipologiya slovoobrazovaniya kitayskogo i russkogo yazykov* [Typology of word formation in the Chinese and Russian languages]. Minsk, Republican Institute of High School Publ., 2009, 112 p. (In Russian).

10. Superanskaya A. V. *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy* [Theory and methodology of onomastic research]. Moscow, Progress Publ., 1989, 440 p.

11. Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'yeva N. V. *Obshchaya terminologiya* [General terminology]. Moscow, LIBROCOM Publ., 2012, 248 p. (In Russian).

12. Fan Zhiyi. *Russko-kitayskiy slovar' elektroenergeticheskikh terminov: [svyshe 700 slov i 2400 slovosochetaniy]* [Russian-Chinese dictionary of electrical power terms: [over 700 words and 2400 phrases]]. Minsk, Minsk State Linguistic University Publ., 2019, 109 p. (In Russian and Chinese).

13. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]: in 4 vols. Moscow, Progress Publ., 1986, vol. 2, 671 p. (In Russian).

Информация об авторе

Фань Чжии — аспирант кафедры теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета.

Information about the author

Fan Zhiyi — postgraduate student of the Department of Theory and Practice of the Chinese Language, Minsk State Linguistic University.

Статья поступила в редакцию 20.10.2023;
одобрена после рецензирования 27.10.2023;
принята к публикации 03.11.2023.

Submitted 20.10.2023;
approved after reviewing 27.10.2023;
accepted for publication 03.11.2023.

РАЗДЕЛ IV

ИССЛЕДОВАНИЕ МАССМЕДИЙНЫХ СТРАТЕГИЙ

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 49–55.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;4(67):49–55.

Научная статья
УДК 811.133.1 (81`373.23)
DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.007

Функции прозвища и его соотнесенность с внеязыковой действительностью (на материале французского языка)

Наталья Владимировна Боровикова
Северный государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Архангельск, Россия
borna@inbox.ru

Аннотация. Целью статьи является изучение проблемы функционирования прозвища с позиций его референциальной соотнесенности. Функции имен собственных, в том числе прозвища, исследуются давно, но они, как правило, описаны для всей совокупности указанных единиц без уточнения нюансов реализации. В статье впервые делается попытка увидеть и проанализировать нюансы реализации функций прозвищ на примере именований французских королей и известных политиков с учетом составных элементов прозвища и его соотнесенности с внеязыковой действительностью. Основное внимание уделяется таким функциям, как идентифицирующая, информативная, выделительно-обобщающая, экспрессивная и функция характеристики называющего. Предложено также учитывать функцию характеристики ситуации использования прозвища. Изучение функций прозвища с позиций его референциальной соотнесенности позволяет не только осознать причину выделения особых функциональных возможностей прозвища, но и увидеть, какова интенсивность проявления функций, а также их взаимовлияние и взаимозависимость. Анализ указанных функций у разных структурных типов прозвищ показал, что наличие дополнительных связей при установлении референтных отношений может создавать предпосылки для возможной реализации той или иной функции, усиливать или уменьшать интенсивность такой реализации, обусловливать выдвижение на первый план определенных характеристик, предполагаемых какой-либо функцией.

Ключевые слова: имя собственное, прозвище, прозвищное наименование, французский язык, функции имени собственного, функции прозвища, референция, семантика прозвища, значение слова.

Для цитирования: Боровикова Н. В. Функции прозвища и его соотнесенность с внеязыковой действительностью (на материале французского языка) // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 49–55. DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.007.

Original article

Functions of the nickname and its relation to the extralinguistic reality (based on the material of the French language)

Natalia V. Borovikova
Northern State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Arkhangelsk, Russia
borna@inbox.ru

Abstract. The aim of the article is to study the problem of the functioning of a nickname from the point of view of its referential relatedness. The functions of proper names, including nicknames, have been studied for a long time, but they are usually described without specifying the nuances of realisation. The article is the first attempt to see and analyse the nuances of realisation of some functions of nicknames on the example of nicknames of French kings and famous politicians, taking into account the constituent elements of the nickname and its correlation with extra-linguistic reality. The main attention is paid to such functions as identifying, informative, singling out and generalising, expressive and the function of characterisation of the caller. It is also

© Боровикова Н. В., 2023

suggested to take into account the function of characterisation of the situation of nickname use. It is shown that the study of the functions of a nickname from the standpoint of its refential correlation allows not only to realise the reason for singling out special functional possibilities of a nickname, but also to see what is the intensity of manifestation of the functions, as well as their mutual influence and interdependence. The analysis of these functions in different structural types of nicknames has made it possible to see that the presence of additional links in establishing referential relations can create prerequisites for the possible realisation of one or another function, increase or decrease the intensity of such realisation, and cause the foregrounding of certain characteristics assumed by a function.

Keywords: proper name, nickname, nickname naming, French language, functions of a proper name, functions of a nickname, reference, semantics of a nickname, word meaning.

For citation: Borovikova N. V. Functions of the nickname and its relation to the extralinguistic reality (based on the material of the French language). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 4(67):49–55. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.007.

Введение

Прозвище представляет особый интерес с позиций исследования его соотнесенности с неким объектом действительности, референции. С одной стороны, прозвища создаются, чтобы обозначать неким особым способом конкретных людей. При этом учитываются многие факторы, важнейшим из которых считается характеристика самого называемого. Такая характеристика, как правило, обусловлена выделением некоторого качества, рассматриваемого называющим/называющими как доминирующее, эмоционально значимое, соответствующее ситуации, коммуникативной сфере использования и т. п. С другой стороны, процесс создания прозвища отражает мыслительные процессы называющего. В связи со сказанным необходимо понять, каким образом различные факторы влияют на процесс функционирования прозвища и какую роль в данном процессе играет референциальная соотнесенность рассматриваемого класса слов.

В статье сделана попытка оценить функции прозвища как одного из видов имен собственных с позиций его соотнесенности с внеязыковой действительностью. Для этого необходимо уточнить, какие функции выделяются для имени собственного в общем и для прозвища в частности. Также важно определить, какие из функций представляют наибольший интерес для изучения с позиций референтных отношений, и понять, каким образом указанные отношения влияют на функции прозвища.

Основная часть

Функции имени собственного и прозвища

Следует отметить, что вопрос о функциях имени собственного в лингвистике возник сравнительно давно, и в теоретических трудах по проблемам ономастики он рассмотрен достаточно подробно (см., напр.: [Суперанская, 1973 ; Подольская, 1988 ; Супрун, 2000 ; Шмелева, 2013 ; Мадиева, Супрун, 2015 ; Першина, 2018]). Функции прозвища также неоднократно анализировались в научных исследованиях (см., напр.: [Суперанская, 1973 ; Голомидова, 1998 ; Шмелева, 2013 ; Маликова, Клименченко, 2014 ; Першина, 2018 ; Yermeche, 2002 ; Chopin, 2005]). Несмотря на достаточную изученность вопроса, в трудах редко уделяется внимание нюансам реализации функций для разных типов прозвищ. В данной статье впервые делается попытка увидеть и проанализировать такого рода нюансы на примере именований французских королей и известных политиков. Всего проанализировано около ста пятидесяти прозвищ, собранных методом сплошной выборки из источников по истории Франции, медийных текстов в сети Интернет и научных статей по теме исследования. Анализ проводился с учетом результатов, ранее полученных нами при изучении референциальной соотнесенности и структурных особенностей указанных прозвищ [Боровикова, 2023].

Функция любого имени собственного, в том числе и прозвища, предполагает выполнение им некой роли или определенного назначения [Подольская, 1988, с. 145]. Анализ работ по ономастике показал, что назначение прозвища реализуется в двух типах функций: общих с именами собственными и частных, специфических для изучаемого класса слов.

Основными общими функциями всех имен собственных, признаваемыми большинством авторов, считаются следующие: номинативная, идентифицирующая, различительная (индивидуализирующая, дифференцирующая) и социальная (социоориентирующая) [Суперанская, 1973, с. 269–278 ; Подольская, 1988, с. 145 ; Голомидова, 1998, с. 17, 36–37, 73, 81 ; Супрун, 2000, с. 23, 63 ; Шмелева, 2013, с. 48 ; Мадиева, Супрун, 2015, с. 123–124 ; Першина, 2018, с. 9 ; Yermeche, 2002, p. 97 ; Chopin, 2005, pp. 51–52].

Дополнительно выделяют коммуникативную, экспрессивную, апеллирующую (призывную, вокативную) [Голомидова, 1998, с. 78–79 ; Супрун, 2000, с. 63], познавательную, аккумулирующую [Подольская, 1988, с. 145], фатическую (контактоустанавливающую) [Голомидова, 1998, с. 129–130], стилистическую [Мадиева, Супрун, 2015, с. 123–124] и другие функции. Специфическими для прозвища признаны информативная (описательная, сигнификативная, характеризующая) [Суперанская 1973, с. 272–273, 276 ; Подольская, 1988, с. 145 ; Chopin, 2005, pp. 51–52], замещающая [Голомидова, 1998, с. 78–79], выделительно-обобщающая [Маликова, Клименченко, 2014] или уточняющая функции, а также функция характеристики называющего [Yermeche, 2002, p. 98].

Большинство перечисленных функций реализуются равно всеми прозвищами, но некоторые требуют особого изучения, поскольку зависят от характера референтных связей, обусловленных неоднородностью прозвищ по составу, структуре, общей семантике и эмоционально-оценочному компоненту [Боровикова, 2023]. Такими могут быть признаны идентифицирующая, информативная, выделительно-обобщающая, экспрессивная функции и функции характеристики называющего и ситуации использования.

Идентификация понимается как установление соответствия между объектом и именем [Подольская, 1988, с. 60].

Информативная функция предполагает наличие в имени слова, на языковой информации которого базируется основной признак, заложенный в основу называния [Суперанская, 1973, с. 270]. Именно эта информация обеспечивает создание дополнительных связей в процессе установления референтного отношения между прозвищем и называемым.

К информативной очень близка выделительно-обобщающая функция прозвища, поскольку оно в большинстве случаев указывает на какую-либо черту характера, привычку, особенности внешности, национальности, принадлежности к определенному сословию, роду деятельности и пр. [Маликова, Клименченко, 2014].

Экспрессивная функция реализуется, когда называемому дается отрицательная или положительная оценка [Голомидова, 1998, с. 36–37]. При этом прозвище выступает в качестве выразительного средства [Суперанская, 1973, с. 276], позволяющего, кроме всего прочего, преодолеть невыразительность, стертость имеющегося наименования, часто с образованием новых неожиданных сочетаний элементов слов [Голомидова, 1998, с. 36–37]. Таким образом, экспрессивная функция выражается в двух планах: семантическом и словообразовательном.

Функция характеристики называющего отражает факт того, что при создании прозвища для кого-либо в сознании называющего совершаются операции, которые свидетельствуют о его наблюдательности, чувстве юмора, креативности, способе восприятия окружающей действительности, а также об отношении к называемому, менталитете самого называющего и эпохи [Голомидова, 1998, с. 21 ; Yermeche, 2002, p. 98].

Также следует учесть, что прозвище употребляется в особых условиях, в определенной ситуации/контексте, поэтому ему свойственна функция характеристики ситуации номинации или использования имени. Ее можно было бы назвать контексто-характеризующей или ситуативной. Под ситуацией номинации подразумевается внелингвистическая ситуация, то есть обстоятельства, сопутствующие и побуждающие к наречению объекта данным именем [Подольская, 1988, с. 116]. Как правило, прозвище используется в неофициальном общении, поэтому реализует рассматриваемую функцию в различных ситуациях, относящихся к данному виду коммуникации. Таким образом, способность прозвища характеризовать находит выражение в трех аспектах: характеристика денотата имени (называемого), характеристика дающего прозвище (называющего), характеристика общей ситуации (контекста), в которой прозвище создается и употребляется, регистра коммуникации.

Далее рассмотрим особенности реализации указанных функций на примере прозвищ французских королей и известных политиков.

Влияние референтных отношений на функционирование прозвища

Нами были выделены четыре структурных типа прозвищ французских королей и известных политиков [Боровикова, 2023, с. 8–10]:

1. Имя называемого без изменений + имя нарицательное (прилагательное) / субстантивированное прилагательное (причастие) / любые единицы, выполняющие их функции: Charles le Chauve (Карл Лысый) — прозвище Карла II за его бритую налысо голову (до того, как он стал королем, он был аббатом и традиционно брил голову); Clovis le Fainéant (Хлодвиг Ленивый) — прозвище Хлодвига II за его нежелание как следует управлять государством и тенденцию делегировать обязанности управляющему

дворца; Louis d'Outremer (Людовик Заморский) — прозвище Людовика IV, данное ему по причине рождения на территории Англии; Saint-Louis (Святой Людовик) — прозвище Людовика IX за его глубокую религиозность и участие в крестовых походах [La genéalogie des rois de France].

2. Имя называемого изменено (задействовано в игре слов, служит элементом для образования новых номинативных единиц в сочетании с другими элементами): Chichi («Шиманник», от Chirac + chichi 'жеманство') — прозвище Жака Ширака, данное больше по созвучию с фамилией, но не отражающее характеристик его реальной политической деятельности; Tsarkozy (от tsar + Sarkozy) — прозвище Николя Саркози за его царственную манеру вести себя на посту главы государства [Маликова, Клименченко, 2014]; Séguignol (от Ségolène + guignol 'кукла-марионетка', с которой выступали на ярмарках, похожая на русского Петрушку) — прозвище Сеголен Руайяль, полученное во время предвыборной кампании 2007 года, возможно, за тенденцию к поучениям и демагогии, что отражено и в других прозвищах политика [Завьялова, 2018, с. 50].

3. Без имени называемого, использованы лексические единицы, обозначающие какой-либо признак/признаки называемого: le Roi de Fer (Железный Король) — прозвище Филиппа IV за его холодность и жесткость; le Père du Peuple (Отец народа) — прозвище Людовика XII, полученное им за великодушие и сердечность, а также за популярные среди населения реформы [La genéalogie des rois de France]; taré du troisième étage (псих с третьего этажа) — прозвище Эммануэля Макрона, данное ему коллегой Мишелем Сапеном и отражающее напряженные отношения между ними, а также локацию кабинета Э. Макрона в Берси, министерстве экономики и финансов Франции [Завьялова, 2018, с. 50].

4. Без имени называемого, использованы иные имена собственные: Rolex — прозвище Николя Саркози за любовь к дорогим аксессуарам [Маликова, Клименченко, 2014]; l'Amélie Poulain de la politique française (Амели Пулен французской политики) — прозвище Сеголен Руайяль за ее чудачества; Bébé Hollande (малыш Олланд) — прозвище Эммануэля Макрона за поддержку, которую ему оказывал Франсуа Олланд [Завьялова, 2018, с. 51].

Следует отметить, что прозвища первого типа характерны для большинства именований королей (42 из 52). Можно увидеть в этом некую стандартизацию, свойственную исторической традиции оформления такого рода номинаций. В нашей выборке прозвищ политиков первый тип представлен только пятью единицами, но с трансформированными именами, поэтому мы их не рассматриваем как типовые. Мы не нашли единиц второго и четвертого типов среди альтернативных номинаций королей. Единицы этих типов представлены в медийных источниках и использованы для обозначения политиков, поскольку они обладают высокой экспрессивно-эмоциональной окраской и соответствуют целевым установкам медийных текстов. Более трети прозвищ политиков и десять прозвищ королей оформлены по третьему структурному типу, что показывает довольно высокую востребованность такого рода номинаций.

В прозвищах первого типа (Charles le Chauve, Clovis le Fainéant, Louis d'Outremer, Saint-Louis) устанавливается двунаправленная референция, обеспечиваемая указанием на называемого (например, определенного короля) и какую-либо его характеристику (лысый, ленивый, святой). Для подобных прозвищ интересно проанализировать идентифицирующую, информативную, выделительно-обобщающую и эмоциональную функции. Идентифицирующая функция реализуется у прозвищ королей в несколько ином плане, чем у прозвищ, используемых людьми в обычном общении. Эти прозвища могут быть даны уже не современниками, а потомками, через много лет после смерти короля. Здесь прозвище скорее позволяет выделить конкретного Хлодвига, Карла или Людовика в череде других французских королей с таким же именем. В подавляющем большинстве случаев прозвище делит роль идентификатора с порядковым обозначением римскими цифрами. При использовании прозвищ данного типа в реальной ситуации общения (например, в школьной коммуникации) прозвище будет выполнять идентифицирующую функцию в привычном понимании. Информативная и выделительно-обобщающая функции реализуются у таких прозвищ в полной мере. В каждом прозвище выделен один конкретный признак, обозначенный конкретным словом. При восприятии таких единиц не возникает двусмысленности, дополнительных ассоциаций или недопонимания благодаря сигнификату дополнительного компонента (Chauve, Fainéant, d'Outremer, Saint), который встраивает единицу в систему языковой информации, общей для всех носителей. Экспрессивная функция обусловлена коннотативным значением дополнительного компонента (положительным Saint или отрицательным Fainéant). Она отражает отношение называющего к называемому, поэтому реализуется параллельно с функцией характеристики называющего. Прозвища королей могут утрачивать эмоциональную окраску. Вследствие этого они получают возможность функционировать не только в ситуациях неофициального общения.

Второй тип изучаемых единиц (Chichi, Tsarkozy, Séguignol) с точки зрения анализа референтных отношений напоминает предыдущий, поскольку в составе можно также выделить два компонента, один

из которых соответствует имени называемого, а второй — слову, отражающему какую-либо его характеристику. Следовательно, идентифицирующая, информативная и выделительно-обобщающая функции будут реализовываться примерно так же. Однако экспрессивная функция и функции характеристики называющего и ситуации использования у таких прозвищ будут выражены гораздо ярче. Во-первых, для их создания требуется не только умение выделить какой-либо значимый признак называемого и подобрать нужное слово, чтобы его обозначить, нужно также соотнести материальные стороны знаков, придумать, как их соединить. Необычный и неожиданный внешний вид таких прозвищ, удачное наложение материального облика знаков повышает их экспрессивность, в большей степени способствует эмоциональному самовыражению называющего, свидетельствует о его находчивости, остроте ума, творческом подходе, умении подобрать точный знак для желаемого образа и т. п. Во-вторых, высокая экспрессивность обусловливает их использование в неофициальном общении и в медийном пространстве, на уровнях, находящихся гораздо выше простых бытовых ситуаций.

В прозвищах третьего (le Roi de Fer, le Père du Peuple, taré du troisième étage) и четвертого типа (Rolex, l'Amélie Poulain de la politique française, Bébé Hollande) имя называемого не задействовано при создании прозвища, следовательно, прямая референтная связь с личностью называемого утрачивается. Это значительно усложняет реализацию идентифицирующей функции, так как без специального знания нет возможности понять, о ком конкретно идет речь.

Реализация информативной и выделительно-обобщающей функций прозвищ третьего типа часто предполагает отсылку к нескольким характеристикам, закрепленным в сигнификатах составных компонентов (например, в прозвище le Roi de Fer — Железный Король). Такие единицы могут не иметь яркой экспрессивно-эмоциональной окраски, поэтому их использование ожидаемо как при неформальном общении, так и в коммуникации на более высоких уровнях. С позиции характеристики называющего прозвища данного типа совпадают по интенсивности реализации функции с единицами первого типа.

Прозвищные номинации четвертого типа по информационной насыщенности являются самыми интенсивными среди рассматриваемых, так как при установлении референтных связей делается отсылка не к отдельному признаку, а к целому образу, с которым осуществляется сравнение при выборе единицы для номинации. Реализация выделительно-обобщающей функции при этом несколько затруднена, поскольку у называющего и у других людей не совпадает восприятие выбранного образа: каждый выделяет свой набор признаков. Понимание и правильная соотнесенность обеспечиваются только ключевыми характеристиками. Яркость выбранного образа обусловливает высокий потенциал таких номинаций для выполнения экспрессивной функции. Следовательно, они широко востребованы в ситуациях неформального общения и в тех случаях, когда необходимо привлечь внимание к информационному сообщению. Сказанное подтверждается тем фактом, что языковой материал, который исследуется учеными, подбирается в основном в школьной коммуникации, из различных средств массовой информации и т. п.

Выводы

Наше предположение о том, что референция влияет на функционирование прозвища, подтвердилось. Анализ прозвищ различных типов показал, что наличие имени в прозвище, то есть наличие прямого соотношения с называемым, облегчает идентификацию, а значит, способствует лучшей реализации соответствующей функции. Отсутствие имени, напротив, усложняет этот процесс. Количество дополнительной информации, встраиваемой в первоначальные референтные отношения, может оказывать влияние на выделительно-обобщающую функцию прозвища. Необычный внешний вид прозвища или яркий образ, созданные называющим, повышают экспрессивно-эмоциональную окраску и обусловливают их востребованность в ситуациях неформального общения или в медийной сфере. Проведенный анализ также показал, что перечисленные функции не реализуются отдельно. Они взаимообусловлены и взаимозависимы: изменения функционирования прозвища в одном аспекте вызывает подвижки в процессе выполнения другой функции.

Список источников

1. Боровикова Н. В. Референция прозвища (на материале прозвищ французских королей и политиков) // Иностранные языки в высшей школе. — 2023. — № 2 (65). — С. 5–12. — URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54296977_81100442.pdf (дата обращения: 22.10.2023).

2. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. — Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 1998. — 232 с. — URL : http://hdl.handle.net/10995/33021 (дата обращения: 22.10.2023).

3. Завьялова Г. Н. Прозвищные наименования французских политиков (на материале французских электронных СМИ) // Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. И. В. Скуратов. — М. : Московский гос. обл. ун-т, 2018. — С. 48–51. — URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36485101_38667123.pdf (дата обращения: 14.05.2023).

4. Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Теория и практика ономастики. — Алматы : Қазақ университеті ; Волгоград : Перемена, 2015. — 199 с.

5. Маликова А. В., Клименченко К. С. Вторичные антропонимы французских президентов // Архив электронных ресурсов СФУ. — 2014. — URL : https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/17301/s34_006.pdf?sequence=1 (дата обращения: 14.05.2023).

6. Першина К. В. Основы ономастики. — Донецк : Донецкий нац. ун-т, 2018. — Ч. I. — 68 с.

7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М. : Наука, 1988. — 192 с.

8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М. : Наука, 1973. — 366 с.

9. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : дис. … д-ра филол. наук в форме науч. докл. : 10.02.01. — Волгоград, 2000. — 76 с.

10. Шмелева Т. В. Ономастика. — Славянск-на-Кубани : Издат. центр фил. ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. — 161 с.

11. Chopin M.-P. La couleur des masques. Étude des fonctions du surnom dans une population de lycéens: reconnaissance et coexistence // Les Sciences de l'éducation. Pour l'Ère nouvelle. — 2005. — Vol. 38. — Pp. 47–67. — URL : https://www.cairn.info/revue-les-sciences-de-l-education-pour-l-ere-nouvelle-2005-2-page-47.htm (дата обращения: 14.05.2023).

12. La genéalogie des rois de France // Histoire de France. — URL : https://www.histoire-france.net/genealogie (дата обращения: 14.05.2023).

13. Yermeche Ou. Le sobriquet algérien: une pratique langagière et sociale // Insaniyat. — 2002. — № 17–18, Mai-Décembre. — Pp. 97–110. — URL : https://www.insaniyat.crasc.dz/pdfs/n_17-18_yermeche.pdf (дата обращения: 14.05.2023).

References

1. Borovikova N. V. The reference of a nickname (based on the material of nicknames of French kings and politicians). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023, vol. 2 (65), pp. 5–12. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54296977_81100442.pdf (accessed 22.10.2023). (In Russian).

2. Golomidova M. V. *Iskusstvennaya nominaciya v russkoj onomastike* [Artificial nomination in Russian onomastics]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 1998, 232 p. (In Russian).

3. Zav'ialova G. N. The French language of the French politicians' nicknames (on French electronic media). *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Evoliutsiia romanskikh iazykov: ot iazyka narodnosti k iazyku natsii"* [Papers of the International scholarly conference "Evolution of Romance languages: from the language of the nation to the language of the nation"]. Skuratov I. V. (ed.). Moscow, Moscow State University of the Region Publ., 2018, pp. 48–51. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36485101_38667123.pdf (accessed 14.05.2023). (In Russian).

4. Madieva G. B., Suprun V. I. *Teoriya i praktika onomastiki* [Theory and practice of onomastics]. Almaty, Kazakhskiy universitet Publ., Volgograd, Peremena Publ., 2015, 199 p. (In Russian).

5. Malikova A. V., Klimenchenko K. S. Secondary anthroponyms of French presidents. *Arkhiv elektronnykh resursov SFU* [SFU Electronic Resources Archive]. 2014. Available at: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/17301/s34_006.pdf?sequence=1 (accessed 14.05.2023). (In Russian).

6. Pershina K. V. *Osnovy onomastiki* [Foundations of onomastics]. Doneck, Donetsk National University, 2018, vol. I, 68 p. (In Russian).

7. Podol'skaia N. V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 192 p. (In Russian).

8. Superanskaia A. V. *Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 366 p. (In Russian).

9. Suprun V. I. *Onomasticheskoe pole russkogo iazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial* [The onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential]. Volgograd, 2000, 76 p. (In Russian).

10. Shmeleva T. V. *Onomastika* [Onomastics]. Slavyansk-na-Kubani, Publ. Centre of the branch of the Kuban State University in Slavyansk-na-Kuban, 2013, 161 p. (In Russian).

11. Chopin M.-P. La couleur des masques. Étude des fonctions du surnom dans une population de lycéens: reconnaissance et coexistence. *Les Sciences de l'éducation. Pour l'Ère nouvelle.* 2005, vol. 38, pp. 47–67. Available at: https://www.cairn.info/revue-les-sciences-de-l-education-pour-l-ere-nouvelle-2005-2-page-47.htm (accessed 14.05.2023). (In French).

12. La genéalogie des rois de France. *Histoire de France*. Available at: https://www.histoire-france.net/genealogie (accessed 14.05.2023). (In French).

13. Yermeche Ou. Le sobriquet algérien: une pratique langagière et sociale. *Insaniyat.* 2002, vol. 17–18, Mai-Décembre, pp. 97–110. Available at: https://www.insaniyat.crasc.dz/pdfs/n_17-18_yermeche.pdf (accessed 14.05.2023). (In French).

Информация об авторе

Боровикова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и русского языка как иностранного Северного государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Information about the author

Borovikova, Natalia — candidate of philology, senior lecturer at the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language, Northern State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 28.10.2023;
одобрена после рецензирования 03.11.2023;
принята к публикации 08.11.2023.

Submitted 28.10.2023;
approved after reviewing 03.11.2023;
accepted for publication 08.11.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 55–63.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;4(67):55–63.

Научная статья
УДК 811.1/8
DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.008

Стратегия дискредитации в массмедиа: на материале англоязычных и русскоязычных статей

Ирина Юрьевна Борюшова
Донецкий государственный университет, Донецк, Россия
i.boryushova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются манипулятивные тактики дискредитирующего характера на основе публикаций на политическую тематику в русскоязычной и англоязычной прессе, определяются сходства и различия в механизмах воздействия на адресата на коммуникативном уровне. Новизна исследования заключается в переработке и попытке усовершенствования существующей классификации тактик дискредитирующего характера, а также в выявлении причин, объясняющих существенные различия в частотности использования той или иной тактики в обоих языках. В научный оборот вводится новый эмпирический материал, отобранный автором путем сплошной выборки из англоязычных и русскоязычных статей за последние два года. В результате исследования было выделено три тактики дискредитации, в равной степени использующиеся в обоих языках, среди которых тактика обличения количественно преобладает над тактиками прямого и косвенного негативного оценивания. Главные различия в материале на английском и русском языках обнаруживаются при анализе способов актуализации тактик дискредитирующего характера, которые в рамках данного исследования называются субтактиками. Если в английском языке превалируют указания на просчеты и ошибки, негативная характеристика, негативное прогнозирование, нерелевантные сравнения и пейоративные намеки, то в русском языке — демонстрация скрытых мотивов, похвала одних на фоне порицания других, обвинение и негативная характеристика. Выбор тактик в англоязычном пространстве обусловлен культурными явлениями, которые значимы в западном сообществе в настоящий период времени, — феноменом неудачника, культурой отмены; отсутствие подобных реалий в русскоязычном пространстве влечет за собой поиск альтернативных способов дискредитации, основанных на принципах, более эффективных для данной аудитории.

© Борюшова И. Ю., 2023

Ключевые слова: речевое манипулирование, политический дискурс, тактика прямого негативного оценивания, тактика косвенного негативного оценивания, тактика обличения.

Для цитирования: Борюшова И. Ю. Стратегия дискредитации в массмедиа: на материале англоязычных и русскоязычных статей // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 55–63. DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.008.

Original article

Discrediting strategy in the mass media: based on articles in English and Russian

Irina Yu. Boryushova
Donetsk State University, Donetsk, Russia
i.boryushova@mail.ru

Abstract. The article examines manipulative discrediting tactics based on publications on political topics in the Russian- and English-language press, identifies common and distinctive features in the mechanisms of persuasion on the addressee at the communicative level. The novelty of the study consists in the revision and attempt to improve the existing classification of tactics of a discrediting nature, as well as in the assumption of reasons explaining the significant differences in the frequency of the use of a particular tactic in both languages. A new empirical material selected by the author from English- and Russian-language articles over the past two years by a continuous sampling method is introduced into scholarly discourse. As a result of the study, three discrediting tactics were identified, equally used in both languages, among which the tactics of denunciation quantitatively prevails over the tactics of direct and indirect negative evaluation. The main differences in the material in English and Russian are revealed when analyzing the ways of realization of the tactics of a discrediting nature, which are called subtactics in the framework of this study. If there are indications of miscalculations and mistakes, negative characterization, negative forecasting, irrelevant comparisons and pejorative hints in English, then there is a demonstration of ulterior motives, praise of some against the background of censure of others, accusation and negative characterization in Russian. The choice of tactics in the English-speaking space is conditioned by cultural phenomena that are significant in the Western community at the present time — the phenomenon of losers and cancel culture; the absence of such concepts in the Russian-speaking space entails the search for alternative ways of discrediting based on principles that are more effective for this audience.

Keywords: language manipulation, political discourse, tactics of direct negative evaluation, tactics of indirect negative evaluation, tactics of denunciation.

For citation: Boryushova I. Yu. Discrediting strategy in the mass media: based on articles in English and Russian. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 4(67):55–63. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.008.

Введение

В условиях информационного противоборства, целью которого является овладение сознанием масс, нередко придерживаются принципа «классика» пропаганды Йозефа Геббельса о том, что любые средства хороши для того, чтобы «затмить умы и сердца» людей.

Так, на информационном поле имидж оппонента часто подвергается деструкции и диффамации при помощи различных речевых действий. Комплекс этих действий, направленных на создание отрицательного отношения к определенному объекту, называется стратегией дискредитации, которая и является объектом данного исследования.

Предметом исследования являются дискредитирующие тактики и механизмы их реализации, а также экстралингвистические факторы, влияющие на популярность определенных тактик в англоязычных и русскоязычных статьях о политических событиях.

Актуальность данной работы обусловлена повышенным вниманием ученых к стратегиям и тактикам дискредитирующего характера в связи с расширением каналов информации и попытками инициаторов массовых коммуникаций укрепить свои позиции в ожесточенной информационной борьбе. Языковое манипулирование, в том числе и стратегия дискредитации, с разных сторон активно исследуется отечественными и зарубежными учеными: существуют как монографические исследования, где способы манипулирования рассматриваются комплексно на различных языковых уровнях [Данилова, 2011 ; Krisagbedo, 2021, и др.], так и работы, освещающие манипулятивный потенциал отдельных средств [Чудинов, 2001 ; Голодов, 2019, и др.]. Анализируется когнитивный аспект манипулятивного воздействия [Кара-Мурза, 2000 ; Keyes 2002 ; Saussure, 2005, и др.], изучается манипуляция

на коммуникативном уровне [Руженцева, 2004 ; Иссерс, 2008 ; Михалева, 2009 ; Samoilenko, 2016 ; Булахова, 2019 ; van Dijk, 1993, и др.], однако ввиду многоплановости и сложноструктурности данного явления существует множество аспектов, которые по-прежнему остаются спорными и неоднозначными, среди них — отсутствие общепринятой системы стратегий и тактик, а также недостаточность исследования факторов, влияющих на преференции тех или иных стратегий и тактик в различных лингвокультурах. Несмотря на то, что речевое манипулирование и стратегия дискредитации интенсивно освещаются в научных работах последнего времени [Кушнерук, 2019 ; Бодулева, 2022 ; Никифорова, 2022 ; Степанова, 2023, и др.], большая их часть основывается на исследовании упомянутых феноменов на материале какого-то одного языка, тогда как сопоставительные исследования данного явления проводятся достаточно редко.

Целью настоящего исследования является изучение тактик дискредитации с точки зрения сходств и различий в механизмах их реализации в англоязычных и русскоязычных газетных статьях на политическую тематику.

Материалом исследования послужило 267 контекстов (145 из англоязычных изданий *The Economist, The Guardian, The New York Times* и 122 из русскоязычных газет «Коммерсантъ», «Аргументы и факты», «Российская газета», «Эксперт», «Известия»).

Основная часть

Если стратегией является общая направленность речевого поведения, то тактика — это конкретный способ его актуализации, реализующийся при помощи набора языковых средств. Опираясь на классификации О. Л. Михалевой [Михалева, 2009] и Н. П. Булаховой [Булахова, 2019], мы предлагаем следующую дифференциацию тактик стратегии дискредитации: прямое негативное оценивание, косвенное негативное оценивание и обличение. При этом каждая из данных тактик имеет несколько направлений, или субтактик. Тактика прямого негативного оценивания может выражаться в виде оскорбления, негативного прогнозирования и негативной характеристики; тактика косвенного негативного оценивания — в виде нерелевантных сравнений или пейоративных намеков и похвалы одних на фоне порицания других; тактика обличения — в виде обвинения, демонстрации скрытых мотивов и указания на просчеты и ошибки.

Тактика обличения

Наиболее частотной тактикой в эмпирическом материале на обоих языках оказалась тактика обличения, направленная на разоблачение и раскрытие неблаговидных поступков дискредитируемого объекта. Данная тактика представлена 63 случаями в английском языке (43,5 %) и 65 случаями в русском (53,3 %).

В материале на английском языке указания на просчеты и ошибки оказались наиболее продуктивным направлением — 41 случай (28,3 %), тогда как в русском языке оно встречается реже — 13 случаев (10,4 %). Например: “*For all Russia’s talk of a ‘fortress economy,’* since 2014 the share of non-food consumption that is spent on imports *has fallen by only four percentage points, from 44 % to 40 %*” [The Economist, 2022]. — ‘Несмотря на все разговоры в России о “бастионной экономике”, с 2014 года доля потребления непродовольственных товаров, которая расходуется на импорт, сократилась всего на четыре процентных пункта, с 44 % до 40 %’. Так, в данном случае метафоризированный термин fortress economy «бастионная экономика» (букв. ‘крепостная экономика’; при переводе был использован метод метафорического аналога), характеризующий экономическую стратегию России во время санкций, звучит емко и свидетельствует о силе и защищенности даже в самых жестких условиях, однако присутствие иронии придает предложению противоположный смысл, указывая тем самым на недостатки этой стратегии.

В материале на русском языке встретился следующий пример: «Ранее против Трампа возбудили уголовное дело о незаконном хранении секретных документов (*президент Джо Байден был уличен в аналогичном нарушении, но возбуждения уголовного дела не последовало*) и незаконной выплате денег порнозвезде (*несмотря на административный характер нарушения*)» [Эксперт]. При помощи обособленных членов предложения подчеркиваются погрешности судебной системы США и делается намек на ее предвзятость.

Значительное превалирование случаев указаний на просчеты и ошибки в англоязычных статьях можно объяснить существованием «культуры отмены» в США и Европе, которая заключается

в привлечении к ответственности или даже акте мести в отношении отдельных лиц или организаций, обвиняемых в неконвенциональном и возмутительном поведении и установках [Burmah, 2021, p. 1]. Корпоративная диктатура культуры отмены не прощает ошибок, поэтому указание на них является серьезным доводом для аудитории, чтобы осудить объект дискредитации, а то и подвергнуть остракизму. В России, где культура отмены, как и институт репутации, только зарождается [Былевский, 2022, с. 167], данная субтактика обличения гораздо менее эффективна, поэтому в качестве альтернативы русскоязычные СМИ апеллируют к обличению другого характера.

Так, менее распространенным направлением в английском языке — 8 случаев (5,5 %), но доминирующим в русском языке — 33 случая (27,3 %), оказалась демонстрация скрытых мотивов: "Biden suggested that a wider conflict was possible, given Putin's aspirations. *'He has much larger ambitions than Ukraine. He wants to reestablish the former Soviet Union — that's what this is about'*" [The Guardian, 2022]. — 'Байден предположил, что возможен более масштабный конфликт, учитывая устремления Путина. "У него гораздо большие амбиции, которые выходят за пределы Украины. Он хочет восстановить бывший Советский Союз — вот в чем дело"'. «Демократический истеблишмент *пытается добиться этого* несколькими путями. Согласно первому, *они рассчитывают, что республиканский электорат в условиях столь огромного количества уголовных обвинений сочтет Трампа токсичным и предпочтет другого кандидата*» [Известия, 2023]. В приведенных примерах выдвинутые предположения подаются под видом утверждений наличия вины за дискредитируемым объектом.

Еще одним направлением, достаточно частотным в материале на русском языке, является обвинение дискредитируемого объекта — 19 случаев (15,6 %), которое в английском языке используется реже — 14 случаев (9,7 %). Посредством обвинения объекту, на которого направлена дискредитация, приписывается какая-либо вина: "Not only did Mr Trump *explicitly ask* Mr Raffensperger *to tip the tally*, he *threatened* the secretary of state *with criminal jeopardy for declining his request*" [The Economist, 2023]. — 'Мистер Трамп не только недвусмысленно попросил мистера Раффенспергера подсчитать голоса в его пользу, он пригрозил госсекретарю уголовной ответственностью за отклонение его просьбы'; «*Это атака на демократию и свободу в Восточной Европе и во всем мире*», — уточнил он [Коммерсантъ, 2022]. В англоязычном примере манипуляция состоит однозначном толковании фактов по делу Дональда Трампа, а в русском языке — в использовании «слов-амеб» — «демократия», «свобода», которые не обладают конкретным значением, но посягательство на нечто эфемерное, что стоит за ними, воспринимается адресатом сообщения как преступление высшего порядка [Шагбанова, 2020, с. 75].

Тактика прямого негативного оценивания

Тактика прямого негативного оценивания представлена 58 случаями в английском языке (40 %) и 32 в русском (25,9 %). Данная тактика непосредственно направлена на объект дискредитации и апеллирует к его негативным сторонам, формирует отрицательное отношение к нему за счет уничижительных высказываний с целью умаления авторитета, предсказания неудач в будущем.

В статьях на обоих языках превалирующим проявлением данной тактики оказалась негативная характеристика — 39 случаев (26,9 %) в английском языке и 22 случая (18,1 %) в русском. При помощи негативной характеристики автор сообщения дает негативную дескрипцию действиям, личности, сущности или внешнему облику дискредитируемого объекта, например: "'I don't understand the motivations, the goals or the possible results,' said another. 'What is happening is very *strange*'" [The New York Times, 2022]. — "'Я не понимаю мотивации, целей или возможных результатов", — сказал другой [аналитик]. — "То, что происходит, очень странно"'; «Главный фигурант раскритиковал обвинительное заключение, добавив, что Соединенные Штаты превратились в "*коррумпированное* и *ужасное* место"» [Известия, 2023]. В данных примерах при помощи эпитетов выражается субъективное отношение к ситуации или объекту, которые оцениваются отрицательно.

Негативное прогнозирование оказалось довольно распространенным в англоязычных статьях — 16 случаев (11 %), тогда как в русскоязычных оно представлено двумя примерами (1,3 %). Данная субтактика направлена на приписывание неудач в будущем, причины которых адресат, как правило, связывает с сущностью явления или с характером личности [Ионова, 2008, с. 249]. Например: And if Mr Trump is indeed convicted of crimes in state court, *no governor or president (not even himself) would have the power to pardon him* [The Economist, 2023]. — 'И, если мистер Трамп действительно будет признан виновным в преступлениях в суде штата, ни губернатор, ни президент (даже он сам) не будут иметь права

помиловать его’. Данный прогноз является спорным, так как предание суду бывшего президента является беспрецедентным случаем в Соединенных Штатах, и правовая процедура для него разработана не была, тем не менее такое негативное суждение о будущем подрывает веру сторонников господина Трампа в положительный исход.

Достаточно большой процент англоязычных контекстов, в которых реализуется тактика негативного прогнозирования, можно объяснить аналитической направленностью некоторых изданий, а также существованием «американской мечты» и «феномена неудачника». Так, человека, не сумевшего достичь американской мечты — успеха, самодостаточности, личной свободы, — называют loser ‘неудачник’. К людям такого типа относятся с пренебрежением, так как считают, что их неудачи — их собственная вина, заключающаяся в недостаточном использовании сил и возможностей [Зенкова, 2019, с. 170]. Таким образом, плохой прогноз вызывает ассоциации с неэффективной линией поведения. Русскоязычной аудитории подобная культура чужда, чем и объяснятся низкая продуктивность данной субтактики.

Оскорбление встретилось в небольшом количестве в статьях на обоих языках: в большей степени в русском языке — 8 случав (6,5 %) и в меньшей — в английском — 3 случая (2,1 %), например: “Bret Baier, one of the debate’s moderators on Fox News, quipped that Mr. Trump was *the “elephant not in the room*” [The New York Times, 2023]. — ‘Брет Байер, один из модераторов дебатов на канале Fox News, язвительно заметил, что мистер Трамп — это “слон, которого не было в комнате”’ (в данном случае обыгрывается идиома elephant in the room (букв. ‘слон в комнате’), которая служит для обозначения проблемной темы, которую предпочитают игнорировать); «*шайка наркоманов и неонацистов»* [Аргументы и Факты, 2022]. Таким образом, на дискредитируемые объекты наклеиваются ярлыки, деформирующие их образы в глазах аудитории.

Тактика косвенного негативного оценивания

Тактика косвенного негативного оценивания является наименее распространенной тактикой дискредитирующего характера в обоих языках: в материале на английском языке она представлена 24 случаями (16,5 %), а на русском — 25 случаями (20,8 %).

Выражение косвенной негативной оценки в виде нерелевантных сравнений или пейоративных намеков встречается в 16 случаях (11 %), тогда как в русском языке примеры данной субтактики отсутствуют.

Например, в газете *The Guardian* обвинения против королей Карла I и Людовика XVI практически возводятся на одну ступень с обвинениями Трампа: “*The indictments against Charles I for his ‘crimes and treasons’* or against *Louis XVI* of France for having ‘*plotted and formed a multitude of conspiracies to establish tyranny in destroying liberty’* are maybe *not a world away from those against Trump*, after all” [The Guardian, 2023]. — ‘В конце концов, обвинения против Карла I за его “преступления и измены” или против французского короля Людовика XVI за то, что он “замышлял и сформировал множество заговоров с целью установления тирании и уничтожения свободы”, возможно, не так уж далеки от обвинений против Трампа’. В данном случае явно применен один их самых распространенных манипулятивных приемов западной прессы — диффамация неугодной политической фигуры посредством некорректного сравнения «с самыми одиозными политиками в истории человечества, то есть своего рода антропонимическая демонизация» [Голодов, 2019, с. 210]. Судебный процесс по делу Дональда Трампа не завершен, его вина не доказана, но тем не менее его сравнивают с историческими фигурами, которых уже осудили и признали изменниками. Целью данного приема является гиперболизация отрицательных черт дискредитируемого объекта за счет формирования взаимосвязи с общепризнанно неугодной личностью.

В газете *The New York Times* встретился другой пример негативной косвенной оценки, в котором реализуется пейоративный намек: “Rick Hearn, 44, an Atlanta accountant, brought *a poster with him that showed an image of Mr. Trump next to one of Nelson Mandela, with the label ‘political prisoners’*” [The New York Times, 2023]. — ‘44-летний Рик Хирн, бухгалтер из Атланты, принес с собой плакат, на котором был изображен господин Трамп рядом с изображением Нельсона Манделы и надписью “политические заключенные”’. На плакате можно видеть отсылку к ранней деятельности Нельсона Манделы, называемой некоторыми его недоброжелателями «террористической», за которую он получил 27-летний тюремный срок. Однако, помимо того, что он был одним из политзаключенных, содержащихся под стражей дольше всех в мире, Нельсон Мандела также был выдающимся государственным деятелем, борцом против расизма, приверженцем демократических устоев, его признавали и до сих пор признают «гигантом

морали нашего времени» [Boehmer, 2005, p. 46]. Таким образом, Трамп и Мандела — фигуры несопоставимые, поэтому издание, изображая «типичного» сторонника Трампа, подчеркивает необъективность этих людей: они руководствуются не рациональным анализом ситуации и личности, а действуют исходя из приверженностей и эмоциональных реакций.

Тактика косвенного негативного оценивания, выраженная в виде похвалы одних на фоне порицания других, в большей степени распространена в материале на русском языке — 25 случаев (20,8 %), и представлена единичными примерами в английском языке — 8 случаев (5,5 %): "*As Mr Putin harangues subordinates in gilded halls, Mr Zelensky posts selfies with his team in which he explains the thinking behind their conduct of the war and urges his fellow citizens to be strong*" [The Economist, 2022]. — 'Пока г-н Путин разглагольствует перед подчиненными в позолоченных залах, г-н Зеленский публикует селфи со своей командой, под которыми он объясняет, как они ведут войну, и призывает своих сограждан быть сильными'. В данном случае при помощи контекстуальных синонимов со сниженной и нейтральной оценкой harangues 'разглагольствует' — explains 'объясняет', subordinates 'подчиненные' — team 'команда' выражается контраст между двумя президентами, за счет которого усиливается эффект дискредитации.

В русскоязычном примере происходит иронизация над образом Вивека Рамасвами, оппонента Дональда Трампа в предвыборной кампании, за счет чего сам господин Трамп предстает в более выигрышном свете: «Бизнесмен Вивек Рамасвами оказался смелее и назвал решение вашингтонского жюри присяжных "*неамериканским*", *пообещав помиловать Дональда Трампа, как только он, Рамасвами, станет президентом. Для этого, правда, и Дональду Трампу надо еще стать осужденным*» [Коммерсантъ, 2023]. Подобным образом дискредитируются и другие конкуренты бывшего президента США — Аса Хатчинсон, Рон Десантис, Майк Пенс и Никки Хейли, что создает видимость существования единственного достойного кандидата на грядущих выборах.

Выводы

В данном исследовании осуществлен сопоставительный анализ дискредитирующих тактик в англоязычных и русскоязычных публицистических текстах, предложена новая классификация, адаптированная к собранному эмпирическому материалу. Проведенный анализ позволил выделить три тактики, использующиеся в приблизительно равном процентном соотношении в обоих языках: превалирующей является тактика обличения, за ней следует тактика прямого негативного оценивания и наименее распространена тактика косвенного негативного оценивания. Если на уровне применения тактик можно увидеть сходства в материале на английском и русском языках, то в способах их реализации обнаруживаются резкие различия. Наиболее продуктивными в английском языке оказались указания на просчеты и ошибки, негативная характеристика, негативное прогнозирование, нерелевантные сравнения и пейоративные намеки, тогда как в русском языке — демонстрация скрытых мотивов, похвала одних на фоне порицания других, обвинение и негативная характеристика. Данные различия объясняются социокультурными факторами (существованием феномена неудачника, культуры отмены), тематикой статей (некоторые способы были бы неуместны в рамках той или иной темы), индивидуальным выбором авторов, а также направленностью и повесткой самого издания.

Следующим этапом данного исследования может быть анализ сходств и различий механизмов реализации дискредитирующих тактик в статьях на английском и русском языках на лексико-стилистическом и грамматическом уровнях.

Список источников

1. Аргументы и факты. — 2022. — № 9, 3 марта. — URL : https://pochitaem.su/argumenty-i-fakty-9-2022/ (дата обращения: 10.10.2023).

2. Бодулева А., Дмитриева Д. Ю., Рюкова А. Р. Дисфемистическая замена как средство реализации стратегии дискредитации в англоязычных текстах средств массовой информации // Русский лингвистический бюллетень. — 2022. — № 8 (36). — С. 1–5. — DOI: 10.18454/RULB.2022.36.10.

3. Булахова Н. П. Об использовании эпитетов в газетных текстах с признаками информационно-психологической войны: тактико-стратегический аспект // Лингвокультурология. — 2019. — № 13. — С. 36–55.

4. Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. «Гуманитарные науки». — 2022. — № 2 (857). — С. 162–169.

5. Голодов А. Г. Диффамация неугодных политиков с помощью антропологической демонизации (на материале немецкой массовой прессы) // Омские социально-гуманитарные чтения — 2019 : материалы XII науч.-практ. конф. — Омск, 2019. — С. 209–213.

6. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. — М. : Добросвет : Изд-во КДУ, 2011. — 232 с.

7. Зенкова Т. В. «Успешный человек» как ценностная доминанта американской лингвоаксиологической картины мира // Полилингвиальность и транскультурные практики. — 2019. — Т. 16, № 2. — С. 168–179. — DOI: 10.22363/2618-897X-2019-16-2-168-179.

8. Известия. — 2023, 15 авг. — URL : https://iz.ru/1559300/evgeniia-chukalina/nol-vliianiia-pochemu-chetvertoe-obvinenie-ne-otrazitsia-na-podderzhke-trampa (дата обращения: 10.10.2023).

9. Ионова М. С., Ковалева И. А. Влияние отрицательного прогноза на характер межличностных отношений // Вестник Мордовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». — 2008. — № 3. — С. 249–251.

10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — 5-е изд.— М. : Лки, 2008. — 284 с.

11. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М. : Эксмо, 2008. — 862 с.

12. Коммерсантъ. — 2023, 2 авг. — URL : https://www.kommersant.ru/doc/6137544?ysclid=lnkrhfr7zl925505041 (дата обращения: 10.10.2023).

13. Коммерсантъ. — 2022, 24 февр. — URL : https://www.kommersant.ru/doc/5230363?ysclid=lnkpdess9873159899 (дата обращения: 10.10.2023).

14. Кушнерук С. Л., Чудинов А. П. Становление лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 4-1. — С. 105–118.

15. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. — М. : ЛИБРОКОМ, 2009. — 256 с.

16. Никифорова М. В. Образ России в американских СМИ 2021 года (на материале статей журнала Foreign Affairs) // Политическая лингвистика. — 2022. — № 1 (91). — С. 59–68.

17. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : моногр. — Екатеринбург, 2004. — 294 с.

18. Степанова Н. В. Лингвостилистические средства актуализации дискредитирующих тактик в жанре американских политических дебатов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, вып. 1. — С. 243–248.

19. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : моногр. — Екатеринбург, 2001. — 238 с.

20. Шагбанова Х. С. Языковые средства речевого манипулирования // Теории и проблемы политических исследований. — 2020. — Т. 9, № 5А. — С. 72–80. — DOI: 10.34670/AR.2020.67.69.010.

21. Эксперт. — 2023. — № 34, 21 авг. — URL : https://expert.ru/expert/2023/34/prodolzhayetsya-yuridicheskaya-ataka-na-trampa/?ysclid=lnkogfg65d564631544 (дата обращения: 10.10.2023).

22. Boehmer E. Postcolonial terrorist: The example of Nelson Mandela // Parallax. — 2005. — № 11 (4). — Pp. 46—55. — DOI:10.1080/13534640500331666.

23. Burmah L. S. The curious cases of cancel culture. — California State University : Electronic Theses, Projects, and Dissertations, 2021. — 78 p.

24. Keyes R. The post-truth era: dishonesty and deception in contemporary life. — NY : St. Martin’s Press, 2004. — 312 p.

25. Krisagbedo E. C., Eze J. U., Mamah J. G. Language and Manipulation: A Critical Discourse Analysis of All Progressive Congress (APC) and People’s Democratic Party’s (PDP) War of Words // Theory and Practice in Language Studies. — 2021. — Vol. 11, № 7, July. — Pp. 842–852. — DOI: 10.17507/tpls.1107.11.

26. Samoilenko S. A. Character Assassination // The SAGE Encyclopedia of Corporate Reputation / ed. C. Carroll. — SAGE Publications, 2016. — Vol. 1. — Pp. 115–118.

27. Saussure L., de. Manipulation and Cognitive Pragmatics: Preliminary Hypotheses // Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, Language, Mind / [de Saussure Louis & Peter Schulz (eds)]. — Amsterdam-Philadelphia, 2005. — Pp. 113–146.

28. The Economist. — 2022, Mar., 5. — URL : https://www.economist.com/briefing/2022/03/05/vladimir-putins-invasion-of-ukraine-is-wrecking-two-countries (дата обращения: 10.10.2023).

29. The Economist. — 2023, Aug., 17. — URL : https://www.economist.com/united-states/2023/08/15/donald-trumps-racketeering-indictment-is-the-most-sweeping-yet (дата обращения: 10.10.2023).

30. The Guardian. — 2023, Aug., 23. — URL : https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/aug/23/america-trial-charges-donald-trump-us-president (дата обращения: 10.10.2023).

31. The Guardian. — 2022, Feb., 24. — URL : https://www.theguardian.com/world/2022/feb/24/ukraine-fights-for-its-survival-as-putin-presses-forward (дата обращения: 10.10.2023).

32. The New York Times. — 2022, Feb., 24. — URL : https://godfreytimes.com/2022/02/24/russians-now-see-a-new-side-to-putin-dragging-them-into-war/ (дата обращения: 10.10.2023).

33. The New York Times. — 2023, Aug., 24. — URL : https://www.nytimes.com/2023/08/24/us/trump-surrender-georgia-fulton-county-jail.html (дата обращения: 10.10.2023).

34. van Dijk T. A. The principles of critical discourse analysis // Discourse and Society. — University of Amsterdam, 1993. — Pp. 249–283.

References

1. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts]. 2022, no. 9, Mar., 3. Available at: https://pochitaem.su/argumenty-i-fakty-9-2022/ (accessed 10.10.2023). (In Russian).

2. Boduleva A., Dmitrieva D. Yu., Ryukova A. R. Dysphemisms as means of discredit speech strategy implementation in English texts of mass communication. *Russkii lingvisticheskii byulleten'* [Russian Linguistic Bulletin]. 2022, no. 8 (36), pp. 1–5. DOI: 10.18454/RULB.2022.36.10. (In Russian).

3. Bulakhova N. P. About the use of epithets in newspaper texts with signs of information-psychological war: a tactical and strategic aspect. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Ekaterinburg, 2019, no. 13, pp. 36–55. (In Russian).

4. Bylevskii P. G., Tsatskina E. P. Phenomenological analysis of the notion "cancel culture". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. "Gumanitarnye nauki"* [Moscow State Linguistic University Bulletin, Ser. "Humanities"]. Moscow, 2022, no. 2 (857), pp. 162–169. (In Russian).

5. Golodov A. G. Defamation of odious politicians with the help of anthropological demonization (based on German mass media). *Omskie sotsialэno-gumanitarnye chteniya — 2019: materialy dvenadtsatoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Omsk Social and Humanitarian Readings — 2019: papers of the XIIth International Scientific and Practical Conference]. Omsk, 2019, pp. 209–213. (In Russian).

6. Danilova A. A. *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoi informatsii* [Verbal manipulation in mass media]. Moscow, Dobrosvet Publ., KDU Publ., 2011, 232 p. (In Russian).

7. Zenkova T. V. A "successful person" as a value dominant of the American liguo-axiological worldview. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* [Polylingualism and transcultural practices]. 2019, vol. 16, no. 2, pp. 168–179. DOI: 10.22363/2618-897X-2019-16-2-168-179. (In Russian).

8. *Izvestiya* [The News]. 2023, Aug., 15. Available at: https://iz.ru/1559300/evgeniia-chukalina/nol-vliianiia-pochemu-chetvertoe-obvinenie-ne-otrazitsia-na-podderzhke-trampa (accessed 10.10.2023). (In Russian).

9. Ionova M. S., Kovaleva I. A. The impact of a negative prognosis on the nature of interpersonal relationships. *Vestnik Mordovskogo universiteta. Ser. "Gumanitarnye nauki"* [Mordovsky university Bulletin. Ser. "Humanities"]. 2008, no. 3, pp. 249–251. (In Russian).

10. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. 5th ed. Moscow, LKI Publ., 2008, 284 p. (In Russian).

11. Kara-Murza S. G. *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow, Eksmo Publ., 2008, 862 p. (In Russian).

12. *Kommersant"* [The Businessman]. 2023, Aug., 2. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/6137544?ysclid=lnkrhfr7zl925505041 (accessed 10.10.2023). (In Russian).

13. *Kommersant"* [The Businessman]. 2022, Feb., 24. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/5230363?ysclid=lnkpdess9873159899 (accessed 10.10.2023). (In Russian).

14. Kushneruk S. L., Chudinov A. P. Linguistics of information-psychological war in the making: methodological heterogeneity and first results. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice]. 2019, no. 4-1, pp. 105–118. (In Russian).

15. Mikhaleva O. L. *Politicheskii diskurs. Spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya* [Political discourse. Specifics of manipulative influence]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009, 256 p. (In Russian).

16. Nikiforova M. V. The image of Russia in the 2021 American mass media (based on the articles of the Foreign Affairs Magazine). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2022, no. 1 (91), pp. 59–68. (In Russian).

17. Ruzhentseva N. B. *Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiiskom politicheskom diskurse* [Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse]. Ekaterinburg, 2004, 294 p. (In Russian).

18. Stepanova N. V. Linguostylistic means of discrediting tactics actualisation in the genre of American political debates. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. 2023, vol. 16, iss. 1, pp. 243–248. (In Russian).

19. Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: Cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, 2001, 238 p. (In Russian).

20. Shagbanova Kh. S. Language means of speech manipulation. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and problems of political research]. 2020, vol. 9, no. 5A, pp. 72–80. DOI: 10.34670/AR.2020.67.69.010. (In Russian).

21. *Ekspert* [Expert]. 2023, no. 34, Aug., 21. Available at: https://expert.ru/expert/2023/34/prodolzhayetsya-yuridicheskaya-ataka-na-trampa/?ysclid=lnkogfg65d564631544 (accessed 10.10.2023). (In Russian).

22. Boehmer E. Postcolonial terrorist: The example of Nelson Mandela. *Parallax*. 2005, iss. 11 (4). pp. 46–55. DOI:10.1080/13534640500331666.

23. Burmah L. S. *The curious cases of cancel culture*. California State University, Electronic Theses, Projects, and Dissertations, 2021, 78 p.

24. Keyes R. *The post-truth era: dishonesty and deception in contemporary life*. NY, St. Martin's Press, 2004, 312 p.

25. Krisagbedo E. C., Eze J. U., Mamah J. G. Language and Manipulation: A Critical Discourse Analysis of All Progressive Congress (APC) and People's Democratic Party's (PDP) War of Words. *Theory and Practice in Language Studies*. 2021, vol. 11, no. 7, July, pp. 842–852. DOI: 10.17507/tpls.1107.11.

26. Samoilenko S. Character assassination. *The SAGE Encyclopedia of Corporate Reputation*. Carroll C. (ed.). SAGE Publications, 2016, vol. 1, pp. 115–118.

27. Saussure L., de. Manipulation and Cognitive Pragmatics: Preliminary Hypotheses. *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, Language, Mind*. [De Saussure Louis & Peter Schulz (eds.)]. Amsterdam-Philadelphia, 2005, pp. 113–146.

28. *The Economist*. 2022, Mar., 5. Available at: https://www.economist.com/briefing/2022/03/05/vladimir-putins-invasion-of-ukraine-is-wrecking-two-countries (accessed 10.10.2023).

29. *The Economist*. 2023, Aug., 17. Available at: https://www.economist.com/united-states/2023/08/15/donald-trumps-racketeering-indictment-is-the-most-sweeping-yet (accessed 10.10.2023).

30. *The Guardian*. 2023, Aug., 23. Available at: https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/aug/23/america-trial-charges-donald-trump-us-president (accessed 10.10.2023).

31. *The Guardian*. 2022, Feb., 24. Available at: https://www.theguardian.com/world/2022/feb/24/ukraine-fights-for-its-survival-as-putin-presses-forward (accessed 10.10.2023).

32. *The New York Times*. 2022, Feb., 24. Available at: https://godfreytimes.com/2022/02/24/russians-now-see-a-new-side-to-putin-dragging-them-into-war/ (accessed 10.10.2023).

33. *The New York Times*. Aug., 24.08.2023. Available at: https://www.nytimes.com/2023/08/24/us/trump-surrender-georgia-fulton-county-jail.html (accessed 10.10.2023).

34. van Dijk T. A. The principles of critical discourse analysis. *Discourse and Society*. University of Amsterdam, 1993, pp. 249–283.

Информация об авторе

Борюшова Ирина Юрьевна — аспирант кафедры теории и практики перевода Донецкого государственного университета.

Information about the author

Boryushova, Irina — postgraduate student at the Department of Translation Theory and Practice, Donetsk State University.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023;
одобрена после рецензирования 27.10.2023;
принята к публикации 01.11.2023.

Submitted 17.10.2023;
approved after reviewing 27.10.2023;
accepted for publication 01.11.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 64–73.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;4(67):64–73.

Научная статья
УДК: 81
DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.009

Категория аттрактивности в институциональном медийном дискурсе (на материале журнала «Коммерсантъ Наука»)

Вера Александровна Корнеева
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
korneeva_va@mail.ru

Аннотация. В работе рассматривается функционирование разных типов аттракторов как средств реализации дискурсивной категории аттрактивности в медийном дискурсе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения качества взаимодействия между коммуникантами и изучения дискурсивных категорий с целью увеличения перлокутивного эффекта на адресата. Целью исследования является выявление и характеристика средств реализации категории аттрактивности в институциональном медийном дискурсе в жанре научно-популярной статьи. Материалом исследования выступает российский научно-популярный журнал «Коммерсантъ Наука» как репрезентант институционального медийного дискурса. Для анализа эмпирического материала использовался комплексный подход, сочетающий качественный контент-анализ и визуальные методики анализа. Научная новизна исследования состоит в том, что автором впервые предлагается соотнести категорию аттрактивности, исходя из ее адресантно-адресатной природы, с группой семантико-прагматических дискурсивных категорий; предпринимается попытка проанализировать взаимосвязь между категориями аттрактивности и диалогичности при интеграции аттракторов перформативного типа в текст научно-популярной статьи и обосновать конвергенцию категории аттрактивности и категорий поликодовости и интертекстуальности при применении аттракторов людического типа в качестве средства придания аттрактивного характера текстам статей научно-популярного журнала.

Ключевые слова: медийный дискурс, аттрактивность, аттракция, аттрактор, аксиологема, диалогичность, поликодовость, интертекстуальность, научно-популярный журнал.

Для цитирования: Корнеева В. А. Категория аттрактивности в институциональном медийном дискурсе (на материале журнала «Коммерсантъ Наука») // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 64–73. DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.009.

Original article

Category of attractiveness in institutional media discourse (based on the material of the magazine *Kommersant Nauka*)

Vera A. Korneeva
Moscow City University, Moscow, Russia
korneeva_va@mail.ru

Abstract. The paper considers the functioning of different types of attractors as means of implementing the discursive category of attractiveness in media discourse. The relevance of the study is due to the need to improve the quality of interaction between communicants and to study discursive categories in order to increase the perlocutionary effect on the addressee. The purpose of the study is to identify and characterize the means of implementing the category of attractiveness in institutional media discourse in the genre of a popular science article. The research material is the Russian popular science magazine *Kommersant Nauka* as a representative of institutional media discourse. To analyze the empirical material, an integrated approach was used, combining qualitative content analysis and visual analysis techniques. The scientific novelty of the study lies in the fact that the author proposes for the first time to correlate the category of attractiveness, based on the relationship between addresser and addressee, with a group of semantic-pragmatic discursive categories. The author makes an attempt to analyze the relationship between the categories of attractiveness and dialogicity while integrating performative type of attractors into the text of a popular science article and to substantiate the convergence of the category of attractiveness and the categories of polycode and intertextuality when using ludic type attractors as a means of imparting an attractive character to the texts of articles in a popular science magazine.

Keywords: media discourse, attractiveness, attraction, attractor, axiologeme, dialogicity, polycode, intertextuality, popular science magazine.

© Корнеева В. А., 2023

For citation: Korneeva V. A. Category of attractiveness in institutional media discourse (based on the material of the magazine *Kommersant Nauka*). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 4(67):64–73. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.009.

Введение

Современный мир представляет широкое многообразие форм медийного дискурса, которые в условиях глобальной информатизации, распространения как печатных, так и электронных средств массовой информации становятся объектом детального изучения со стороны лингвистов. Необходимость в изучении дискурсивных категорий с целью увеличения перлокутивного эффекта на адресата и установления диалогических отношений между коммуникантами обусловливает актуальность исследования и позволяет сформулировать его цель — выявить и охарактеризовать средства реализации в медийном дискурсе категории аттрактивности, задающей матрицу взаимодействия, соответствующей цели коммуникации, обусловливающей ее событийность и играющей роль активатора дискурсивного мышления адресата [Серебренникова, 2023, с. 345].

Основная часть

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужил научно-популярный журнал «Коммерсантъ Наука» как репрезентант институционального медийного дискурса. Материал выпусков журнала за 2023 год содержит наиболее актуальную информацию о достижениях российской и зарубежной науки и отражает современные тенденции реализации медийного дискурса в жанре научно-популярной статьи: № 3 (1) за март, № 7 (2) за апрель, № 15 (3) за июнь и № 19 (4) за сентябрь. Для анализа эмпирического материала использовался комплексный подход, сочетающий качественный контент-анализ и визуальные методики анализа.

Постановка проблемы

В рамках лингвопрагматического и когнитивно-дискурсивного направления в современной лингвистике активно разрабатывается проблема аттрактивного потенциала различных типов институционального дискурса: издательского, театрального [Викулова, Макарова, 2013 ; Викулова, Черкашина, 2022]; туристического [Гедгафова, 2018]; медийного [Помазов, 2019 ; Шептун, 2023]; педагогического, политического [Серебренникова, 2018, 2023]; научного [Хутыз, 2023]; рекламного [Якоба, 2019 ; Викулова, Серебренникова, Черкашина, 2021]. В исследованиях современных ученых в области дискурсологии получили широкое освещение изначально рассмотренные через приму синергетики механизмы аттракции, являющей собой процесс и действие; категория аттрактивности как результирующая характеристика продукта аттракции; аттракторы, представляющие собой инструмент и средство придания дискурсу аттрактивных свойств [Серебренникова, 2018, 2023]. Интерес представляет исследование особенностей протекания процесса аттракции, реализации категории аттрактивности и функционирования аттракторов в медийном дискурсе в жанре научно-популярного журнала.

Обсуждение результатов

Существуют различные взаимодополняющие подходы к выделению и обоснованию категорий дискурса через призму коммуникативного языкознания с интеграцией опыта исследований в области структурно-функциональной и культурологической лингвистики, прагмалингвистики, социолингвистики [Карасик, 2016, с. 26–27].

В основу предложенной В. И. Карасиком типологии категорий дискурса, сформулированной с учетом внутренних и внешних характеристик речи, легли семь общепринятых признаков текстуальности: когезия, когерентность, интенциональность, приемлемость (интерпретируемость), информативность, ситуативность и интертекстуальность [Карасик, 2016, с. 27]. В соответствии с указанной типологией выделяют четыре группы дискурсивных категорий, каждая из которых является рубрикой для более частных категорий: конститутивные, разграничивающие текст и не-текст по критериям оформленности, тематического, стилистического и структурного единства и смысловой завершенности; жанрово-стилистические, позволяющие соотнести тексты с функциональными разновидностями речи в зависимости от стилевой принадлежности, жанрового канона, клишированности, степени амплификации или компрессии;

содержательные, или семантико-прагматические, включающие в себя, в частности, отношения адресанта и адресата, информативность, модальность, интерпретируемость и интертекстуальность; формально-структурные, отражающие композиционную организацию текста и включающие в себя композицию, членимость, когезию [Карасик, 2016, с. 27].

Адресантно-адресатные отношения обусловлены диалогичностью медийного дискурса — его фундаментальным свойством, пронизывающим данный тип институционального дискурса. Участниками диалогических отношений выступают субъект речи, являющийся инициатором коммуникации, адресат — будущий ее интерпретатор, и третье лицо, привлекаемое в качестве эксперта, авторитетного лица, позиция которого выражается средствами передачи чужой речи, что позволяет говорить о реализации категории интертекстуальности в медийном дискурсе [Медиалингвистика в терминах и понятиях, 2018, с. 56].

Аттрактивность дискурса, трактуемая в широком смысле как его «притягательность и привлекательность» [Серебренникова, 2018, с. 43], очевидно, нацелена на придание привлекательного характера дискурсу для адресата и, следовательно, основывается на адресантно-адресатных отношениях, находящих свое отражение через категорию диалогичности в медийном дискурсе. Данное обстоятельство позволяет отнести категорию аттрактивности к группе семантико-прагматических дискурсивных категорий в соответствии с предложенной В. И. Карасиком типологией категорий дискурса [Карасик, 2016, с. 27].

Аттрактивность трактуется как качественная характеристика некоторого событийно значимого дискурса, достигаемая благодаря привлечению к себе лингвокогнитивных процессов концептуализации и оценивания в коммуникации при помощи аттракторов — носителей смысла [Серебренникова, 2023, с. 342].

Главным условием для реализации аттрактивности дискурса является создание ситуации когнитивной неопределенности путем помещения дискурса на границу между когнитивными контрастами: ожидаемым и неожиданным, известным и неизвестным, банальным и оригинальным, привычным и непривычным [Серебренникова, 2018, с. 43]. Аттрактивность обусловлена тем, что контраст, парадокс, обладающие нелинейной структурой, меняют привычную структуру сознания, тем самым нарушая границы обыденной логики [Грибова, 2011, с. 210–213].

Так, выделяют четыре основных вида аттракторов, участвующих в переориентации процессов интерпретации смысла и активизации дискурсивного мышления адресата на основе «эффекта Н»: 1) аттракторы, основанные на конструировании перформативности, или аттрактивные механизмы немедленного ситуационного вовлечения; 2) аттракторы, основанные на конструировании людического аспекта, или эвристическая фасцинация, загадка и импликация отгадки; 3) аттракторы, основанные на фокализации ценностных установок адресата, или аттракторы ценностного типа, аттракторы — аксиологемы; 4) аттракторы, основанные на конструировании и преодолении контраста, или аттрактивный механизм парадоксального структурирования [Серебренникова, Орсоева, 2018, с. 44–45 ; Орсоева, Серебренникова, 2021, с. 3522].

Рассмотрим подробнее реализацию аттрактивных механизмов в медийном дискурсе на основе материала, представленного русскоязычными текстами научно-популярных статей в журнале «Коммерсантъ Наука».

Вид ***аттрактора, основанного на конструировании перформативности***, наделен функцией вовлечения адресата в коммуникативное событие путем придания ему роли равноправного участника диктумной ситуации. «Эффект Н», основанный в данном случае на противопоставлении ожидаемого и неожиданного, достигается путем создания контраста между коллективной публичной адресацией сообщения и персонально-индивидуальной формой обращенности сообщения. Таким образом, в сознании адресата конструируется когнитивный диссонанс в связи с его вовлеченностью одновременно в массовую коммуникацию, направленную на большую, анонимную и разнородную аудиторию, и межличностную коммуникацию, предполагающую обмен сведениями между людьми с возможностью обратной связи [Викулова, Желтухина, Герасимова, Макарова, 2020, с. 245–246]. Аттракторы перформативного типа характеризуются личностной обращенностью к адресату и имеют целью привлечь внимание целевой аудитории и вовлечь ее в позицию участника коммуникации.

Ярким примером реализации аттрактивных механизмов данного типа является диалогичность, имплицирующая позиции «я-говорящего» и «ты-слушающего». В научно-популярных текстах широко представлена форма диалогичности, заключающаяся в обращении к читателю с целью совместного размышления над заданной тематикой и именуемая диалогичностью типа «я — вы, мы с вами» [Баранова, 2012, с. 120–121]. К способам придания диалогического характера научно-популярным текстам относят использование «мы-диалогического», включающего в себя как автора текста, так и реципиента, что способствует объединению коммуникантов в процессе ознакомления с научным знанием [Баранова, 2012, с. 121 ; Егоров, 2020, с. 91]:

(1) «Как внутри *нас*, так и на поверхности *нашей* кожи живет огромное количество микроорганизмов: симбионтов, паразитов, комменсалов (тех, что извлекают какую-то пользу, но не приносят вреда)» (№ 3 (1) [1]).

(2) «*Мы* снова возвращаемся к крайностям. Вегетарианство — это крайность, так как существуют незаменимые аминокислоты, которые *мы* можем получить только с пищей животного происхождения» (№ 3 (1)).

Стоит отметить, что такие средства актуализации адресата и его импликации в коммуникацию, как использование личного местоимения 2-го лица множественного числа [Егоров, 2020, с. 92], использование императивных форм глаголов второго лица множественного числа, находящих широкое применение во франкоязычных текстах статей на научно-популярную тематику [Корнеева, 2023, с. 102], встречаются в исследуемом русскоязычном материале значительно реже, что позволяет сделать вывод о том, что реализация диалогичности «я — вы, мы с вами» в статьях журнала «Коммерсантъ Наука» достигается путем полной интеграции, слияния адресанта и адресата вследствие употребления в тексте личного местоимения 1-го лица множественного числа и соответствующих ему притяжательных прилагательных.

К способам реализации аттрактивных механизмов, конструирующих перформативность, также относят риторический вопрос. Данный тип аттрактора акцентирует важность мнения адресата по поводу обсуждаемого вопроса, призывает к совместному поиску выхода из ситуации:

(3) «Да и звездный ли свет от этих галактик увидел “Уэбб”? Или в них гнездятся квазары — сверхмассивные черные дыры, на которые падает раскаленная материя?» (№ 15 (3)).

(4) «Тектоническая активность — признак того, что планета живая. Если тектоника затихнет, жизнь в нынешних формах окажется под большим вопросом. Казалось бы, какая связь?» (№ 7 (2)).

(5) «Почему же наша планета такая уникальная — у нас литосфера разбита на плиты, а на других планетах литосферная плита всего одна? У нее есть тектоника плит, а на других планетах такого нет?» (№ 7 (2)).

Риторический вопрос, обладающий аттрактивным потенциалом, пробуждает у читателя эвристический интерес к поиску ответов на поставленный вопрос как на основе уже имеющейся совокупности знаний по обсуждаемой проблематике, так и в тексте научно-популярной статьи, проливающем свет на возможные решения задачи.

Одним из наиболее эффективных способов достижения аттрактивности является вид ***аттрактора***, организующего взаимодействие в виде создания ***людического, игрового эффекта*** в коммуникации. Активизация дискурсивного мышления адресата происходит благодаря противопоставлению известного и неизвестного при построении актуально нового смысла. Так, аттракторы, основанные на конструировании людического аспекта, позволяют привлечь читательскую аудиторию к эвристическому поиску ответа на загадку. Среди способов реализации аттрактивных механизмов данного типа выделяют графические средства создания аттрактивности и интертекстуальные средства, в частности аллюзию.

С точки зрения исследования вербально-визуального единства, которое представляет собой научно-популярный журнал, интерес вызывает графическая составляющая коммуникации, поскольку, по мнению В. Е. Чернявской, визуальный ресурс позволяет коммуникантам интерпретировать смысл, включенный в текст, а следовательно, и в коммуникативную ситуацию [Чернявская, 2021, с. 173]. Использование элементов, принадлежащих к разным знаковым системам, в качестве аттракторов людического типа в медийном дискурсе сближает дискурсивную категорию аттрактивности с категорией поликодовости, рассматриваемой как онтологическое свойство медиатекста, гетерогенность его формы, воплощающей содержание с помощью разнородных средств выражения, выполняющих коммуникативную функцию [Медиалингвистика в терминах и понятиях, 2018, с. 88].

Среди формообразующих средств в создании семантики общего текстуального пространства максимально активно участвует шрифтовой и иллюстративный материал. Остановимся на применении иллюстрации в качестве средства эвристической фасцинации. Иллюстрации неразрывно связаны с содержательными и формальными аспектами вербально-визуального единства и выполняют функцию пояснения текстового материала, выступают в роли вспомогательного материала [Мисонжников, 2001, с. 121–153]. Фотография как вид иллюстративного материала позволяет читателю составить приблизительный прогноз о содержании текста [Васильев, 2018, с. 141–143], обеспечивает привлечение зрительного внимания, выполняя сигнальную функцию, и ставит перед читателем задачу по расшифровке сообщения, содержащегося в тексте научно-популярной статьи, еще до ее прочтения (рис.).

[1] Примеры приводятся по источнику [Коммерсантъ Наука, 2023] с указанием номера выпуска.

исследования нейрофизиология – 36 –

Электрический ключ к прекрасному

Ученые Института эволюционной физиологии и биохимии имени И. М. Сеченова РАН и сотрудники Русского музея исследуют нейрофизиологические механизмы восприятия произведений живописи. На данном этапе их цель – распознать, какие биоэлектрические процессы идут в мозге художника в момент создания картины и что происходит в мозге людей, созерцающих произведение искусства.

Врубель, шлем и провода

Двое мужчин в черных прорезиненных сетчатых шлемах, соединенных проводками с прибором на груди и ноутбуком за спиной, скомпьютерной мышью в руках стоят у картины Врубеля в Русском музее. Пока они созерцают прекрасное, под их шлемами идут биоэлектрические процессы, которые фиксируют электроэнцефалографы. Так со стороны выглядит научный эксперимент в рамках культурно-научного проекта по нейрэстетике, о котором договорились в январе прошлого года Государственный Русский музей и ученые из ИЭФБ РАН.

«Если говорить простым языком, задачи исследования – понять, как именно наш мозг воспринимает произведения искусства, какие механизмы лежат в основе эстетических переживаний человека в такие моменты»

художественных экспозиций приняли участие более 100 человек. А начиналось все с исследования нейрофизиологических характеристик творчества в мастерских художников.

Первыми «подопытными» тогда согласились стать пять петербургских художников. Для того чтобы ученые поняли, что происходит в их мозге во время написания с нуля задуманной картины, каждый из них трудился над своим произведением в мастерской под контролем ученых, снимавших с помощью прибора сигналы головного мозга художника. Эти многочасовые исследования пока продолжаются. По плану, наука должна получить нейрофизиологическое описание разных стадий художественного творчества – от задумки художником сюжета, композиции и эскизирования до финальной реализации своего произведения в цвете.

«Это был очень новый, интересный и одновременно сложный опыт. Экипированный специальным оборудованием, я рисовал картины больше пяти часов, мои коллеги чуть меньше, но работали мы по-настоящему. Одновременно с нашими действиями считывались сигналы мозга во время разных стадий рисования, которые ученые хотят научиться различать. А там был и творческий ступор – почти паника от того, что процесс, над которым ты долго и тяжело трудился, зашел в тупик. И прорыв, воодушевление – когда наконец удавалось довести произведение до задуманного. Мы создали немало хороших картин за время нашего эксперимента и, к слову сказать, они вызывают интерес у понимающих в искусстве людей и пользуются спросом», – говорит участник исследования и соучредитель петербургской «Мансарды художников» Юрий Потапов.

Рис. Статья из журнала «Коммерсантъ Наука» с иллюстративным материалом (№ 19 (4))

На основе фотографии, приведенной в качестве иллюстративного материала к одной из статей в выпуске журнала «Коммерсантъ Наука» № 19 (4) от 14 сентября 2023 года, до ознакомления с текстом статьи читатель может предположить, что речь идет об исследовании нейрофизиологических процессов в мозге человека при занятии творческой деятельностью. Фотография, обладающая информативностью наряду с текстом, является для адресата источником сведений о месте проведения эксперимента, задействованном в его ходе аппарате исследования — электроэнцефалографе, роде исследуемой творческой деятельности, а именно рисовании, поле и примерном возрасте испытуемого. Однако другие обстоятельства и участники эксперимента — ученые, являющиеся его инициаторами, точные характеристики хронотопа, включая длительность проведения эксперимента, и его результаты — остаются неизвестными для читателя.

Вопрос о том, практикует ли испытуемый художественную деятельность на профессиональном или любительском уровне, также остается без ответа лишь на основе визуальной информации. Адресат, заинтересованный в получении полной картины происходящего и испытывающий определенный психологический дискомфорт в связи с известным эффектом Зейгарник [Кочубей, Подгурецки, 2014] — способности мозга сильнее фокусироваться на незавершенном действии — обращается вначале к рубрике журнала «Исследования. Нейрофизиология», а затем к заголовочному комплексу научно-популярной статьи и к самому тексту. Последовательность перехода от фотографии к заголовку при фокусировке внимания обусловлена тем, что, с точки зрения эргономики периодического издания, примыкающее к элементам заголовочного комплекса изображение наделено функцией «моста», по которому внимание зрительной системы переводится с невербальных ориентиров на вербальные [Васильев, 2018, с. 160]. Так, представляется возможным проследить связь между особенностями протекания процессов в психике человека и эффекта, производимого аттракторами людического типа.

Рассматривая визуальный аспект заголовка статьи, не касаясь его содержательной стороны, стоит отметить цветовое решение, выбранное редакторами научно-популярного журнала. Поскольку зрительная система восприимчива к постоянству или изменчивости шрифтового оформления [Васильев, 2018, с. 168], цветность, а именно выделение заголовка красным цветом, обладает аттрактивным потенциалом в отношении внимания читателя.

Кроме графического материала, к способам и средствам достижения аттрактивности на основе людической функции можно отнести аллюзию, рассматриваемую исследователями с точки зрения интертекстуальности и трактуемую как заимствование определенных элементов прецедентного текста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, где и осуществляется их предикация [Фатеева, 2012,

с. 275]. Аллюзия, использующаяся как прием придания выразительности тексту, позволяет адресанту вступить в игру с адресатом, напомнить ему тот или иной текст, феномен, событие. Важное условие для успешной интерпретации аллюзии реципиентом — принадлежность автора и читателя к одному культурному пространству и обладание идентичным запасом фоновых знаний в данной тематической области. Применение аллюзии для придания аттрактивных черт тексту/дискурсу позволяет говорить о сближении и синергийном характере функционирования категорий аттрактивности и интертекстуальности.

Примером использования аллюзии в качестве аттрактора может выступить следующий заголовок статьи:

(6) «Падение Голиафа: каким будет финал МКС» (№ 7 (2)).

Автор статьи направляет читателя к описанию жизни и гибели филистимлянского воина-великана в Ветхом Завете, который, несмотря на свою гигантскую силу, уступил в поединке будущему царю Иудеи и Израиля Давиду. Предполагается, что аудитория научно-популярного журнала, в силу принадлежности к тому же культурному пространству, что и автор, способна правильно интерпретировать отсылку к текстам христианской Библии и провести параллель между мощью воина и значимостью МКС для человечества, поскольку запуск космической станции на орбиту, поддержание ее функционирования на протяжении четверти века являются свидетельством беспрецедентных достижений человека в области науки и техники. Метафорическое сопоставление гибели библейского персонажа и неизбежного окончания срока службы МКС формирует в сознании адресата представление о масштабности события — вывода с орбиты аппарата, служившего символом эпохи в течение десятилетий.

Перлокутивный эффект, направленный на адресата сообщения, может быть достигнут путем интеграции в текст ***аттракторов ценностного типа***. В основе функционирования аттракторов данного типа лежит отсылка как к общечеловеческим ценностям, так и к ценностям, свойственным представителям отдельной лингвокультуры. Аттракторы ценностного типа, применяемые для повышения уровня аттрактивности текста, позволяют создать в сознании реципиента оппозицию между ценностями, воспринимаемыми как необходимые и общепринятые, и антиценностями, представляющими маргинальную картину мира и, как следствие, отвергаемыми реципиентом [Орсоева, Серебренникова, 2021, с. 3523].

Ученые отмечают аттрактивный потенциал аксиологемы, трактуемой как «знак, репрезентирующий особо значимый культурный концепт лингвокультуры, составляющий элемент ценностного измерения картины мира или фрагмента картины мира» [Викулова, Серебренникова, Черкашина, 2021, с. 22].

Современные исследователи приходят к выводу о том, что аксиологичность представляет собой имманентное свойство человеческого сознания, ориентирующее субъекта на общественно принятые и интериоризированные им ценности [Серебренникова, 2011, с. 17]. Поскольку любой тип дискурса, в том числе медийный, погружен в контекст социума и формируется по принятым в лингвокультуре коммуникативным традициям [Хутыз, 2023, с. 86], в русскоязычном медийном дискурсе находят языковое отражение актуальные для россиянина в современную эпоху ценности. Одним из ценностных ориентиров, все больше интегрируемых в аксиосферу современного российского общества, является важность привлечения молодого поколения в науку:

(7) «Научные премии — это своего рода маяки для молодого поколения, они дают ему понимание собственных научных перспектив» (№ 19 (4)).

Использование аттракторов-аксиологем, транслирующих ценность науки в целом и значимость участия молодых ученых в исследованиях в частности, неслучайно, поскольку, в соответствии с текстом миссии журнала «Коммерсантъ Наука», авторы научно-популярных статей и издатель ставят целью своей деятельности возвращение интереса российской молодежи к научной и научно-технической информации, повышение престижа научной и технологической деятельности, создание условий для глобального сдвига в жизненных приоритетах нового поколения россиян [Викулова, Корнеева, 2022, с. 107]. Поощрение в виде премий за достигнутые результаты в научной области метафорически сравнивается с маяком — ориентиром для морского путешественника, при некоторых обстоятельствах наделенным спасительным смыслом, а следовательно, обладающим высокой степенью ценности как символ.

Одним из аттрактивных механизмов, основанных на противопоставлении ожидаемого и неожиданного, нормального и анормального, является ***конструирование контраста*** для интерпретатора в ситуации коммуникации. Структура аттрактора парадоксального структурирования предполагает реакцию адресата на противоречие и последующую попытку преодолеть когнитивный диссонанс. Среди средств конструирования контраста выделяют:

– оксюморон:

(8) «юбилей открытия массового уничтожения» (№ 19 (4));

(9) «предвестники жизни» (№ 7 (2));

– абсурдизацию:

(10) «священники в роли пропагандистов» (№ 19 (4));

(11) «как электричка разглядывает лошадь» (№ 7 (2));

(12) «на стыке культурологии и сопромата» (№ 3 (1));

– парадокс:

(13) «промышленным гигантам нужны ферменты» (сопоставление кардинально разных величин) (№ 19 (4));

(14) «спасти мир от самого себя» (№ 19 (4)).

Возвращаясь к анализу компонентов приводимой в качестве примера научно-популярной статьи (рис.) с содержательной точки зрения, обратим внимание на заголовок, звучащий как «Электрический ключ к прекрасному». Аттрактивность данного элемента заголовочного комплекса конструируется на сопоставлении двух совершенно разных областей — технической, подчиненной объективным законам физики, и художественной, включающей в себя субъективную категоризацию по принципу красивое/некрасивое на основе предпочтений адресата, воспринимающего визуальную информацию. Представленное в названии статьи средство конструирования контраста, характеризующееся нелогичностью, непривычностью, абсурдностью, прерывает когерентность восприятия реципиента, активизируя рациональную и эмоциональную сферы и побуждая к поиску правильных вариантов интерпретации сообщения.

Стоит отметить аттрактивный потенциал анализируемого заголовка в том числе с аксиологической точки зрения. Словосочетание «электрический ключ», в данном контексте представляющее собой контрастную метафору, сводящую далеко стоящие друг от друга понятия, включает в себя существительное «ключ». В соответствии с одним из значений, приведенных в толковом словаре, «ключ» в переносном смысле понимается как «то, что служит для разгадки, понимания чего-н., овладения чем-н.» [Ожегов, Шведова, 1997, с. 278]. Учитывая стремление человека к познанию нового и неизвестного, эвристическую направленность его деятельности, свидетельством которой являются достижения в области мировой науки на сегодняшний день, можно говорить об употреблении слова «ключ» в качестве ценностного ориентира общечеловеческого порядка.

Так, на основе анализа графического материала и заголовочного комплекса статьи в научно-популярном журнале как жанре медийного дискурса представляется возможным сделать вывод об одновременном и взаимоусиливающем воздействии на адресата аттракторов людического типа в графическом выражении, аттракторов ценностного типа и аттракторов, основанных на конструировании и преодолении контраста.

Заключение

Результаты исследований дискурсивной категории аттрактивности в институциональном медийном дискурсе в когнитивно-дискурсивном ключе свидетельствуют о конструировании актуально нового смысла в дискурсивизации. Категория аттрактивности медийного дискурса как его имманентная характеристика достигается в результате процесса аттракции, основанного на прерывании когнитивной когерентности адресата и включающего в себя использование средств и способов упорядочения и активизации дискурсивного мышления, именуемых аттракторами. В формировании категории аттрактивности в научно-популярной статье как жанре институционального медийного дискурса принимают участие аттракторы перформативного типа, аттракторы людического типа, аттракторы, основанные на конструировании и преодолении контраста, и аттракторы ценностного типа. Лингвокогнитивная специфика воздействия «мы-диалогического», риторического вопроса, графических изображений и аллюзии как частных случаев, принадлежащих к разным группам аттракторов, позволяет сделать предположение о конвергенции и синергийном характере воздействия на адресата категории аттрактивности с одной стороны и категорий диалогичности, поликодовости и интертекстуальности — с другой.

Список источников

1. Баранова И. И. Категория диалогичности и способы ее выражения в научно-популярном тексте // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. — 2012. — № 3(155). — С. 119–125.

2. Васильев С. Л. Эргономика периодического издания: функциональный, семиотический и перцептивный аспекты. — Калининград : Балтийский фед. ун-т им. И. Канта, 2018. — 258 с.

3. Викулова Л. Г., Желтухина М. Р., Герасимова С. А., Макарова И. В. Коммуникация. Теория и практика : учеб. — М. : Издат. дом ВКН, 2020. — 336 с.

4. Викулова Л. Г., Корнеева В. А. Языковые средства популяризации актуальных научных знаний (на материале журнала «Коммерсантъ Наука») // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2022. — № 4 (48). — С. 102–117. — DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.08.

5. Викулова Л. Г., Макарова И. В. Издательская деятельность как дискурсивная практика: книжный каталог // Когниция, коммуникация, дискурс. — 2013. — № 7. — С. 23–32.

6. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Черкашина Е. И. Аксиологема Château как код продвигающего текста // Маркетинговая лингвистика в цифровую эпоху : сб. науч. ст. / сост. Е. Г. Борисова ; под. общ. ред. Л. Г. Викуловой. — М. : Языки народов мира, 2021. — С. 22–30.

7. Викулова Л. Г., Черкашина Е. И. Французская афиша как ключевой жанр театрального дискурса // Романские тетради: Романия как цивилизационное понятие : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Г. Викулова. — М. : Языки народов мира, 2022. — Т. 2. — С. 47–56.

8. Гедгафова Н. А. Языковая репрезентация категории аттрактивности в научно-популярном журнале путешествий // Верхневолжский филологический вестник. — 2018. — № 1. — С. 152–156.

9. Грибова М. В. Противопоставление как один из приемов языкового манипулирования в рекламе // Социально-экономические явления и процессы. — 2011. — № 8 (30). — С. 210–213.

10. Егоров Н. В. Способы взаимодействия адресанта и адресата в научно-популярном дискурсе // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. — 2020. — № 2. — С. 90–95.

11. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2016. — № 1 (21). — С. 17–34.

12. Коммерсантъ Наука : газ. — 2023. — № 3 (1), март ; № 7 (2), апр. ; № 15 (3), июнь ; № 19 (4), сент. — URL : https://www.kommersant.ru/?from=logo (дата обращения: 10.10.2023).

13. Корнеева В. А. Категория диалогичности в научно-популярном дискурсе (на материале журнала *Sciences et Avenir*) // Научный старт — 2023 : сб. ст. аспирантов и магистрантов / редкол.: Л. Г. Викулова (отв. ред.), И. В. Макарова, О. И. Короленко, В. Г. Караваева. — М. : Языки народов мира, 2023. — Ч. 2. — С. 99–104.

14. Кочубей И. В., Подгурецки Ю. Rerum Socialium Disquisitiones Russicae-Polonicae XXXVI. О некоторых общих детерминантах социальной коммуникации и использовании их в ситуации учебного занятия как коммуникативного события // Aspectus. — 2014. — № 4. — С. 34–40.

15. Медиалингвистика в терминах и понятиях : сл.-справ. / Л. В. Балахонская, А. А. Беловодская, А. В. Болотнов [и др.]. — М. : Флинта, 2018. — 440 с.

16. Мисонжников Б. Я. Феноменология текста (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания). — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. — 490 с.

17. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азбуковник, 1997. — 944 с.

18. Орсоева А. А., Серебренникова Е. Ф. Коммуникативное текстовое событие и способы его аттрактивного конструирования в медийном пространстве (на материале русского и корейского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14, № 11. — С. 3520–3525. — DOI: 10.30853/phil20210582.

19. Помазов А. И. Категория аттрактивности в медиадискурсе российских вузов: коммуникативный и собственно языковой аспекты // Русское слово в многоязычном мире : материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ / редкол. : Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, Н. И. Клушина [и др.]. — Нур-Султан : МАПРЯЛ, 2019. — С. 1700–1704.

20. Серебренникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология. Этносемиометрия ценностных смыслов. — М. : Тезаурус, 2011. — С. 7–26.

21. Серебренникова Е. Ф. Аттрактивность как качественная характеристика педагогического дискурса // Педагогический дискурс: в современной научной парадигме и образовательной практике : материалы III Всерос. конф. — М. : Языки народов мира, 2023. — С. 341–346.

22. Серебренникова Е. Ф., Орсоева А. А. Эффективность дискурса: взаимодополнительность событийности, аттрактивности, дестинации // Язык-культура, мышление-познание. Интегративные исследования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г. С. Доржиева ; отв. ред. Л. М. Орбодоева. — Улан-Удэ : Байкальская Ривьера : Бурятский гос. ун-т, 2018. — С. 41–48.

23. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. — 4-е изд. — М. : ЛИБРОКОМ, 2012. — 282 с.

24. Хутыз И. П. Лингвокультурные традиции в пространстве академического дискурса: особенности конструирования // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2016. — № 3 (23). — С. 86–93.

25. Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. — М. : Ленанд, 2021. — 208 с.

26. Шептун Н. Н. Аттрактивность в дискурсивном информативном коде (на материале источников «Le monde» и «Российская газета») // Филологический аспект. — 2023. — № 3(95). — С. 95–101.

27. Якоба И. А. Актуализация аттрактивизации в медийном рекламном дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 1 (32). — С. 227–235.

References

1. Baranova I. I. The category of dialogicity and ways of expressing it in a popular science text. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Ser. “Humanities and Social Sciences”]. 2012, no. 3 (155), pp. 119–125. (In Russian).

2. Vasilev S. L. *Ergonomika periodicheskogo izdaniia: funktsionalnyi, semioticheskii i pertseptivnyi aspekty* [Ergonomics of the Periodical: Functional, Semiotic and Perceptual Aspects]. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2018, 258 p. (In Russian).

3. Vikulova L. G., Zheltukhina M. R., Gerasimova S. A., Makarova I. V. *Kommunikatsiia. Teoriia i praktika: uchebnik* [Communication. Theory and Practice: Textbook]. Moscow, VKN Publ., 2020, 336 p. (In Russian).

4. Vikulova L. G., Korneeva V. A. Language means of promoting relevant scientific knowledge (based on *Kommersant Nauka* journal). *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. “Filologiia. Teoriia iazyka. Iazykovoe obrazovanie”* [MCU Journal of Philology. “Theory of Linguistics. Linguistic Education”]. 2022, no. 4 (48), pp. 102–117. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.08. (In Russian).

5. Vikulova L. G., Makarova I. V. Publishing as a discursive practice: book catalogue. *Kognitsiia, kommunikatsiia, diskurs* [Cognition, communication, discourse]. 2013, no. 7, pp. 23–32. (In Russian).

6. Vikulova L. G., Serebrennikova E. F., Cherkashina E. I. Axiologeme Château as a code for promotional text. *Marketingovaia lingvistika v tsifrovuiu epokhu: sbornik nauchnykh statei* [Marketing linguistics in the digital age: Collection of scientific articles]. Moscow, Iazyki Narodov Mira Publ., 2021, pp. 22–30. (In Russian).

7. Vikulova L. G., Cherkashina E. I. French poster as a key genre of theatrical discourse. *Romanskie tetradi: Romaniia kak tsivilizatsionnoe poniatie: sbornik nauchnykh statei* [Romance notebooks: Romania as a civilizational concept Collection of scientific articles]. Moscow, Iazyki Narodov Mira Publ., 2022, vol. 2, pp. 47–56. (In Russian).

8. Gedgafova N. A. Language Representation of the Attraction Category in the Popular Science Travel Magazine. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verhnevolzhski philological bulletin]. 2018, no. 1, pp. 152–156. (In Russian).

9. Gribova M. V. Contrast as one of the techniques of linguistic manipulation in advertising. *Sotsialno-ekonomicheskie iavleniia i protsessy* [Social-Economic Phenomena and Processes]. 2011, no. 8 (30), pp. 210–213. (In Russian).

10. Egorov N. V. Ways of addresser-addressee interaction in popular science discourse. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. A, Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Ser. A, Humanities]. 2020, no. 2, pp. 90–95. (In Russian).

11. Karasik V. I. The Discourse Studies as the Direction of the Communicative Linguistics. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]. 2016, no. 1 (21), pp. 17–34. (In Russian).

12. *Kommersant Nauka: gazeta* [Kommersant Nauka: newspaper]. 2023, no. 3 (1), Mar., no. 7 (2), Apr., no. 15 (3), June, no. 19 (4), Sept. Available at: https://www.kommersant.ru/?from=logo (accessed 10.10.2023). (In Russian).

13. Korneeva V. A. The category of dialogicity in popular science discourse (based on *Sciences et Avenir* journal). *Nauchnyi start — 2023: sbornik statei aspirantov i magistrantov* [Scientific start — 2023: Collection of articles by graduate and undergraduate students]. Moscow, VKN Publ., 2023, vol. 2, pp. 99–104. (In Russian).

14. Kochubei I. V., Podguretski Yu. Rerum Socialium Disquisitiones Russicae-Polonicae XXXVI. About some social communication general determinants and about using them in the situation of the lesson as a communicative event. *Aspectus.* 2014, no. 4, pp. 34–40. (In Russian).

15. *Medialingvistika v terminakh i poniatiiakh: slovar-spravochnik* [Medialinguistics in terms and concepts: Dictionary-reference book]. L. V. Balakhonskaya, A. A. Belovodskaya, A. V. Bolotnov [et al.]. Moscow, FLINTA Publ., 2018, 440 p. (In Russian).

16. Misonzhnikov B. Ya. *Fenomenologiia teksta (sootnoshenie soderzhatelnykh i formalnykh struktur pechatnogo izdaniia)* [Phenomenology of the Text (the Ratio of Content and Formal Structures of the Printed Edition)]. St. Petersburg University Press Publ., 2001, 490 p. (In Russian).

17. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar russkogo iazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997, 944 p. (In Russian).

18. Orsoeva A. A., Serebrennikova E. F. Communicative Text Event and Ways of Its Attractive Construction in the Media Space (by the Material of the Russian and Korean Languages). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. 2021, vol. 14, no. 11, pp. 3520–3525. DOI 10.30853/phil20210582. (In Russian).

19. Pomazov A. I. Category of Attractiveness in Media Discourse of Russian Universities: Communicative and Linguistic Aspects. *Russkoe slovo v mnogoiazychnom mire: materialy XIV Kongressa MAPRIaL* [Russian word in a multilingual world: Papers of the XIV MAPRYAL Congress]. Nur-Sultan, Kazakhstan, Mezhdunarodnoe nekommercheskoe partnerstvo prepodavatelei russkogo iazyka i literatury "MAPRIaL Publ., 2019, pp. 1700–1704. (In Russian).

20. Serebrennikova E. F. Aspects of axiological linguistic analysis. *Lingvistika i aksiologiia. Etnosemiometriia tsennostnykh smyslov* [Linguistics and axiology. Ethnosemimetry of value meanings]. Moscow, Tezaurus Publ., 2011, pp. 7–26. (In Russian).

21. Serebrennikova E. F. Attractiveness as a qualitative characteristic of pedagogical discourse. *Pedagogicheskii diskurs: v sovremennoi nauchnoi paradigme i obrazovatelnoi praktike: materialy III Vserossiiskoi konferentsii* [Conference Pedagogical discourse: in the modern scientific paradigm and educational practice: Papers of the III All-Russian]. Moscow, Iazyki Narodov Mira Publ., 2023, pp. 341–346. (In Russian).

22. Serebrennikova E. F., Orsoeva A. A. Effectiveness of discourse: interaction of eventfulness, attractivity and destination. *Iazyk-kultura, myshlenie-poznanie. Integrativnye issledovaniia: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language-culture, thinking-cognition. Integrative research: Papers of the international scientific and practical conference]. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2018, pp. 41–48. (In Russian).

23. Fateeva N. A. *Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstualnosti* [Intertext in the world of texts: Counterpoint of intertextuality]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012, 282 p. (In Russian).

24. Khoutyz I. P. Linguo-cultural Traditions in Academic Discourse: Construction Specifics. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. "Filologiia. Teoriia iazyka. Iazykovoe obrazovanie"* [MCU Journal of Philology. Ser. "Theory of Linguistics. Linguistic Education"]. 2016, no. 3(23), pp. 86–93. (In Russian).

25. Chernyavskaya V. E. *Tekst i sotsialnyi kontekst: sotsiolingvisticheskii i diskursivnyi analiz smyslopo-rozhdeniia* [Text and Social Context: Sociolinguistic and Discursive Analysis of Meaning Generation]. Moscow, Lenand Publ., 2021, 208 p. (In Russian).

26. Sheptun N. N. Attractiveness in a discursive informative code of *Le monde* and *Rossiyskaya Gazeta*. *Filologicheskii aspekt* [Philological aspect]. 2023, no. 3 (95), pp. 95–101. (In Russian).

27. Yakoba I. A. Actualization of attraction in media advertising discourse. *Teoriia iazyka i mezhkulturnaia kommunikatsiia* [Theory of Language and Intercultural Communication]. 2019, no. 1 (32), pp. 227–235. (In Russian).

Информация об авторе

Корнеева Вера Александровна — соискатель кафедры романских языков и лингводидактики Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Information about the author

Korneeva, Vera — applicant at the Department of Romance Languages and Linguodidactics, Institute of foreign languages, Moscow City University.

Статья поступила в редакцию 31.10.2023;
одобрена после рецензирования 16.11.2023;
принята к публикации 16.11.23.

Submitted 31.10.2023;
approved after reviewing 16.11.2023;
accepted for publication 16.11.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 74–83.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;4(67):74–83.

Научная статья
УДК 81`22 + 811.11
DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.010

Прагматический аспект вариантной формы немецкой пословицы в электронной коммуникации Германии, Австрии, Швейцарии

Шитикова Анжелика Владимировна
Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия
a.shitikova@inno.mgimo.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию и изучению коммуникативно-прагматических особенностей вариантной формы немецкой пословицы Ohne Fleiß kein Preis на информационно-рекламных порталах немецкоязычного виртуального пространства. Журналисты, литераторы всегда охотно употребляли в своих статьях, заметках не только конвенциональные, но и модифицированные пословицы. Цель статьи — описать способы модифицирования немецкой пословицы Ohne Fleiß kein Preis без изменения ее значения и комплексно представить специфику функционирования полученных вариантных форм в медиапространстве Германии, Австрии, Швейцарии. Преобразованную пословицу без изменения ее семантической составляющей мы обозначаем как «варианты» или «вариантные формы». В теоретической части статьи описаны понятие и лингвистические особенности виртуальной коммуникации, а также виды модификаций пословиц без изменения их семантики и функции вариантных форм пословиц; в эмпирической части представлены примеры преобразованной формы немецкой пословицы Ohne Fleiß kein Preis с подробным описанием и контекстуальным анализом ее прагматических функций. Для достижения вышеуказанной цели использованы методы: лингвистического описания для выявления количественных и качественных свойств пословичных текстов; дистрибутивного анализа, с помощью которого изучается околопословичное окружение; трансформационного анализа для исследования преобразований и перераспределений языковых элементов в пословице. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе коммуникативно-прагматического потенциала вариантов пословицы Ohne Fleiß kein Preis в немецкоязычном медиапротранстве и их функционирования в этой системе для достижения успешной коммуникации. В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что пословица, образной основой которой является тема «труда, усердия», не теряет свою актуальность в современном мире даже при перенесении ее в новые условия виртуальной коммуникации, а виды ее модификации пользуются популярностью не только у профессиональных журналистов, но и авторов информационных, рекламных заметок и блогов.

Ключевые слова: пословица, варианты пословицы, медиапространство, виртуальная коммуникация, функциональные особенности, коммуникативно-прагматический аспект, немецкий язык.

Для цитирования: Шитикова А. В. Прагматический аспект вариантной формы немецкой пословицы в электронной коммуникации Германии, Австрии, Швейцарии // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 74–83. DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.010.

Original article

Pragmatic aspect of the variant form of the German proverb in electronic communications of Germany, Austria, Switzerland

Anzhelika V. Shitikova
Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia
a.shitikova@inno.mgimo.ru

Abstract. The article focuses on the description and study of communicative and pragmatic features of the variant forms of the German proverb Ohne Fleiß kein Preis on the information and advertising portals of the German-speaking virtual space. Journalists and writers have always willingly used not only conventional, but also modified proverbs. The aim of the article is to describe ways of modifying the German proverb Ohne Fleiß kein Preis without changing its meaning and to present the specifics of the functioning of the variant forms in the media space of Germany, Austria and Switzerland. We refer to the transformed proverb without changing its semantic component as “variants” or “variant forms”. The theoretical part of the article describes the concept and linguistic features of virtual communication, as well as the types of modifications of proverbs without changing their semantics and the functions of variant forms of proverbs; the empirical part presents examples of the transformed form of the German proverb Ohne Fleiß kein Preis with a detailed description and contextual analysis of its pragmatic functions. In order to achieve the above-mentioned goal, we employ

© Шитикова А. В., 2023

the following methods: linguistic description (to identify quantitative and qualitative properties of the proverbial texts); distributional analysis (to study the proverbial environment); as well as the method of transformation analysis (to study the transformations and redistributions of language elements in the proverb). The scientific novelty of the research consists in the complex analysis of communicative and pragmatic potential of the variants of the proverb Ohne Fleiß kein Preis in the German-language media space and their functioning in this system to achieve successful communication. As a result of the analysis the conclusion is made that the proverb, the figurative basis of which is the theme of "work, diligence" does not lose its relevance in the modern world even when it is transferred to the new conditions of virtual communication, and the types of its modifications are popular not only among professional journalists, but also among the authors of information, advertising notes and blogs.

Keywords: proverb, variants of proverb, media space, virtual communication, functional features, communicative and pragmatic aspect, German language.

For citation: Shitikova A. V. Pragmatic aspect of the variant form of the German proverb in electronic communications of Germany, Austria, Switzerland. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 4(67):74–83. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.010.

Введение

На смену традиционной коммуникации пришла электронная, которая возможна благодаря различным технологиям и приборам, например телефонам, факсам, гаджетам, компьютерам, ноутбукам. Последние являются средством передачи информации при условии подключения их к интернету. Современный мир немыслим без интернета, который выступает площадкой «создания и трансляции информации» [Дзялошинский, 2015, с. 94], ее «гигантским хранилищем» [Нестеров, 2017], а также реализации нового вида коммуникации — виртуальной. Последняя определяется как форма «общения между людьми, осуществляемая посредством информационных технологий на удаленных расстояниях» [Баева, 2015, с. 97]. Особыми характеристиками информационно-виртуальной коммуникации являются: «глобальный характер, самоорганизующаяся сетевая форма, спонтанно-формируемый разнородный контент, одновременное участие множества субъектов общения, безличность, возможность анонимного взаимодействия, сосуществование реальных межличностных связей и искусственных симулякровых (номинальных) отношений» [Болотнова, 2009, с. 97]. Интернет обозначается как открытое сообщество, где отсутствует реальный адресат, то есть получателя информации практически всегда невозможно установить. Однако, создавая личную страницу или коммерческий сайт, можно предположить состав целевой аудитории, для которой размещенная на порталах информация будет интересна. Поэтому, следуя определенным законам виртуальной коммуникации, авторы или заказчики вики (англ. *Wiki*), то есть веб-сайтов, следят в том числе и за их лингвистическим наполнением. И в данном случае речь идет об электронном дискурсе как связном тексте [Кузнецова, 2022, с. 4024] или интернет-дискурсе, который является частью виртуального дискурса и особым местом реализации языка [Гончаренко, 2012]. Цель статьи заключается в комплексном описании и анализе форм модификации немецкой пословицы *Ohne Fleiß kein Preis*, а также специфики функционирования ее вариантной формы в немецкоязычной системе электронной коммуникации. Для достижения заданной цели в теоретической части освещены проблемы общей и электронной коммуникации [Болотнова, 2009 ; Атарщикова, 2017 ; Первушина, 2017 ; Шаброва, 2017], описываны основные способы модифицирования пословиц [Вальтер, Мокиенко, 2005 ; Жуков, 2006 ; Ефимова, 2009 ; Mieder, 2004], а также представлены особенности функционирования пословиц в статьях, рекламных текстах [Кунин, 1996 ; Шитикова, 2020]. Для достижения поставленной цели использованы методы: лингвистического описания для выявления количественных и качественных свойств пословичных текстов; дистрибутивного анализа, с помощью которого изучается околопословичное окружение; трансформационного анализа для исследования преобразований и перераспределений языковых элементов в пословице; статистической обработки и обобщения полученных данных.

Материалом исследования послужили также статьи, информационные и рекламные заметки на сайтах немецкоязычных компаний, занимающихся разными видами деятельности. Материал был отобран методом сплошной выборки из интернета. В качестве эмпирического материала описаны и проанализированы 18 примеров использования вариантной формы немецкой пословицы *Ohne Fleiß kein Preis* из 27 обнаруженных в немецкоязычном медиапространстве.

Основная часть

Большинство средств коммуникации в интернете являются текстовыми. И, рассматривая текст как форму коммуникации [Болотнова, 2009, с. 227], необходимо выделить следующие его важные лингвистические характеристики: с одной стороны, четкое, но лаконичное выражение мысли; с другой стороны —

творческое. Поскольку в данном случае речь идет об однонаправленной коммуникации [Первушина, 2017, с. 60], адресат домысливает, додумывает, довоображает и допредставляет себе ее детали. Такой текст способен вызывать «эмоциональный отклик» [Устинова, Колкер, 2021, с. 41] реципиента.

Изменения в языке происходят вместе с изменениями в обществе, поэтому использование языка в новых условиях коммуникации вызывает у лингвистов «опасения по поводу состояния нормативного национального языка» [Баева, 2015].

Говоря о национальном языке, его нормах и стандартах, нужно вести речь и об одной из важнейших его составляющих: о народных мудростях — пословицах. Они существуют со времени возникновения языка: родились в народе, живут в народе, меняются вместе с ним; отражают традиции, историю, развитие народа. Пословицы часто употребляют журналисты для красного словца, экспрессивности и яркости представляемого образа. Чем образнее речь, тем она ярче, живее и тем сильнее воздействует на адресата [Атарщикова, 2017].

Как было сказано выше, электронный дискурс отличается своими особенностями: как правило, это краткое представление или передача информации. Казалось бы, пословицы как нельзя кстати подходят для реализации данной цели. Но, к сожалению, в последние десятилетия наблюдается некоторое снижение уровня грамотности человека в цивилизованном мире. Употребление пословиц в повседневном общении, особенно среди молодежи, — явление довольно редкое, оно стало признаком образованности. И тем необычнее и неожиданнее встречать пословицы в текстах виртуальной коммуникации.

Как показало исследование, пословицы присутствуют в основном не в социальных сетях, а в информационных заметках, статьях, интервью, рекламных текстах, а также в их заголовках и даже в блогах. И хотя пословицы обозначены как «устойчивые фразы, предложения, в которых ни субъект, ни предикат не варьируются» [Шаброва, 2017, с. 7], часто они появляются в модифицированном, то есть измененном виде. К модификациям относятся структурные, семантические и структурно-семантические преобразования. Модифицированные пословицы мы делим на варианты и трансформы. Вариантами мы обозначаем те формы пословицы, которые не влекут за собой изменение смысла паремии [Шитикова, 2020, с. 92]. К преобразованиям, с помощью которых получаются вариантно-модифицированные пословицы, относятся: редуцирование, экспликация, субституция, контаминация, аллюзия, изменение коммуникативной направленности, а также структурные трансформации, грамматические и морфологические модификации.

Ломка структуры обычно касается изменения синтаксической части пословицы: повествовательное предложение становится сложноподчиненным с придаточным определительным; придаточное предложение становится причастием, и наоборот. Например, *Stille Wasser sind tief* (досл. ‘Тихие воды глубоки’; эквивалент: в тихом омуте черти водятся) — *Stille Wasser, die sind tief* [Paola (2)] (досл. ‘Тихие воды, они глубоки’), или *Hunde, die bellen, beißen nicht* (досл. ‘Собаки, которые лают, не кусаются’) — *Bellende Hunde beißen nicht* [Bellende Hunde beißen nicht] (досл. ‘Лающие собаки не кусаются’).

Ломка структуры пословичного текста является ярким средством выражения мысли и подачи информации. Такая преобразованная пословица, реализуя не только экспрессивную, но и аппелятивную функцию, или функцию актенцуации, сразу же привлекает внимание читателя.

Редуцированию, или усечению, как правило, подвергаются длинные, многокомпонентные, сложносочиненные предложения. Также автор может сокращать один или несколько элементов пословичного текста. Например: *Reden ist Silber, Schweigen ist Gold* (досл. ‘Слово — серебро, молчание — золото’) — *Schweigen ist Gold* [Schweigen ist Gold].

Пословица в сокращtнном виде повышает экспрессивность выражения, эксплицирует оценку действия или события. Часто оценка может быть негативной.

Субституция — это расширение пословичного текста дополнительными элементами. Например: *Aller Anfang ist schwer* (досл. ‘Всякое начало сложное’) — *Aller* ***Neu****anfang ist schwer* [Aller Neuanfang ist schwer] (досл. ‘Всякое *новое* начало сложное’); *Jeder ist seines Glückes Schmied* (досл. ‘Каждый кузнец своего счастья’) — *Jeder* ***selbst*** *ist seines Glückes Schmied* [Jeder selbst ist seines …] (досл. ‘Каждый *сам* кузнец своего счастья’). Дополнительные компоненты точнее описывают ситуацию, явление или субъект, представленный вариантной пословицей в контексте, что способствует часто усилению, смягчению или ослаблению смысла пословичного текста.

Субституцией [Жуков, 2006, с. 22] называется замена одного или нескольких пословичных элементов синонимичными или на слова свободного употребления, но не на слова, противоположные по смыслу. Синонимичные слова могут относиться к разным стилистическим полям. Замена может происходить с сохранением структуры первоначального текста или с ее ломкой. Например: *Alle Wege führen nach Rom* (‘Все дороги ведут в Рим’) — *Viele Wege führen nach Rom* [Viele Wege führen nach Rom] (‘Многие дороги ведут в Рим’).

Грамматические и морфологические модификации затрагивают, как правило, части субстантивного, адъективного или глагольного элемента пословицы с сохранением или ломкой ее структуры. Например: *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm* (‘Яблоко от яблони недалеко падает’) — *Der Apfel fiel nicht weit vom Stamm* [Der Apfel fiel nicht weit vom Stamm] (досл. ‘Яблоко упало недалеко от яблони’).

Одним из видов субституции является контаминация, то есть наложение или объединение двух и более пословиц, которые могут быть разными не только по значению, но и по структуре. Такое смешение стилей вполне соответствует «языковому духу нашего времени», когда классическое, традиционное смешивается с нетрадиционным [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 13].

Подобные виды модификации авторы используют для конкретизации ситуации или явления, описанного в пословице. Или такой прием может выражать субъективное отношение автора к происходящему, описанному в пословице, представленной в контексте.

По цели высказывания пословицы, как правило, — повествовательные предложения, реже — побудительные. Изменение коммуникативной направленности пословичного текста, а именно употребление его в виде восклицательного предложения, делает пословицу эмоционально-экспрессивной, привлекает внимание к высказыванию и побуждает к действию. Например: *Alte Liebe rostet nicht* (‘Старая любовь не ржавеет’) — *Alte Liebe rostet nicht!* [Alte Liebe rostet nicht!].

Функции как оригинальных, так и модифицированных пословиц зависят не только от наполняемости последних, но и от их локации в статье или контексте.

Так, в заголовке, лиде или первой части паремии реализуются прогностическая, антиципирующая или селективная функции; в корпусе — комментирующая, кумулятивная, аксиологическая; в кульминационной части — резюмирующая, подтверждающая. При появлении пословицы несколько раз в разных частях статьи актуализируется текстообразующая функция.

В статье рассматриваются прагматические особенности немецкой пословицы *Ohne Fleiß kein Preis* в структурно-модифицированной форме (без изменения семантики) в немецкоязычной виртуальной системе коммуникации Германии, Австрии и Швейцарии. Буквально она переводится ‘Без прилежания нет приза’. В словаре Duden *Redewendungen* представлено такое значение: чтобы чего-то достичь, надо приложить усилия [Duden, 2013, S. 225]. Эквивалент в русском языке — без труда не вытащишь рыбку из пруда. На информационно-рекламных порталах, на сайтах немецких, австрийских и швейцарских компаний, работающих в области спорта, образования, строительства, финансов, литературы, повседневной жизни и т. д., пословица обнаружена как в оригинальной, так и в модифицированной форме, в вариантном виде — 27 раз: 9 раз — как часть сложного предложения, 11 раз — в модифицированном виде (со структурными и грамматическими изменениями), 7 раз — с изменением коммуникативной направленности (в побудительных предложениях).

Самыми частотными способами образования вариантной формы пословицы являются ее структурные и грамматические изменения, например субституция. Расширенный вариант пословицы *Ohne Fleiß kein Preis 7b+* [Ohne Fleiß kein Preis 7b+] обнаружен на сайте австрийской туристической компании под фото, на котором изображена скала в долине *Циллерталь* (Австрия, Южный Тироль). Обозначение 7b+ говорит о сложности маршрута в скалолазании. То есть имплицитное употребление пословицы в расширенном варианте говорит о том, что необходимы труд и прилежание, чтобы пройти маршрут такой сложности.

Девять раз в расширенном виде пословица употребляется как часть заголовка, первая или вторая. Например, на сайте спортивного гандбольного клуба города Везель (Северный Рейн-Вестфалия) статья о второй победе детской команды мальчиков называется *Ohne Fleiß kein Preis — der zweite Sieg* [Ohne Fleiß kein Preis — der zweite Sieg] (досл. ‘Без труда не вытащишь рыбку из пруда — вторая победа’). Она начинается с пословицы, которую автор интерпретирует как вклад в копилку побед тренера, то есть победа — это совместная заслуга команды и тренера. Заголовок состоит из двух частей, и первая, и вторая сразу обозначают тему статьи: трудолюбие и как достигнутый усердием результат — вторая победа. Таким образом автор «убивает двух зайцев»: сообщает сразу две тематики статьи, одна из которых — приложение усилий для достижения результата.

На сайте ремесленной палаты Магдебурга (Саксония-Ангальт) размещена заметка *Ohne Fleiß kein Preis — Friseurmeisterin Nicole Elsholz* [Ohne Fleiß kein Preis — Friseurmeisterin Nicole Elsholz] (досл. ‘Без труда не вытащишь рыбку из пруда — парикмахер Николь Эльсхольц’) о многочисленных победах и призах парикмахера Николь Эльсхольц не только в земле Саксен-Анхальта, но и на федеральном уровне. Как подтверждение правильности высказывания в заголовке, то есть теме статьи, пословица также появляется в ее корпусе в словах героини, которая говорит, что всегда много работала. Кроме антиципирующей и кумулятивной функций в данном случае реализуется текстообразующая.

Вторым по частотности способом модифицирования пословицы является изменение ее коммуникативной направленности, реализация ее в побудительном предложении. Это не только привлекает внимание читателя (адресанта), но как бы побуждает к действию: необходимо постараться, чтобы получить желаемое. *Ohne Fleiß kein Preis!* [Ohne Fleiß kein Preis!, б] — так называется статья на сайте музыкальной школы баварского города Марктредвицера. По решению правительства Баварии все четыре ученика этой школы заняли первое место в региональном конкурсе «Молодежная музыка», который проходил в выходные в городе Вунзидель. Слова *Fleiß* и *Preis* употребляются также в корпусе статьи, подчеркивая важность такого качества, как трудолюбие, для достижения желаемого результата: как известно, призу предшествует большая работа (и ряд других важных составляющих). Употребление пословицы в побудительном предложении имеет двойной смысл: во-первых, еще раз подчеркивает правильность мысли, выраженной в народной мудрости; во-вторых, как бы побуждает к действию: старайтесь, трудитесь и получите вознаграждение, первый приз, в данном контексте — первое место.

На сайте фитнес-клуба города Вюрзелена (Северный Рейн-Вестфалия) размещено объявление рекламного характера с заголовком *Ohne Fleiß kein Preis!* [Ohne Fleiß kein Preis!, в]. Автор призывает записываться на новый фитнес-курс, собирать баллы за тренировки и получать за это призы. Действительно, чтобы получить вознаграждение, надо приложить в данном случае физические усилия — тренироваться.

На сайте *Deutschlandfunk*, немецкой общественной информационной, общественно-политической, культурно-просветительской радиостанции, в статье *Ohne Fleiß kein Preis* [Ohne Fleiß kein Preis] пословица с восклицательным знаком появляется в корпусе статьи. Речь идет о работе для беженцев. О себе рассказывает 21-летний Абулла из Афганистана, который бежал со своей семьей от талибов в 12 лет. 9 лет учебы и работы в Германии привели к неплохому положению и заработку — *„Ohne Fleiß kein Preis!“*. Как и в предыдущих случаях, когда пословица в статье появляется не один раз, кроме антиципирующей и кумулятивной функций в заголовке реализуется также текстообразующая. А восклицательный знак в конце пословицы в данном контексте выражает не только экспрессивность и эмоциональность высказывания, но и подтверждает все вышеизложенное.

На сайте австрийского города Инсбрук, посвященном воспоминаниям о прошлом, в статье *Ohne Fleiß kein Preis!* [Ohne Fleiß kein Preis!, а] представлены открытки с тематикой „Fleiß“ — так называемые похвальные открытки или грамоты. В городском архиве хранится коллекция, состоящая из 200 штук, датированная годами с 1880-го по 1950-й. В данном случае употребление пословицы в побудительном предложении привлекает внимание к статье.

Третьим наиболее частотным способом изменения пословицы является замена одного или нескольких компонентов. Так, например, на сайте университета Тюбингена (Баден-Вюртемберг) в объявлении о проведении коллоквиума по философии фраза *vom Fleiß zum Preis* [vom Fleiß zum Preis] (досл. ‘от прилежания к призу’) названа формулой, которая не всегда работает в жизни. Данное словосочетание образовано заменой двух компонентов — предлога *ohne* (без) на предлог *von* (от) с добавлением артикля в дательном падеже *dem (vom)* и отрицания *kein* на предлог *zu* (к) с добавлением артикля в дательном падеже *dem (zum)*. Употребление предлогов *от* и *к* указывает на направление движения или действий — от прилежания к призу, что подтверждает смысл пословицы. Однако пословица носит нравоучительный характер, а данное высказывание с употреблением ключевых компонентов пословицы выполняет информативно-констатирующую функцию. Примечательно, что в статье пословица появляется три раза: в заголовке — со знаком вопроса, в начале — в оригинальном виде и в корпусе — в виде перифраза. Такой прием позволяет автору акцентировать внимание на главной составляющей успеха — усердии, делая при этом речь живой, образной, но в то же время и понятной благодаря прецедентному пословичному тексту.

Два раза в виртуальном пространстве пословица появляется в виде варианта *Mit Fleiß zum Preis*: на сайте Краних-гимназии в городе Зальцгиттере (Нижняя Саксония) в названии статьи *Mit Fleiß zum Preis* [Mit Fleiß zum Preis, а] (досл. ‘С прилежанием к призу’), которая рассказывает о трудолюбии, мотивации и, как результат, высоких достижениях учеников гимназии; второй раз — на сайте немецкой теле- и радиокомпании *ARD Mit Fleiß zum Preis* [Mit Fleiß zum Preis, б]. Так называется передача, в которой речь идет о профессионалах по выигрышам, которые с помощью уловок и хитростей способны преуспеть. Вариант пословицы образован заменой двух компонентов: предлога *ohne* (без) на противоположный по смыслу *mit* (с) и отрицания *kein* на предлог *zu* (*к*) с добавлением артикля в дательном падеже *dem (zum)*. При этом первоначальный смысл пословицы не изменился. Двойное отрицание в пословичном предложении дает положительный смысл, и замена двух отрицательных компонентов привела к небольшому нюансу в оригинальном тексте: движение от прилежания к результату — вознаграждению.

Примечательно, что вышеуказанный вариант, который расширен при помощи еще одного субстантивного компонента, обнаружен на сайте некоммерческой консалтинговой компании *co2online gGmbH* (Берлин), выступающей за сокращение выбросов углекислого газа. Статья *Mit Glück und Fleiß*

zum Preis [Mit Glück und Fleiß zum Preis] (досл. ‘С удачей и прилежанием к призу’) рассказывает о различных кампаниях и акциях, призванных побудить домашние хозяйства сократить потребление энергии. Так, например, в настоящее время объявлена награда в 1 500 евро за победу в акции «Пользователи вербуют пользователей». Тот, с чьей помощью зарегистрируется больше пользователей сайта, получит приз. В данном выражении речь может идти о таком приеме, как аллюзия. Как и в предыдущем примере, два ключевых компонента известной пословицы отсылают читателя к принципу достижения результата усердием и трудолюбием. Однако данный пример расширяется двумя элементами: существительным *Glück* (‘счастье, удача’) и союзом *und* (и). То есть чтобы получить вознаграждение, надо не только много трудиться, но и быть удачливым, попытаться привлечь на свою сторону как можно больше пользователей сайта.

Об аллюзии может идти речь и в следующих трех примерах. Статья на сайте фирмы *BASF Ausgezeichnet: Mit dem Fleiß kommt auch der Preis* [Mit dem Fleiß kommt auch der Preis] (досл. ‘Награждены: с прилежанием приходит также приз’) повествует о том, что в культурном доме концерна фонд имени Демеля наградил стипендией в 500 евро в течение шести семестров четырех абитуриентов региона за высокие достижения. О пословице напоминают два ее ключевых субстантивных компонента *Fleiß* и *Preis,* которые употребляются с определенным артиклем, что указывает на прилежание, которое приводит к вполне определенному вознаграждению — финансовому. Два этих элемента связаны глаголом *kommt* (‘приходит’). Он указывает на прямое движение от трудолюбия к призу и еще раз подчеркивает правильность первоначального высказывания в пословице: чтобы что-то получить, надо потрудиться.

Второй пример представлен на сайте спортивного общества швейцарского города Золотурна в статье *Trainings-Fleiss-Preis 2019* [Trainings-Fleiss-Preis 2019] (досл. ‘Тренировки-прилежание — приз 2019’), которая рассказывает о награждении за спортивные тренировки по семи возрастным категориям. Вариант образован при помощи, с одной стороны, усечения первого и третьего компонентов — предлога и отрицания; с другой стороны, добавления существительного *Trainings* (‘тренировки’). Смысл пословицы не изменился, но за счет дополнительного субстантивного компонента уточняется контекст: приз положен за усердные тренировки.

Еще один пример аллюзии обнаружен на австрийском сайте института по содействию в трудоустройстве, исследующем состояние рынка труда. Статья *Preis für Fleiß* [Preis für Fleiß] (досл. ‘Приз за усердие’) рассказывает о юных победителях тематического конкурса *WORK&ME 2016*, которые за свои усилия получили награду. Несмотря на изменения известной пословицы, она узнается по двум ключевым компонентам *Preis* и *Fleiß*. Но в модифицированном варианте эти два элемента поменялись местами, сократилось сопровождающее существительное *Preis* отрицание *kein*, предлог ohne заменился на предлог *für* (за). Смысловое содержание пословичного высказывания при этом не изменилось: приз получен за усердие. Слово *Preis* стоит в названии на первом месте и является темой статьи. Так что присутствует интрига: какой именно приз получили победители за призовые места. Читатель узнает это, прочитав статью.

Интересен похожий, но грамматико-семантически «расширенный» пример аллюзии *Einen Preis für den Fleiß*. В немецком языке существительные употребляются с артиклем, определенным или неопределенным, который несет также и смысловую нагрузку: способствует коммуникативному членению предложения, то есть помогает отделять новое, незнакомое (рему) от старого, знакомого (темы) [Шендельс, 1979, с. 170]. Таким образом, определенный артикль в заголовке статьи *Einen Preis für den Fleiß* [Einen Preis für den Fleiß] (досл. ‘Один приз за то самое усердие’) на сайте порта в городе Брейке (Нижняя Саксония) означает, что приложенные (определенные) усилия по оборудованию здания филиала порта вознаграждены неким призом. Каким, читатель узнает из статьи. Неопределенный артикль *Einen* перед словом *Preis* употребляется в винительном падеже. Таким образом, можно мысленно продолжить идею, заложенную в данном высказывании: получили/завоевали некий приз за приложенные усилия.

Базовой составляющей пословицы является усердие, поэтому основа всех заметок с заголовком вариантной пословицы — трудолюбие, которое приводит к призу (вознаграждению). Это касается не только работы, а многих сфер жизни, бытования человека. Тематика статей с использованием вариантных форм пословицы разнообразна: спорт (фитнес, гандбол, футбол, боевые искусства, конный спорт), хобби (фото, коллекционирование открыток), музыка, путешествия, психология, образование.

Заключение

Таким образом, сделаны выводы о том, что:

1. Изменения в мире, в обществе, культуре, экономике, политике находят отражение в языке. И хотя пословицы являются устойчивыми предложениями, они меняются вместе с современными тенденциями, удовлетворяя запросы современного обществах не только в новых формах языкового выражения,

но и в активных действиях. Тема пословицы *Ohne Fleiß kein Preis* ‘труд, трудолюбие, усердие’ актуальна во все времена, поэтому она часто используется авторами в системе виртуальной коммуникации не только в оригинальном, но и в измененном, вариантном виде. Самыми частотными способами образования новых форм пословицы являются структурные модификации, экспликация, грамматические и морфологические модификации, аллюзия, изменение коммуникативной направленности. Такая преобразованная пословица привлекает внимание адресанта, побуждает к действию: задуматься над ситуацией или явлением, проанализировать и даже, возможно, что-то предпринять, то есть в прямом смысле активно отреагировать на полученную информацию.

2. На просторах интернета пословица *Ohne Fleiß kein Preis* в вариантной форме обнаружена 27 раз только в заголовках заметок, статей, интервью, блогов на информационно-рекламных порталах, на сайтах немецких, австрийских и швейцарских компаний, работающих в разных сферах. Хотя каждый раз пословица реализует свою полифункциональность, она всегда является эмоциональным, экспрессивно окрашенным языковым средством, независимо от вида модификации. И поскольку пословица *Ohne Fleiß kein Preis* в вариантной форме появляется практически только в заголовках, контекстуально и ситуативно актуализируются прогностическая, антиципирующая, кумулятивная функции, а при употреблении ее несколько раз в статье — текстообразующая.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении прагматического потенциала модифицированной формы пословицы с изменением ее семантики.

Список источников

1. Атарщикова Т. Н. Фразеологизмы как средство активизации речевой деятельности. — URL: https://moluch.ru/archive/156/44297/ (дата обращения: 28.08.2023).

2. Баева Л. В. Виртуальная коммуникация: особенности и этические принципы // Философские науки. — 2015. — № 10. — С. 94–110. — URL: https://www.phisci.info/jour/article/view/612 (дата обращения: 28.09.2023).

3. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста : слов.-тезаурус. — М. : Флинта : Наука, 2009. — 384 с.

4. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. — СПб. : Нева, 2005. — 574 с.

5. Гончаренко А. Б. Виртуальная языковая среда и ее особенности. — URL : https://research-journal.org/archive/7-6-2012-november/virtualnaya-yazykovaya-sreda-i-ee-osobennosti (дата обращения: 22.08.2023).

6. Дзялошинский И. М. Современное медиапространство России : учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2015. — 312 с.

7. Ефимова С. В. Типы индивидуально-авторских трансформаций пословиц и поговорок // Альманах современной науки и образования. — 2009. — № 2 (21), ч. I. — С. 51–53. — URL : https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2009_2-1_18.pdf (дата обращения: 20.08.2023).

8. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология. — М. : Высш. шк., 2006. — 408 с.

9. Кузнецова А. В. Прецедентность в ироническом художественном дискурсе: функционально-прагматический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Вып. 12 (15). — С. 4023–4028.

10. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. — М. : Высш. шк. ; Дубна : Феникс, 1996. — 381 с.

11. Нестеров В. Ю. К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете. — URL : https://cyberpsy.ru/articles/emotions_internet_communication/ (дата обращения: 18.09.2023).

12. Первушина В. Н., Савушкин Л. М. Особенности коммуникации в киберпространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Философия». — 2017. — № 1. — С. 59–71.

13. Устинова Е. С., Колкер Я. М. Активация когнитивно-коммуникативной иноязычной деятельности за счет эмотивного «прожектора» // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. — 2021. — № 4 (36) — С. 39–54.

14. Шаброва Л. Е. Виртуальная коммуникация современного информационного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Философские науки». — 2017. — № 4. — С. 86–92. — DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-86-92 .

15. Шендельс Е. И. Практическая грамматика немецкого языка : учеб. — М. : Высш. шк., 1979. — 397 с.

16. Шитикова А. В. Модифицированный аспект немецких пословиц в публицистическом дискурсе // Иностранные языки в школе. — 2020. — № 11. — С. 88–93.

17. Aller Neuanfang ist schwer // SPD Thüringen. — URL : https://www.spd-thueringen.de/wir/ (дата обращения: 25.08.2023).

18. Alte Liebe rostet nicht! // Karl Deschberger. — URL : https://www.deschberger-landtechnik.at/alte-liebe-rostet-nicht/ (дата обращения: 29.08.2023)

19. Bellende Hunde beißen nicht // WZB. — URL : https://www.wzb.eu/de/node/69450 (дата обращения: 24.08.2023).

20. Der Apfel fiel nicht weit vom Stamm // Hamburger Abendblatt. — URL : https://www.abendblatt.de/hamburg/article215228741/Katharina-von-Ehren-Der-Apfel-fiel-nicht-weit-vom-Stamm.html (дата обращения: 29.08.2023).

21. Duden. Redewendungen : Wörterbuch der deutschen Idiomatik. — Bd. 11 / Hrsg. von der Dudenredaktion. — Berlin : Dudenverlag, 2013. — 929 S.

22. Einen Preis für den Fleiß // Niedersachsen Ports. — URL : https://www.nports.de/aktuelles-presse/pressemitteilungen/artikel/news/einen-preis-fuer-den-fleiss/ (дата обращения: 24.08.2023).

23. Jeder selbst ist seines Glückes Schmied Märchen Wirkstatt. — URL : https://www.maerchenwirkstatt.de/files/Jeder-selbst-ist-seines-Glueckes-Schmied.pdf (дата обращения: 28.08.2023).

24. Mieder W. Proverbs: A Handbook. — Westport ; Connecticut : Greenwood Press, 2004. — 305 p.

25. Mit dem Fleiß kommt auch der Preis // BASF. — URL : clck.ru/36onMH (дата обращения: 20.08.2023).

26. Mit Fleiß zum Preis // Kranich-Gymnasium. — URL : https://homepage.kranichgymnasium.de/mit-fleiss-zum-preis/ (дата обращения: 15.08.2023), а.

27. Mit Fleiß zum Preis // programm.ARD.de. — URL : https://programm.ard.de/TV/Programm/Alle-Sender/?sendung=2872114808649814 (дата обращения: 25.09.2023), б.

28. Mit Glück und Fleiß zum Preis // co2online. — URL : https://www.co2online.de/service/news/beitrag/mit-glueck-und-fleiss-zum-preis-5186/ (дата обращения: 12.08.2023).

29. Ohne Fleiß kein Preis // Deutschlandfunk. — URL : https://www.deutschlandfunk.de/arbeit-fuer-fluechtlinge-ohne-fleiss-kein-preis-100.html (дата обращения: 02.08.2023).

30. Ohne Fleiß kein Preis! // Inns´bruck. — URL : https://innsbruck-erinnert.at/ohne-fleiss-kein-preis-teil-2/ (дата обращения: 13.09.2023), а.

31. Ohne Fleiß kein Preis! // Städtische Sing- und Musikschule Marktredwitz. — URL : https://www.musikschule-marktredwitz.de/content/ohne-flei%C3%9F-kein-preis (дата обращения: 2.09.2023), б.

32. Ohne Fleiß kein Preis! // World of Fitness. — URL : https://www.wof-fitness.de/ohne-fleiss-kein-preis-/ (дата обращения: 02.08.2023), в.

33. Ohne Fleiß kein Preis — der zweite Sieg // Handballinwese. — URL : https://hsg.handballinwesel.de/2018/11/ohne-fleiss-kein-preis-der-zweite-sieg/ (дата обращения: 20.08.2023).

34. Ohne Fleiß kein Preis — Friseurmeisterin Nicole Elsholz // Handwerkskammer Magdeburg. — URL : https://www.hwk-magdeburg.de/artikel/ohne-fleiss-kein-preis-friseurmeisterin-nicole-elsholz-16,1225,2697.html (дата обращения: 20.08.2023).

35. Ohne Fleiß kein Preis 7b+ // Vertical Life. — URL : https://www.vertical-life.info/en/outdoor/tyrol/zillertal/furstein/ohne-fleiss-kein-preis (дата обращения: 27.08.2023).

36. Paola (2) — Stille Wasser, Die Sind Tief // Discogs. — URL : https://www.discogs.com/release/3860568-Paola-Stille-Wasser-Die-Sind-Tief (дата обращения: 28.08.2023).

37. Preis für Fleiß // AFIIPL. — URL : https://afi-ipl.org/veroeffentlichungen/preis-fuer-fleiss/ (дата обращения: 28.08.2023).

38. Schweigen ist Gold // mumok. — URL : https://www.mumok.at/de/schweigen-ist-gold (дата обращения: 23.08.2023).

39. Trainings-Fleiss-Preis 2019 // Turnverein Kaufleute Solothurn. — URL : https://www.nports.de/aktuelles-presse/pressemitteilungen/artikel/news/einen-preis-fuer-den-fleiss/ (дата обращения: 25.08.2023).

40. Viele Wege führen nach Rom // Organisationsberatung Dr.in Monika Udeani. — URL : https://www.organisationsberatung-udeani.at/viele-wege-fuehren-nach-rom (дата обращения: 28.08.2023).

41. vom Fleiß zum Preis // Eberhard Karls Universität Tübingen. — URL : clck.ru/36onDP (дата обращения: 17.08.2023).

References

1. Atarshchikova T. N. *Frazeologizmy kak sredstvo aktivizatsii rechevoy deyatel'nosti* [Phraseological expressions as a means of activating speech activity]. Available at: https://moluch.ru/archive/156/44297/ (accessed 28.08.2023). (In Russian).

2. Baeva L. V. Virtual communication: characteristics and ethical principles. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 2015, no. 10, pp. 94–110. Available at: https://www.phisci.info/jour/article/view/612 (accessed 28.09.2023). (In Russian).

3. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaja stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative Text Stylistics: Dictionary Thesaurus]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009, 384 p. (In Russian).

4. Walter H., Mokienko V. M. *Antiposlovizy russkogo naroda* [Anti-proverbs of the Russian people]. St. Petersburg, Neva Publ., 2005, 574 p. (In Russian).

5. Goncharenko A. B. Virtual language environment and its peculiarities. Available at: https://research-journal.org/archive/7-6-2012-november/virtualnaya-yazykovaya-sreda-i-ee-osobennosti (accessed 22.08.2023). (In Russian).

6. Dzialoshinsky I. M. *Sovremennoe mediaprostranstvo Rossii: utschebnoe posobie* [Modern Media Space of Russia: textbook]. Moscow, Aspect Press Publ., 2015, 312 p. (In Russian).

7. Efimova S. V. Types of individual-author transformations of proverbs and sayings. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education]. 2009, vol. 1, no. 2 (21), pp. 51–53. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2009_2-1_18.pdf. (accessed 20.08.2023). (In Russian).

8. Zhukov V. P., Zhukov A. V. *Russkaja frazeologia* [Russian phraseology]. Moscow, Higher School Publ., 2006, 408 p. (In Russian).

9. Kuznetsova A. V. Precedence in ironic artistic discourse: functional and pragmatic aspect. *Filologitscheskie nauki. Voprosy teorii i priktiki* [Philological sciences. Questions of theoretics and practice]. 2022, no. 12 (15), pp. 4023–4028. (In Russian).

10. Kunin A. V. *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka* [Course of phraseology of modern English]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., Dubna, Phoenix Publ., 1996, 381 p. (In Russian).

11. Nesterov V. Yu. On the issue of the emotional richness of interpersonal communications on the Internet. Available at: https://cyberpsy.ru/articles/emotions_internet_communication/ (accessed 18.09.2023). (In Russian).

12. Pervushina V. N., Savushkin L. M. Features of communication in cyberspace. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Filosofiya"* [Voronezh State University Review. Ser. "Philosophy"]. 2017, no. 1, pp. 59–71. (In Russian).

13. Ustinova E. S., Kolker Ya. M. Intertextual catalyst for interpreting a text: emotional impact as fuel for cognition and interpretation. *Utschenye zapiski nazional'nogo obzhestva prikladnoj lingvistiki* [Proceedings of the national society of applied linguistics]. 2021, no. 4 (36), pp. 39–54. (In Russian).

14. Shabrova L. E. Virtual communication of modern information society. *Vestnik gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. "Filosofskiye nauki"* [Vestnik of Moscow State Regional University. Ser. "Philosophical Sciences"]. 2017, no. 4, pp. 86–92. DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-86-92.

15. Shendels E. I. *Praktitcheskaja grammatika nemezkogo yazyka: utscheb.* [Practical German grammar of German language. Textbook.] Moscow, High School Publ., 1979, 397 p. (In Russian).

16. Shitikova A. V. Modified aspect of German proverbs in publicist discourse. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages at school]. 2020, no. 11, pp. 88–93. (In Russian).

17. Aller Neuanfang ist schwer. *SPD Thüringen*. Available at: https://www.spd-thueringen.de/wir/ (accessed 25.08.2023).

18. Alte Liebe rostet nicht! *Karl Deschberger*. Available at: https://www.deschberger-landtechnik.at/alte-liebe-rostet-nicht/ (accessed 29.08.2023).

19. Bellende Hunde beißen nicht. *WZB*. Available at: https://www.wzb.eu/de/node/69450 (accessed 24.08.2023).

20. Der Apfel fiel nicht weit vom Stamm. *Hamburger Abendblatt*. Available at: https://www.abendblatt.de/hamburg/article215228741/Katharina-von-Ehren-Der-Apfel-fiel-nicht-weit-vom-Stamm.html (accessed 29.08.2023).

21. Duden. *Redewendungen*. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bd. 11. Hrsg. von der Dudenredaktion. Berlin, Dudenverlag, 2013, 929 S.

22. *Einen Preis für den Fleiß. Niedersachsen Ports*. Available at: https://www.nports.de/aktuelles-presse/pressemitteilungen/artikel/news/einen-preis-fuer-den-fleiss/ (accessed 24.08.2023).

23. *Jeder selbst ist seines Glückes Schmied Märchen Wirkstatt*. Available at: https://www.maerchenwirkstatt.de/files/Jeder-selbst-ist-seines-Glueckes-Schmied.pdf (accessed 28.08.2023).

24. Mieder W. *Proverbs: A Handbook*. Westport, Connecticut, Greenwood Press, 2004, 305 p.

25. Mit dem Fleiß kommt auch der Preis. *BASF*. Available at: clck.ru/36onMH (accessed 20.08.2023).

26. Mit Fleiß zum Preis. *Kranich-Gymnasium*. Available at: https://homepage.kranichgymnasium.de/mit-fleiss-zum-preis/ (accessed 15.08.2023), a.

27. Mit Fleiß zum Preis. *programm.ARD.de* Available at: https://programm.ard.de/TV/Programm/Alle-Sender/?sendung=2872114808649814 (accessed 25.09.2023), b.

28. Mit Glück und Fleiß zum Preis. *co2online*. Available at: https://www.co2online.de/service/news/beitrag/mit-glueck-und-fleiss-zum-preis-5186/ (accessed 12.08.2023).

29. Ohne Fleiß kein Preis. *Deutschlandfunk*. Available at: https://www.deutschlandfunk.de/arbeit-fuer-fluechtlinge-ohne-fleiss-kein-preis-100.html (accessed 02.08.2023).

30. Ohne Fleiß kein Preis! *Inns´bruck.* Available at: https://innsbruck-erinnert.at/ohne-fleiss-kein-preis-teil-2/ (accessed 13.09.2023), a.

31. Ohne Fleiß kein Preis! *Städtische Sing- und Musikschule Marktredwitz.* Available at: https://www.musikschule-marktredwitz.de/content/ohne-flei%C3%9F-kein-preis (accessed 02.09.2023), b.

32. Ohne Fleiß kein Preis! *World of Fitness*. Available at: https://www.wof-fitness.de/ohne-fleiss-kein-preis-/ (accessed 02.08.2023), c.

33. Ohne Fleiß kein Preis — der zweite Sieg. *Handballinwese*. Available at: https://hsg.handballinwesel.de/2018/11/ohne-fleiss-kein-preis-der-zweite-sieg/ (accessed 20.08.2023).

34. Ohne Fleiß kein Preis — Friseurmeisterin Nicole Elsholz. *Handwerkskammer Magdeburg*. Available at: https://www.hwk-magdeburg.de/artikel/ohne-fleiss-kein-preis-friseurmeisterin-nicole-elsholz-16,1225,2697.html (accessed 20.08.2023).

35. Ohne Fleiß kein Preis 7b+. *Vertical Life.* Available at: https://www.vertical-life.info/en/outdoor/tyrol/zillertal/furstein/ohne-fleiss-kein-preis (accessed 27.08.2023).

36. Paola (2) — Stille Wasser, Die Sind Tief. *Discogs*. Available at: https://www.discogs.com/release/3860568-Paola-Stille-Wasser-Die-Sind-Tief (accessed 28.08.2023).

37. *Preis für Fleiß. AFIIPL*. Available at: https://afi-ipl.org/veroeffentlichungen/preis-fuer-fleiss/ (accessed 28.08.2023).

38. Schweigen ist Gold. *Mumok.* Available at: https://www.mumok.at/de/schweigen-ist-gold (accessed 23.08.2023).

39. Trainings-*Fleiss-Preis 2019. Turnverein Kaufleute Solothurn*. Available at: https://www.nports.de/aktuelles-presse/pressemitteilungen/artikel/news/einen-preis-fuer-den-fleiss/ (accessed 25.08.2023).

40. Viele Wege führen nach Rom. *Organisations beratung Dr. in Monika Udeani*. Available at: https://www.organisationsberatung-udeani.at/viele-wege-fuehren-nach-rom (accessed 28.08.2023).

41. vom Fleiß zum Preis. *Eberhard Karls Universität Tübingen*. Available at: clck.ru/36onDP/ (accessed 17.08.2023).

Информация об авторе

Шитикова Анжелика Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений.

Information about the author

Shitikova, Anzhelika — candidate of philology, associate professor of the Department of German Language of the Moscow State Institute of International Relations.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023;
одобрена после рецензирования 24.10.2023;
принята к публикации 03.11.2023.

Submitted 17.10.2023;
approved after reviewing 24.10.2023;
accepted for publication 03.11.2023.

РАЗДЕЛ V

ПАМЯТИ ЯКОВА МОИСЕЕВИЧА КОЛКЕРА

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 84–92.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;4(67):84–92.

Научная статья
УДК 81’25 811.133.1 (81`373.23)
DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.011

Перевод поэзии как ремесло: основы переводческого кредо Я. М. Колкера

Елена Сергеевна Устинова
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
e.ustinova@365.rsu.edu.ru; e.ustinova.rsu@yandex.ru

Аннотация. Теперь, после ухода из жизни Я. М. Колкера, чей жизненный путь прервался за три недели до 85-летнего юбилея, время осмыслить значимость его вклада в теорию и практику поэтического перевода. Объект исследования — переводческое наследие Я. М. Колкера. Предмет исследования — суть его переводческого кредо как единство взаимосвязанных постулатов. Цель и новизна исследования: первая попытка выявить и обобщить некоторые существенные положения, эксплицитно озвученные в научных трудах Я. М. Колкера и реализованные в практике перевода поэзии, с тем чтобы созданная им школа перевода (формально так и не оформленная, но реально существующая) могла бы послужить приобщению студентов к постижению мастерства перевода поэзии. Методика исследования заключается в применении семного анализа при сопоставлении оригинала и перевода, в сопоставлении нескольких переводов по конкретным критериям адекватности, а также в сопоставлении переводческого кредо Мастера, как оно формулируется в его научных трудах по переводу поэзии и как проявляется в практике поэтического перевода на русский и английский язык. Результат исследования — попытка представить основные компоненты творческого кредо Я. М. Колкера не как набор требований к переводу поэзии, а как динамическую иерархию, где некоторые требования непреложны, а важность соблюдения других обусловлена поэтикой оригинала.

Ключевые слова: перевод поэзии, естественная эквивалентность, голос поэта, поэтическая функция, достоверность, потери и компенсации.

Для цитирования: Устинова Е. С. Перевод поэзии как ремесло: основы переводческого кредо Я. М. Колкера // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4 (67). С. 84–92. DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.011.

Original article

Translating poetry as a craft: The essence of Yakov Kolker’s creed as a translator

Elena S. Ustinova
Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
e.ustinova@365.rsu.edu.ru; e.ustinova.rsu@yandex.ru

Abstract. Now that Ya. M. Kolker has departed (three weeks before his 85th anniversary), it is time to discuss his contribution to the theory and practice of poetic translation. The object of the paper is Yakov Kolker’s literary heritage. The focus of the research is the essence of his creed as a translator of poetry. The aim and the originality of the paper consist in the first attempt to sum up his creed as it is voiced in his numerous research papers and traced in his translations. It is an attempt to show that Professor Kolker’s translation school, though never recognized officially, does exist and will, hopefully, continue. The methodology of research embraces: (a) semantic analysis when comparing the original and various translations; and (b) cross-genre comparative analysis of his theoretical postulates and their implementation in the creative act of translation. As the result, one can infer that the Master’s theoretical postulates are a hierarchy, rather than a list, and that some of the postulates should be treated as inviolable, whereas others, for all their importance, may be sacrificed to remain true to the poet’s voice.

Keywords: poetry translation, Yakov Kolker, natural equivalence, poet’s voice, poetic function, faithfulness, losses and compensations.

© Устинова Е. С., 2023

For citation: Ustinova E. S. Translating poetry as a craft: the essence of Yakov Kolker's creed as a translator. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 4(67):84–92. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.011.

…И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово.
А. А. Тарковский

Введение: несколько слов о Мастере

Как знать, зачем намечено Творцом,
Чтоб две любви мной овладели прочно…
Шекспир. Сонет 144
(пер. Я. М. Колкера)

Яков Моисеевич Колкер (23.10.1938 — 30.09.2023), с его достаточно скромным званием доцента, кандидата педагогических наук, был без преувеличения самой яркой личностью на факультете (в институте) иностранных языков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, куда он пришел неполных двадцати шести лет после окончания высших педагогических курсов при Московском государственном педагогическом институте иностранных языков имени М. Тореза (ныне — Московский государственный лингвистический университет). С 1965 года Яков Моисеевич последовательно внедрял, постепенно развивая, концепцию когнитивно-коммуникативного подхода к обучению, основанного на интеграции так называемых «аспектов»; ввел «планы-конспекты», обеспечивающие сотрудничество преподавателя и студента; обосновал типы взаимосвязей между заданиями, чтобы каждое задание (словно каждое слово в стихе!) стояло на нужном месте и было одновременно предсказуемым и неожиданным. Во многом Я. М. Колкер стал ниспровергателем привычной традиционной системы преподавания, когда грамматике обучал один преподаватель, разговорной речи — другой, «домашнему чтению» — третий, а за профессиональное владение языком никто не отвечал. Не отвергая возможность аспектизации, он обосновал и практиковал идею «аспектной комплексности», или «комплексной аспектности», то есть *интеграции* аспектов под углом зрения ведущего (целевого) аспекта на данном занятии.

На его лекции (по методике преподавания, по литературе, по теории перевода) нередко приходили студенты с других факультетов. На практических занятиях он развивал мышление студентов, потребность в саморазвитии, эстетический вкус — через приобщение к живописи, музыке, поэзии.

Помню, как Яков Моисеевич читал нам, студентам, наизусть стихи Камоэнса, Ронсара, Дю Белле, Бодлера в переводах В. В. Левика. Позже мы узнали, что у Вильгельма Вениаминовича он два года учился мастерству перевода поэзии во время учебы в Москве. Из-за преданности педагогической профессии молодой преподаватель на годы забросил перевод. И только в конце 80-х он осознал, что обе его привязанности — к преподаванию языка и к переводу — не только не мешают друг другу, а напротив, являются друг для друга взаимным источником вдохновения.

В переводах Я. М. Колкера зазвучали сонеты В. Шекспира, религиозная поэзия Дж. Донна, стихи Э. По, Р. Киплинга, Дж. Китса, «Избранное» Ф. И. Тютчева, сборник переводов отечественных поэтов XIX—XX веков. Он был очень требователен к себе, просил высказывать мнение о каждом новом переводе, многократно выверял и шлифовал каждый перевод. Если сравнить первое издание его переводов полного собрания сонетов Шекспира 2004 года и издание, вышедшее в 2019 году, то в последнем отредактировано не менее 15 сонетов.

В 2014 году вышла в свет монография «Поэзия и проза художественного перевода». Характерно, что это название сам Я. М. Колкер именовал по-английски *The Bread and Wine of Poetic Translation,* подразумевая, как нелегок труд переводчика поэзии и какую радость приносит творчество.

В последующих статьях и переводах многие его идеи получили дальнейшее развитие. Именно об этом речь пойдет далее.

Основная часть

О миссии переводчика

В сфере поэтического перевода, в отличие от методики преподавания иностранного языка, Я. М. Колкер никогда не был ниспровергателем, напротив, его понимание «естественной эквивалентности» согласуется с трактовкой адекватности, как ее воспринимал Ю. М. Лотман и его единомышленники: в переводе стихотворение должно производить на читателя впечатление, *аналогичное*

тому, которое производит на своего читателя оригинал. И все же есть постулаты, с которыми Яков Моисеевич никогда не мирился. Один из них гласит, что переводчик поэзии должен переводить только с иностранного языка на родной, а перевод с русского на иностранный язык следует предоставить иностранцам. Но как тогда быть с великолепной отечественной поэзией второй половины XX века, которая почти неизвестна зарубежному читателю? У России был Золотой век поэзии, Серебряный век, были и есть достойные наследники Серебряного века.

Отсюда — три важных составляющих кредо Я. М. Колкера как переводчика и наставника:

1. Право переводчика переводить не только на родной язык, но и на иностранный — право, заслуженное верным чувством слова.

2. Миссия переводчика — ознакомить зарубежных ценителей поэзии с российскими шедеврами нескольких последних десятилетий, дать возможность поэтам, которых, при всем их таланте, почти не знают за рубежом, заговорить на иностранном языке с сохранением голоса оригинала.

3. Переводчиком поэзии руководит не вдохновение, а мастерство. Оно достижимо, но приобретается постепенно и в результате упорного труда в изучении не только иностранного, но и родного языка.

О границе свободы переводчика в интерпретации оригинала

Задаваясь вопросом, призван ли переводчик перелагать содержание художественного текста или интерпретировать его, Я. М. Колкер уподобляет переводчика преподавателю: «Как и преподаватель иностранного языка, переводчик должен объяснять содержание художественного произведения — объяснять так, чтобы его поняли и вместе с тем почувствовали уникальность и таинственную, скрытую от всех, может быть даже и от самого автора, сущность оригинала» [Колкер, 2016а, с. 34]. Яков Моисеевич рассказывал, как во время приезда Роберта Фроста в Москву в 1962 году поклонники его поэзии расспрашивали гостя: «Ваше такое-то стихотворение — оно об этом? — Да, об этом. — А разве не о том-то? — Да, и об этом тоже. — А может быть, вот о чем? — Пожалуй, да». Философская поэзия (а Фрост философски осмыслял мир даже в самых, казалось бы, простых пейзажных зарисовках) всегда дает читателю (а значит, и переводчику) *право на трактовку смысла*, причем это *право иногда становится необходимостью*. Только, в отличие от преподавателя, переводчик трактует смысл оригинала не в комментариях, а в само́й ткани стиха. Право переводчика на интерпретацию стиха определяется смысловой емкостью поэзии, ее «мерцанием», когда стих, словно в калейдоскопе, являет разные грани смысла.

Сравним строфу из стихотворения С. А. Есенина «Мы теперь уходим понемногу» в оригинале и в двух переводах:

Много дум я на земле продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.
(цит. по: [Колкер, 2014а, с. 473])

«Про себя» может означать либо «молча», либо «о себе». Здесь необходимо устранить многозначность [Колкер, 2014а, с. 475].

Many thoughts in silence I've been thinking,
Many songs *I to myself* did write
And upon this earth grim and forbidding
I am glad I breathed and spent my life.
(Transl. Peter Tempest)

Lots of time I spent in meditation,
Sang myself in clear ringing songs.
To the Earth, still fit for habitation,
I was very happy to belong.
(пер. Я. М. Колкера; курсив наш. — *Е. У.*)

Питер Темпест трактует «про себя» как «самому себе», а Я. М. Колкер — как «о себе». Это случай неизбежного выбора. В третьей же строке П. Темпест *усиливает* образ «угрюмой» земли характеристикой "forbidding" ('неприветливая, недружелюбная'), хотя поэт счастлив тем, что «дышал и жил», «мял цветы, валялся на траве». Учитывая контекст, Я. М. Колкер *смягчает* эпитет «угрюмой» почти антонимической фразой "still fit for habitation". Два переводческих решения — явный пример инференции (вывод не столько о сути смысла, сколько о его оттенке, полутоне). Необходимость инференций, как показывает Я. М. Колкер на примере сонетов Шекспира, возникает чаще, чем необходимость устранения многозначности.

Так, в сонете 137 лирический герой упрекает Любовь, из-за которой его глаза все видят в искаженном свете:

Why should my heart think that a several plot, (здесь — “separate”)
Which my heart knows the wide world’s common place?
[Колкер, 2014а, с. 372]

Отвергая переводы со стилистическими погрешностями, Я. М. Колкер приводит три удачных варианта с функциональными заменами метафор, «равнозначных по текстуальному смыслу, тем более что метафора “common place” допускает вариативность трактовки»:

1) Зачем же сердце приняло трактир
За уголок уютный, безмятежный?
(А. Финкель)

2) Как сердцу моему проезжий двор
Казаться мог усадьбою счастливой?
(С. Я. Маршак)

3) Оно общинный выгон почему
Обязано считать владеньем частным?
(С. Степанов)
(цит. по: [Колкер, 2014а, с. 373])

Сам же Я. М. Колкер избирает прием иронии, столь же верный текстуально:

Зачем оно своей считает *крепость*,
Куда *любой допущен без помех*?
(курсив наш. — *Е. У.*) [Колкер, 2014а, с. 374]

Асимметричность языковых систем и уникальность семантики слов в тексте (в отличие от слова как единицы языка) означает неизбежность некоторых потерь в переводе по сравнению с оригиналом. Поэтому Я. М. Колкер всегда подчеркивал, следуя текстоцентрической теории семантики слова (см.: [Золян, 2013]), что посыл (message) художественного произведения создается всей совокупностью выразительных средств и что поэтому *потери можно восполнить, хотя и необязательно языковыми знаками того же уровня*.

Так, Хе Чжичжан, китайский поэт эпохи Тан, в стихотворении «Гимн Иве» уподобляет ветви ивы ниспадающим зеленым лентам, усиливая впечатление фонетически — не столько рифмой a-a-b-a (она обязательна), но и совпадением первого тона в финальных словах каждой строки: gāo, tāo, chū, dāo.

碧 玉 妆 成 一 树 高, 万条垂下绿丝绦。 不知细叶谁裁出, 二月春风似剪刀。	Bì yù zhuāng chéng yī shù *gāo*, wàn tiáo chuí xià lǜ sī *tāo*. Bù zhī xì yè shuí cái *chū*, èr yuè chūn fēng sì jiǎn *dāo*.

Поскольку тональное единство невозможно для не-тоновых языков, Я. М. Колкер компенсирует утрату с помощью внутренней рифмы и соблюдения цезуры внутри строки:

Нефритовые листья ивы ствол облекают на диво,
Шелковые ветви ивы у воды шелестят игриво,
Умелец — февральский ветер — вырезал тонкие листья эти,
Как же они красивы, зеленые листья ивы!
[Ван, Колкер, Устинова, Шань, Марьяновская, 2020, с. 117]

Яков Моисеевич нередко цитировал строки Поля Верлена: «Сначала — музыку созвучий! Дай легкий строй словам твоим, чтоб невесом, неуловим, дышал и таял стих певучий» (пер. В. В. Левика; цит. по: [Из европейской поэзии, 1967, с. 278]). Когда-то мне казался странным столь явный приоритет формы над содержанием, а позже пришло понимание, что *форма не только едина с содержанием, но и может претворяться в содержание*.

О цельности формосодержания: голос поэта и эстетическое сопереживание

Главную заповедь переводчика поэзии Я. М. Колкер формулировал как *«верность голосу поэта»* для достижения эффекта *«эстетического сопереживания»*. Голос поэта открывает в стихе «то, что находится за пределами слова. <…> Голос поэта — это его стиль, узнаваемый даже в относительно небольшом контексте. Голос поэта включает и звуковую аранжировку стиха, и единство содержания и отношения к нему» [Колкер, 2016б, с. 28].

Стих, как говорил Яков Моисеевич, должен «дышать», звучать *естественно* на языке перевода. «Для того, чтобы строка и строфа были “соразмерно-звучными”, поэзия полагается на паузу, которая организует стих — упорядочивая его логику, придавая строке “легкое дыхание”. И тогда стих становится поэзией» [Колкер, 2019, с. 72].

Он вспоминал, как в шестидесятых годах читал на еженедельных творческих встречах в Доме литераторов свои первые переводы с английского и как А. А. Тарковский его упрекнул: «Ваш стих бьет по ушам! Почему вы используете только мужские рифмы?» — «Но ведь именно так в оригинале!» — «Да, но вы-то переводите на русский! И перевод должен звучать по-русски». Этому наказу Я. М. Колкер следовал всю жизнь.

Его переводы религиозной поэзии Джона Донна скрупулезно воссоздают мысль поэта, но при этом Донн, в отличие от Шекспира, своего старшего современника, нередко тяжеловат для современного читателя. А у Колкера он зазвучал легко и музыкально, особенно в венке сонетов *La Corona*. Приводим отрывок из третьего сонета венка:

Nativity	Рождество
Immensity cloistered in thy dear womb, Now leaves his well-beloved imprisonment, There he hath made himself to his intent Weak enough, now into our world to come; But oh, for thee, for him, hath th’ inn no room? Yet lay him in this stall, and from the orient, Stars, and wisemen will travel to prevent Th’ effect of Herod’s jealous general doom. John Donne. La Corona	Она несет Вселенную во чреве. Настанет срок, и он покинет дом, Ребенок слабый, и она при нем, И нет для них жилища, кроме хлева. Они не слышат райского напева. Звезда взойдет, и в сумраке ночном Спешат волхвы, пренебрегая сном, Спасти дитя от Иродова гнева. (пер. Я. М. Колкера) [Джон Донн, 2022, с. 14–15]

В совокупности с соблюдением мелодии и ритма стиха, с адекватной передачей образной системы перевод вызывает эстетическое переживание, которое Я. М. Колкер предпочитает называть *эстетическим* ***со****переживанием,* приводя мысль М. М. Шарифа: «Чтобы судить о поэзии Данте, надо подняться до его уровня; мы не равны, но *в момент сопереживания мы духовно едины*» (курсив наш. — *Е. У.*) [Колкер, 2016б, с. 28].

Эстетическое сопереживание, таким образом, никак не связано с внешней «красивостью», которая иногда маскируется под истинную красоту. В концепции Я. М. Колкера оно неотъемлемо от *эмоционального переживания*. Эмотивность же поэзии обеспечивается ее *выразительностью.*

Выразительность, столь важная в художественном и особенно в поэтическом тексте не обязательно связана с оригинальностью тропов, с непредсказуемостью образов. Та выразительность, которая глубоко воздействует на эмоции читателя, чаще проявляется в сдержанности, в лаконичности языковых средств. Недаром одну из концептуально значимых для него научных статей последних лет Я. М. Колкер начинает с цитирования стихотворения А. Маклиша *ARS POETICA*:

A poem should be palpable and mute As a globed fruit… <…> A poem should be wordless As the flight of birds. Archibald MacLeish. *ARS POETICA*	Молчанье стихов можно слышать и слушать, Как покатую грушу. <…> Порхнет, бессловесный, из толщи страниц, Как стая птиц. (пер. Я. М. Колкера) [Колкер, Устинова, 2021, с. 34–35]

Финалом этого же стихотворения А. Маклиша (“A poem should not mean / But be” («В нем смысла нет / — он просто есть) Яков Моисеевич завершает статью о неявных проявлениях поэтической функции [Колкер, Устинова, 2021, с. 49]. В этом решении было большее, чем эффективный риторический прием — поэтическая «рамка» для теоретической статьи. Парадоксальность эпитетов “mute”, “wordless” («молчание стихов», «бессловесный») означает, что стихотворение, в силу синергии всех языковых уровней и текстоцентричной семантики лексики и синтаксиса, обладает гораздо большей смысловой емкостью, компрессией и многомерностью, нежели то же содержание, изложенное либо прозаическими средствами, либо поэтическими с изобилием фигур речи и высокопарной лексикой. Как ни парадоксально, именно сдержанность гораздо выразительнее, чем пафосная лексика. Сдержанная выразительность не чурается образности, но использует ее экономно.

Так, Шекспир завершает сонет 34 следующим двустишием:

Ah! but those tears are pearl which thy love sheds,
And they are rich and ransom all ill deeds.
[Шекспир В., 2019, с. 102].

В отличие от переводов, грешащих либо высокопарностью («перл бесценный» — М. Чайковский), либо избыточностью во имя рифмы («Но жемчугами слез *из милых глаз* / Твои грехи искуплены *тотчас*» — А. Кузнецов) (курсив наш. — *Е. У.*), перевод С. Я. Маршака естествен и выразителен:

Но слез твоих, жемчужных слез ручьи,
Как ливень, смыли все грехи твои!
[Шекспир У.]

В переводе Колкера выразительность усилена за счет большей эмотивности благодаря апозиопезису (обрыву фразы) и паузе внутри последней строки, что приблизило звучание стиха к устному высказыванию, полному нежности:

Но жемчуг слез, которым ты богата...
И я простил. Я принял эту плату.
[Шекспир В., 2019, с 103].

Об отказе от очевидных переводческих решений

Когда есть возможность почти буквального перевода (и нет опасности оказаться в ловушке «ложного друга переводчика»), ею грех не воспользоваться. И все же бывают переводческие ситуации, когда самый очевидный перевод не оптимален. Привожу два примера, когда Яков Моисеевич отказался от очевидного, казалось бы, перевода и мотивировал это решение.

Первый случай — стихотворение К. Симонова «Жди меня». Начальная строка «Жди меня, и я вернусь» буквально «напрашивается» на дословный перевод: “Wait for me, and I’ll come back (…and I’ll return)”. Отказ от буквализма переводчик объясняет тем, что «английский глагол “wait”, использованный в императиве, по своему значению чаще совпадает со значением “подожди”, а не “жди”. Добавим, что на английском языке первая строка ритмически звучит словно детская считалка. А переводчик видит в “жди” у Симонова “гомеровскую философию разлуки и возвращения”» [Колкер, 2014б, с. 54]. И принимает решение усилить звучание глагола паузой после “wait”:

Жди меня	Wait, in Spite of Fate and Doom
Жди меня, и я вернусь. Только очень жди, Жди, когда наводят грусть Желтые дожди, Жди, когда снега метут, Жди, когда жара, Жди, когда других не ждут, Позабыв вчера.	Wait, in spite of fate and doom — We shall meet again. Wait, in spite of dreary gloom Caused by drizzling rain. Wait in snowstorms and frost, Wait in scorching heat. They give soldiers up for lost… Wait! — And we shall meet. [Колкер, 2014б, с. 55]

Второй случай отказа от буквализма — перевод триптиха А. А. Тарковского «Жизнь, жизнь», где вторая часть начинается строками: «Живите в доме — и не рухнет дом» (цит. по: [Колкер, 2014а, с. 251]). Два перевода, обнаруженные в интернете, сохраняют повелительную конструкцию и используют антонимический перевод (вместо «не рухнет» — «устоит»), что позволяет точнее передать ритм строки:

1) Live in the house — then it will survive.
(пер. М. Журавель)

2) Live in the house — and the house will stand
(transl. Kitty Hunter-Blair)
[Tarkovsky]

Но переводчики не учитывают, что «русский язык с его прямой назидательностью может прозвучать слишком императивно. <…> Здесь необходимо начать с интралингвистического перевода, то есть парафраза: *“Дом должен быть обитаем, / должен быть домашним очагом, и тогда с ним ничего не случится, / и он будет служить поколениям”*. Это дает возможность разных переводческих решений, из которых выбирается то, что отвечает принципу единства формы и содержания (рифма, ритм, стилистический регистр и пр.)» [Колкер, 2014а, с. 257]. Иными словами, главное — в трактовке ключевого слова: дом не как здание, а как домашний очаг, как символ единства поколений. С учетом перечисленных требований у Якова Моисеевича вся вторая часть триптиха «Жизнь, жизнь» звучит так:

Живите в доме — и не рухнет дом. Я вызову любое из столетий, Войду в него и дом построю в нем. Вот почему со мною ваши дети И жены ваши за одним столом, — А стол один и прадеду и внуку: Грядущее свершается сейчас, И если я приподымаю руку, Все пять лучей останутся у вас. Я каждый день минувшего, как крепью, Ключицами своими подпирал, Измерил время землемерной цепью И сквозь него прошел, как сквозь Урал.	If home is home, intact it will remain, Same in the future as it’s been before. In every century it will be my domain, Your children break with me the bread of ancient lore And tread with me the old well-trodden lane…. The house is the same for fathers and for sons. The future is embedded in the past, The rays of light that from my fingers run Will shine for you and will forever last. The bygone days, exalted and sublime — I fastened them forever in my brain. I used my Jacob’s staff to measure time, And went through time as through a mountain chain. [Колкер, 2014а, с. 253, 258]

Вместо заключения

Попытаемся на примере приведенной части триптиха «Жизнь, жизнь» выяснить, что же переводчик Колкер считал нужным непременно передать, а какие аспекты «естественной эквивалентности» передавать желательно, но не столь обязательно.

Как видим, переводчик прибегает к синтаксической инверсии, чтобы усилить эмфазу первой строки о незыблемости Дома как символа единства поколений: нынешних, ушедших и будущих. Именно эта строка является ключевой. Сопоставляя строчки, можно заметить ряд отклонений от построчной эквивалентности. Так, в переводе нет фразы «дом построю в нем», поскольку в переводе Дом был, есть и будет (“In every century it will be my domain”). Русские строки 4 и 5 суммируются в четвертой строке перевода (преломление хлеба за одним столом, как повелось исстари), что позволяет переводчику в пятой строке метафорически подчеркнуть преемственность поколений (“And tread with me the old well-trodden lane”, где “lane” — одновременно и пространственный, и временной образ пути). Метафора «грядущее свершается сейчас» передана иной метафорой, аналогичной по философскому смыслу: “The future is embedded in the past” — «будущее встроено в прошлое», то есть уже потенциально существует в нем. Жаль, что в переводе не сохранилась чрезвычайно выразительная метафора «каждый день минувшего, как крепью, ключицами своими подпирал». Она представлена фразой “fastened them forever in my brain”. В глаголе “fastened” присутствует сема «крепь», но в оригинале ярче выражена мысль, что память о прошлом необходима для настоящего и будущего.

Таким образом, при всех заменах, добавлениях, опущениях, гдé же тот стержень, который обеспечивает текстуальную эквивалентность как аналогичность эмоционального переживания? Помимо

функциональной общности образной системы для переводчика было важно сохранить *голос* поэта, то есть *тон* поэтического повествования: приподнятый без патетики, иносказательный без загадочности. А верность тона поддерживают безукоризненно выдержанный ритм и сложная схема рифм, скрепляющих не только образную систему *внутри* отрывка, но и весь отрывок с предыдущей и завершающей частью триптиха. Фраза “intact it will remain” — ритмический и рифмический подхват завершения первой части: “my teeming bubbling seine”. В свою очередь, последняя строка отрывка (“And went through time as through a mountain chain”) связывает его рифмой, ритмом и смысловой преемственностью с началом завершающей части триптиха: “I chose the age that could my rush sustain”. Возникает синергия формы и содержания.

Так в научном и поэтическом наследии Якова Моисеевича Колкера теоретические положения (в этой статье освещенные далеко не полностью) и их реализация в практике перевода тоже «подпирают друг друга, как крепью».

Список источников

1. Ван Цзиньлин, Колкер Я. М, Устинова Е. С., Шань Нина, Марьяновская Е. Л. Китайская поэзия эпохи Тан: голос гармонии. — М. : Современные информ. системы, 2020. — 341 с.
2. Донн Дж. Избранное / пер. Я. М. Колкера. — М. : Изд-во Столяровых, 2022. — 165 с.
3. Золян С. Т. Текстоцентричная семантика и теория перевода // Иностранные языки в высшей школе. — 2013. — Вып. 2 (25). — С. 11–18.
4. Колкер Я. М. Поэзия и проза художественного перевода. — М. : Гуманитарий, 2014а. — 497 с.
5. Колкер Я. М. Размышления по поводу одного стихотворения // Иностранные языки в высшей школе. — 2014б. — Вып. 4 (31). — С. 52–56.
6. Колкер Я. М. Концепт, концептосфера, перевод // Иностранные языки в высшей школе. — 2016а. — Вып. 1 (36). — С. 34–42.
7. Колкер Я. М. Эстетическое сопереживание — основа эквивалентности перевода поэзии // Иностранные языки в высшей школе. — 2016б. — Вып. 3 (38). — С. 27–35.
8. Колкер Я. М. У истоков поэзии // Иностранные языки в высшей школе. — 2019. — Вып. 3 (50). — С. 71–77.
9. Колкер Я. М., Устинова Е. С. О неявных проявлениях поэтической функции: переводческий взгляд // Слово.ру: Балтийский акцент. — 2021. — Т. 12, № 3, том 12. — С. 34–53.
10. Шекспир В. Сонеты / пер. с англ. Я. М. Колкера. — М. : Изд-во Столяровых, 2019. — 373 с.
11. Шекспир У. Сонет 34. Блистательный мне был обещан день. — URL : http://www.eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=423 (дата обращения: 19.10.2023).
12. Tarkovsky A. Life, Life. — URL : https://ruverses.com/arseny-tarkovsky/life-life/9228/ (дата обращения: 19.10.2023).

References

1. Wang Jinling, Kolker Ya. M., Ustinova E. S., Shan Nina, Maryanovskaya E. L. *Kitaiskaya poeziya epokhi Tan: golos garmonii* [Chinese Poetry of the Tang Epoch: The Voice of Harmony]. Moscow, Contemporary information systems Publ., 2020, 341 p. (In Russian).
2. Donne J. *Izbrannoye* [Selected poems]. Transl. by Ya. M. Kolker. Moscow, The Stolyarovs Publ. House, 2022, 165 p. (In Russian).
3. Zolyan S. T. Text-centered semantics and theory of translation. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2013, iss. 2 (25), 2013, pp. 11–18. (In Russian).
4. Kolker Ya. M. *Poeziya I prosa khudozhestvennogo perevoda* [The Poetry and Prose of Literary Translation]. Moscow, Humanitarian Publ., 2014a, 497 p. (In Russian).
5. Kolker Ya. M. Meditations on Translation of Russian Poetry into English. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2014b, iss. 4 (31), pp. 52–56. (In Russian).
6. Kolker Ya. M. Concept, conceptual sphere, translation. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2016a, iss.1 (36), pp. 34–42. (In Russian).
7. Kolker Ya. M. Discussing the Basic Notion of Poetry Translation. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2016b, iss. 3 (38), pp. 27–35. (In Russian).
8. Kolker Ya. M. The Source and the Force of Poetry. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2019, iss. 3 (50), pp. 71–77. (In Russian).
9. Kolker Ya. M., Ustinova E. S. On the less obvious manifestations of the poetic function: A translator’s view. *Slovo.ru: baltiysky accent* [Word.ru: the Baltic Accent]. 2021, vol. 12, no. 3, pp. 34–53. (In Russian).

10. Shakespeare W. *Sonety* [Sonnets]. Transl. by Ya. M. Kolker. Moscow, The Stolyarovs Publ. House, 2019, 373 p. (In Russian).

11. Shakespeare W. *Sonet 34. Blistatel'nyy mne byl obeshchan den'* [Why didst thou promise such a beauteous day]. Available at: http://www.eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=423 (accessed 19.10.2023).

12. Tarkovsky A. *Life, Life*. Available at: https://ruverses.com/arseny-tarkovsky/life-life/9228/ (accessed 19.10.2023).

Информация об авторе

Устинова Елена Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the author

Ustinova, Elena — PhD (candidate of pedagogy), associate professor, Linguistics and Intercultural Communication Department, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023;
одобрена после рецензирования 16.11.2023;
принята к публикации 17.11.2023.

Submitted 10.11.2023;
approved after reviewing 16.11.2023;
accepted for publication 17.11.2023.

In Memoriam

Памяти Якова Моисеевича Колкера

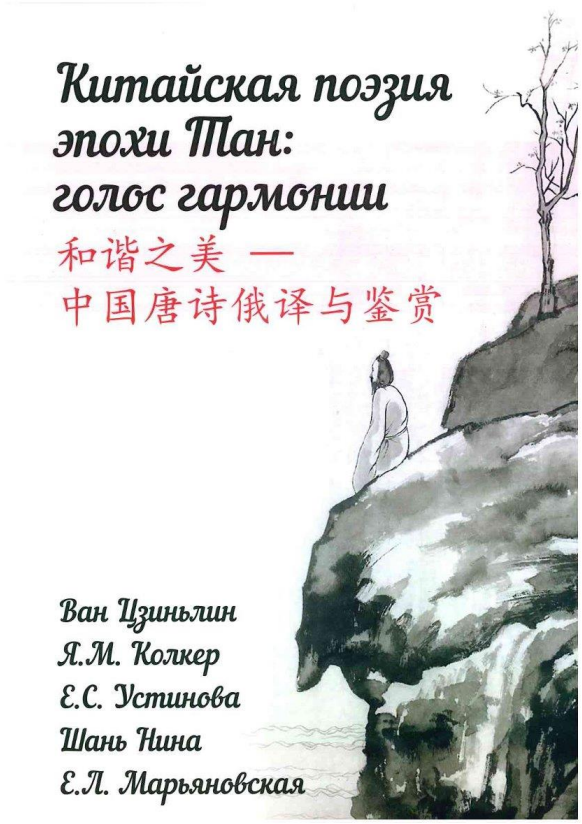
23 октября 2023 года Якову Моисеевичу Колкеру исполнилось бы 85 лет…

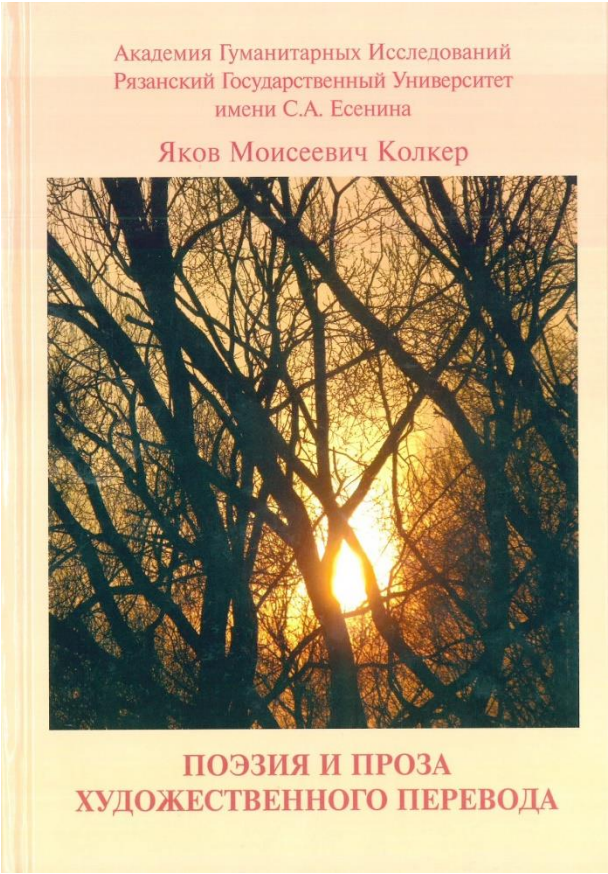
Профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации института иностранных языков, выдающийся педагог, лингвист, талантливый переводчик, почетный профессор двух университетов — Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина и Чанчуньского университета (КНР), член Союза российских писателей, научный руководитель программы магистратуры и аспирантуры, бессменный главный редактор журнала «Иностранные языки в высшей школе», создатель методической школы и школы художественного перевода, известных в нашей стране и за рубежом, обладатель медали К. Д. Ушинского, медали Я. Полонского, медали С. Есенина…

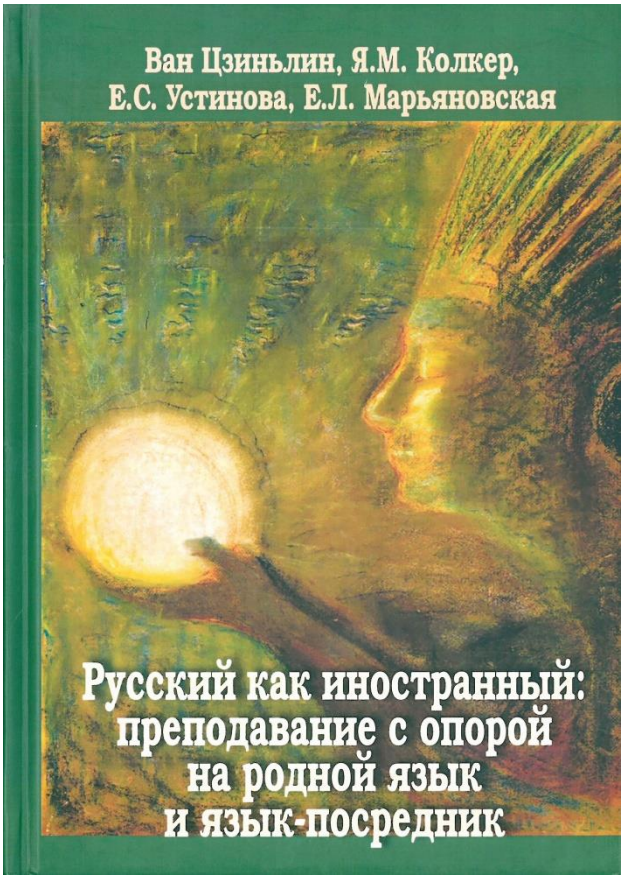
При этом сам Яков Моисеевич главной своей наградой считал скромный знак «За вклад в развитие университета», потому что почти 58 лет преданно служил родному вузу и всегда гордился тем, что с 1965 года в его трудовой книжке была только одна запись.

Как бы ни был занят профессор Колкер, он всегда видел смысл жизни в познании, творчестве и общении со студентами. Он искренне радовался, когда сложная лекция проходила удачно, когда получалось вопреки вердикту «непереводимо» создать адекватный перевод, когда он наблюдал успехи своих бывших студентов — нынешних коллег — и в преподавании, и в художественном переводе. Он был образцом порядочности, профессионализма, истинной интеллигентности (которую всегда считал нравственной категорией), преданного служения своей профессии и своей стране. Он был Учителем, Мастером, добрым, хоть и строгим, наставником, не жалеющим своего времени для всех, кто нуждался в его помощи.

SELECTED VERSES
OF RUSSIAN POETS
(XIX–XX)
Translated into English
by J. Kolker
Избранные стихи
российских поэтов
(XIX–XX)
Перевод на английский
Я. Колкера


Китайская поэзия
эпохи Тан:
голос гармонии
和谐之美 —
中国唐诗俄译与鉴赏
Ван Цзиньлин
Я.М. Колкер
Е.С. Устинова
Шань Нина
Е.Л. Марьяновская


Академия Гуманитарных Исследований
Рязанский Государственный Университет
имени С.А. Есенина
Яков Моисеевич Колкер
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА


Ван Цзиньлин, Я.М. Колкер,
Е.С. Устинова, Е.Л. Марьяновская
Русский как иностранный:
преподавание с опорой
на родной язык
и язык-посредник

Труды Якова Моисеевича в области методики преподавания иностранных языков хорошо известны в России и за ее пределами. Не менее известны его труды в области теории и практики художественного перевода. Его блестящие переводы английской поэзии на русский язык (В. Шекспир, Д. Донн, Э. По) и русской поэзии на английский язык (М. Лермонтов, А. Фет, Ф. Тютчев, Я. Полонский, Н. Заболоцкий, С. Есенин, О. Мандельштам, А. Тарковский, К. Симонов, А. Ахматова, С. Вермишева и др.) являются подтверждением мысли, которую Яков Моисеевич высказал в одном из своих последних интервью: «Переводы “в оба конца” сложны одинаково. Художественные переводы на английский важны, чтобы представлять русский язык и культуру за рубежом. Я считал и буду считать, что мы делаем для этого крайне недостаточно! Да, полностью донести дух и смысл бывает тяжело, но я злюсь, когда мне говорят, что, скажем, Есенин непереводим. Неправда».

Яков Моисеевич стоял у истоков всех значимых инноваций в преподавании иностранных языков и перевода в нашем университете: преподавание по конспектам, открытие переводческого отделения, расширение палитры языков и создание кафедры восточных языков, создание института иностранных языков на базе факультета (именно Яков Моисеевич был первым директором ИИЯ), открытие вечернего отделения, организация сотрудничества нашего университета с Чанчуньским университетом…

Сколько ярких плодов принесло это сотрудничество! Создание Института Конфуция, многолетняя работа над учебником китайского языка для русскоговорящих взрослых, долгосрочная командировка в Чанчуньский университет, где Яков Моисеевич преподавал русский язык и учил его преподавать. Потом было открытие культурно-просветительского центра имени С. А. Есенина в Чанчуньском университете, переводы стихов Есенина на китайский язык, переводы древнекитайских поэтов династии Тан на русский язык, многочисленные лекции, мастер-классы, конференции, счастье общения… планы, проекты… Казалось, что так будет вечно…

Говорят, учителя уходят, когда ученики готовы идти самостоятельно. Может быть…

Все поколения его учеников, все коллеги и друзья только начинают осознавать, что осиротели, еще не до конца понимая боль и масштаб утраты. Все будут сейчас собирать в памяти свой образ Якова Моисеевича, его слова, советы, жесты (ах, как бы хотелось, чтобы все повторилось, чтобы запомнить, обратить внимание, сделать, в конце концов, так, как говорил Яков Моисеевич!)… и вместе с глубокой скорбью, с горечью невосполнимой потери, будет расти наша память, светлая память о Якове Моисеевиче Колкере, об эпохе, о Мастере, который так или иначе создал всех нас!

Якова Моисеевича Колкера не стало 30 сентября 2023 года — в Международный день переводчика. Так символично распорядилась судьба…

Помним, любим…

Ученики, коллеги, друзья

Требования к публикациям
и правила представления рукописей авторами

(The Requirements for publication are also available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en/*)*

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина».

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года с периодичностью (с 2009 года) — один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 года. ***Регистрационный номер ПИ № ФС 77-72456.***

Подписной индекс журнала — № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России».

Журналу присвоен международный стандартный серийный номер (ISSN) 2072-7607.

Журнал с 1 декабря 2015 года ***входит в перечень рецензируемых научных изданий,*** в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций по филологии (языкознание) на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук.

Публикации бесплатны, при этом учредитель ограничивает количество печатных экземпляров, обеспечивая только обязательную рассылку и рассылку по подписке. Авторам бесплатно высылается электронный макет журнала, подготовленный к отправке в НЭБ (РИНЦ). Желающие приобрести печатный экземпляр могут заблаговременно оформить подписку на соответствующий квартал.

Журнал принимает статьи по методике преподавания иностранных языков, если исследование содержит лингвистическую составляющую, напр.: 5.9.8. Исследование языковых и речевых нарушений. Язык в контексте культуры. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка.

Значительное внимание уделяется проблемам теории и практики перевода, в том числе художественного перевода.

Список специальностей научных статей, публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»

5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»

5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (германские языки, романские языки, китайский язык).

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения. В порядке исключения возможна публикация на других ведущих европейских языках — немецком или французском.

Условия и порядок приема публикаций

1. Редакционный совет принимает к публикации статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости и соответствующие тематике журнала. Научные статьи направляются на независимую экспертизу и при положительном заключении, являющемся основанием для публикации, включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.
2. К публикации принимаются научные статьи, соответствующие этическим принципам опубликования научных работ (см. раздел на сайте www.fljournal.rsu.edu.ru «Этика научных публикаций»).
3. Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.
4. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.
5. Сведения об авторах представляются на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью; буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- ученая степень, звание, должность, место работы без сокращений (с точным, официальным названием кафедры, вуза, страны); для аспиранта либо соискателя — место учебы (кафедра, вуз), отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;
- наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);
- приблизительное количество научных публикаций (монографий, учебно-методических пособий, статей);
- основные направления научных исследований;
- средства оперативной связи в процессе подготовки статьи к печати: личная электронная почта, мобильный телефон, при наличии — WhatsApp (личные данные, кроме электронной почты, в журнале не публикуются).

6. Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии с техническими требованиями.
7. Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@365.rsu.edu.ru, с копиями на адреса: e.ustinova.rsu@yandex.ru и e.ustinova.rsu@gmail.com. Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.
8. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционным советом журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Требования к оформлению статей

1. *Индекс УДК.* Для публикации статье должен быть присвоен классификационный индекс универсальной десятичной классификации.
2. *Название статьи* (на русском и английском языках) пишется строчными буквами, с использованием заглавных только там, где это необходимо, по возможности без аббревиатур и сокращений.
3. *Аннотация* (на русском и английском языках) объемом 100—300 слов, по возможности без аббревиатур и сокращений. Аннотация должна отражать цель исследования, его новизну, суть авторского видения проблемы, основные положения, выдвигаемые автором, и результаты. Англоязычная аннотация может представлять собой перевод русскоязычной аннотации, но может быть и более развернутой, чтобы создать у читателей, не владеющих русским языком, более полное впечатление о сути исследования и его результатах.
4. *Ключевые слова* (на русском и английском языках). Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволяют облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы. Минимальный объем — 10 ключевых слов; ключевое словосочетание не должно превышать 5 слов. Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой (;). Недопустимо использование любых аббревиатур и сокращений.

5. *Текст статьи*. Рекомендуется деление статьи на основные части с помощью подзаголовков. Все аббревиатуры и сокращения должны быть развернуты при первом использовании. Недопустимо использование расставленных вручную переносов. Объем статьи с учетом информативности текста может варьироваться от 0,3 до 1,0 авторского листа, или от 12 до 40 тыс. знаков. В зависимости от материала произведения 1 авторский лист равен: для прозаического текста — 40 тыс. печ. знаков, для стихотворного текста — 700 строк, для изобразительного материала — 3 тыс. см^2 площади изображений. Текст статьи следует оформлять в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman стилем «Строгий» Microsoft Office Word. Редакционный совет оставляет за собой право сокращать статью (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

6. *Таблицы и рисунки.* Каждый рисунок должен быть пронумерован, подписан и сгруппирован (то есть не «разваливаться» при перемещении и форматировании). Таблицы и рисунки должны иметь порядковую нумерацию, при этом нумерация рисунков и таблиц ведется раздельно. В тексте статьи на таблицы и рисунки обязательно должны быть отсылки.

7. *Список использованной литературы (источников)* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.1. Чтобы все авторы публикации были учтены в системе цитирования, в библиографическое описание необходимо вносить всех авторов.

7.2. Недопустимо сокращать название статьи, книги, отечественного журнала, кроме тех случаев, когда сокращение имеется в предписанном источнике информации. Название англоязычных журналов следует приводить в соответствии с общепринятыми сокращениями.

7.3. В периодических или продолжающихся изданиях указывается текущий номер и (в скобках) валовой, то есть номер с момента основания издания.

7.4. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор (Digital Object Identifier — DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. В этом случае электронный адрес опускается.

8. *Библиографическая ссылка* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

8.1. Приветствуется наличие ссылок на иноязычные публикации зарубежных исследователей.

8.2. При ссылках на электронные ресурсы следует указывать дату обращения.

8.3 Ссылки на Википедию недопустимы.

9. *References.*

9.1. Список использованной литературы на латинице (References) составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту.

9.2. При описании изданий без авторов (коллективных монографий, сборников, материалов конференций) указывается отв. редактор (под редакцией), но не более двух.

Ниже приведены примеры описания использованных источников (литературы) и References.

Книги, монографии

Список литературы	References
Несколько авторов	
Железняк Ю. Д., Петров П. К. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте : учеб. пособие для вузов. — Ростов н/Д : Академия, 2002. — 264 с.	Zheleznyak Iu. D., Petrov P. K. *Osnovy nauchno-metodicheskoy deyatel'nosti v fizicheskoy kul'turei sporte* [Bases of scientific and methodical activity in physical culture and sport]. Rostov-on-Don, Academy Publ., 2002, 264 p. (In Russian).

Периодические издания (статьи журналов, сборника научных трудов, материалов конференции)

Список литературы	References
Несколько авторов	
Загайнов С. С., Митчелл П. Д. История развития военных словарей-разговорников как малого литературного жанра // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». — 2016. — Т. 21, вып. 11 (163). — С. 46–51. — DOI : 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.	Zagaynov S. S., Mitchell P. D. The history of the development of military phrase books as a small literary genre. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Tambov University Review. Series "Humanities"]. 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 46–51. (In Russian). — DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.
Материалы конференций	
Калинина Т. Л., Щекочихина С. В. Особенности перевода парадоксов на материале перевода пьес О. Уайльда // Язык в различных сферах коммуникации : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Т. Ю. Игнатович. — Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2014. — С. 233–236.	Kalinina T. L., Shchekochihina S. V. Translation of Paradoxes in O. Wilde's plays. Ignatovich Yu. (ed.) *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Yazyk v razlichnyh sferah kommunikacii"* [Papers of the International scholarly conference "Language in Various Spheres of Communication"]. Chita, Zabaikal'sky State University Publ., 2014, pp. 233–236. (In Russian).

Электронные ресурсы

Список литературы	References
Электронный журнал	
Рыбаков С. Ю. Проблема духовности в педагогическом аспекте // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 16. — URL : http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (дата обращения: 10.09.2016).	Rybakov S. Iu. The problem of spirituality in the context of education. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [The Theory and Practice of Social Development]. 2014, vol. 16. (In Russian). Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (accessed 10.09.2016).

Направляя статью для публикации в журнале «Иностранные языки в высшей школе», автор тем самым дает согласие на ее размещение на сайте РГУ имени С. А. Есенина, а также в Российской научной электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа.

Электронные адреса и контактные телефоны:
e.ustinova@365.rsu.edu.ru; e.ustinova.rsu@yandex.ru; e.ustinova.rsu@gmail.com
(4912) 21-57-23; (4912) 97-15-15 (доб. 1030).

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал
Выпуск 4 (67)

2023

Главный редактор

Колкер Яков Моисеевич

Редакторы иностранного текста:

Е. С. Устинова (английский язык)
Ван Цзиньлин (китайский язык)
Е. В. Игнатова (немецкий язык)
Н. К. Костина (французский язык)

Редактор Н. И. Тангаева
Технический редактор Д. А. Филатов

Дата выхода в свет 22.12.2023. Цена свободная.
Гарнитура SimSun, Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 11,38. Уч.-изд. л. 10,2. Заказ № 117. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Адрес издателя:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Адрес типографии:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С. А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Ленина, 20а